

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

Приложение БААКФ

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР

ГЕНРИ КАТТНЕР

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР

Генри Каттнер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-приложение 03 (2016)

Клубное издание

ВСЕ - ИЛЛЮЗИЯ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 9,86)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Генри Каттнер и Кэтрин Люсиль Мур

NEW TUBBY STORY By RAY CUMMINGS

THRILLING

WONDER

STORIES

5¢

CAVERN OF THE
SHINING POOL

A Novelette of
Time's Vortex

By
ARTHUR
LEO
ZAGAT

ILLING
CATION

THE IMMORTALITY SEEKERS

An Interplanetary Novelette

By JOHN W. CAMPBELL, JR.

КОГДА ЗЕМЛЯ ОЖИВАЛА

КОГДА ДЖИМ Марден обнаружил, что Вселенная сошла с ума, он ехал на гору, где жил доктор Леон Кент, его дядя-отшельник. Срочная зашифрованная телеграмма от Кента заставила Мардена быстро собрать сумку, закинуть ее в кабриолет и двинуться в долгий путь к горе Кун, где дядя устроил свою лабораторию. Перекусив в придорожной забегаловке, Марден пробежал глазами газету и увидел первый признак катастрофы, которая обещала принять воистину космические масштабы.

Если бы Марден не был хоть немного ученым, можно сказать, любителем, он вряд ли понял бы невероятную важность новости на шестой странице. Заметка была весьма короткой, в ней говорилось только о том, что в соответствии с сообщением, отправленным с обсерватории горы Уилсон, галактика N.G.C. 385 в скоплении Пегаса, перерестала удаляться от Земли со скоростью 4000 километров в секунду и теперь движется с еще большей скоростью под прямым углом к своему прежнему курсу.

Неспециалиста эта заметка вряд ли встревожила бы, но Марден знал, что когда случаются подобные вещи, наука теряет весь смысл и становится хобби для всяких психов.

Девушка, сидящая за стойкой рядом ним, позвала официанта. Она держала вилку... или то, что когда-то было вилкой. Теперь эта вилка представляла собой уродливый кусок металла.

— Как вы это называете? — спросила девушка.

Извинившись, официант принес ей другую вилку. Через секунду Марден уже забыл об этом происшествии. Было явно нелепо связывать вдруг сошедшую с ума галактику со странным превращением обычного столового предмета. Тем не менее, это оказалось не просто совпадением, как с опозданием понял Марден — и все это, в свою очередь, было связано с удивительным инцидентом с кофеваркой.

В тот момент Марден не смотрел на большую, серебристую кофеварку, но почувствовал, что происходит нечто необычное, когда за стойкой раздалось шипение, всплеск и изумленный крик официанта. Марден поднял голову и увидел поток коричневой жидкости, вытекающий из дна кофеварки. Через секунду пол внутри U-образной стойки оказался затоплен. Официант нагнулся, чтобы перекрыть газ и внезапно застыл, выкатив глаза в направлении причины потопа.

— Ну, будь я... — ахнул он. — Я никогда не видел ничего подобного.

– Чего? – спросила девушка, пожелавшая заменить вилку.

Марден заметил, что она была весьма красива, с ярко-зелеными глазами и вздернутым носиком.

– Да тут скоро все рассыплется, Лорна, – добавил сидящий рядом с ней молодой человек, светловолосый, театрально красивый.

Официант повернул озадаченное лицо к Мардену.

– Странно, – пробормотал он. – Выглядит так, словно от прикосновения пламени металл просто отогнулся назад. Там есть кольцо – не расплавленное, а отогнутое – вокруг дыры на дне.

– Должно быть, металлу не понравился огонь, – заметил блондин с ненамеренной точностью.

Официант одарил его неприязненным взглядом.

Девушка встала со стула, ее спутник кинул на стойку монету.

– Когда уходит автобус? – спросил он.

На лице официанта появилась ухмылка.

– Уже ушел, – с довольным видом сказал он. – Следующий будет только завтра.

– Но нам нужно попасть в Карр, – воскликнул парень. – Здесь негде остаться, даже если...

– Я еду почти до Карра, – как само собой очевидное, сказал Марден. – Буду рад вас подбросить.

– Спасибо, – поспешно согласился парень.

Девушка помешкала, но, в конце концов, кивнула. Положив на стойку пятидесятицентовую монету, Марден встал, но тут же чуть не упал.

– Странно, – криво ухмыльнувшись, прокомментировал он. – Пол словно прогнулся.

Действительно, было странное ощущение, что деревянный пол был... живой, и он, правда, пошевелился под ногами. Марден посмотрел вниз, заметил, что трещины в деревянных досках перекосились, словно сами доски покоробились и перекрутились. Казалось, пока он смотрел, они возвращались в первоначальное положение. Марден поморгал. *Оптическая иллюзия*, сделал он вывод.

ПАРОЙ ЧАСОВ позже кабриолет уже полз по склону горы Кун. На другой стороне каньона Марден увидел автобус, на который опоздали его попутчики. Он продолжал периодически посматривать на этот автобус, несмотря на опасные изгибы горной дороги. Казалось, что автобус двигался как-то странно, будто рывками, подпрыгивая на метр над землей, во всяком Марден точно видел, что колеса автобуса иногда отрывались от дороги.

WHEN the EARTH LIVED

**A Super-Universe Unleashes
Forces that Create New,
Sentient Life!**

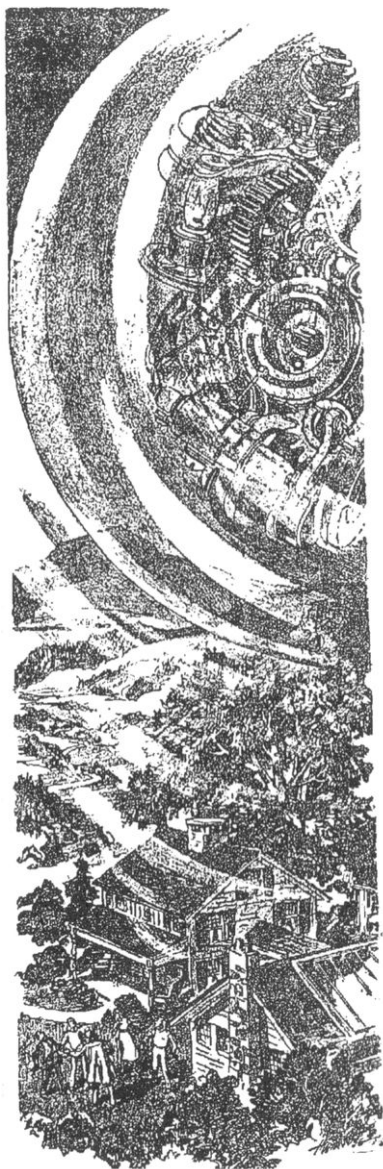
Марден не мог понять, в чем же дело. Возможно, он заболел, хотя даже маленьким кабриолетом сегодня было почему-то трудно управлять. Он плохо слушался руля, и Мардена не покидало странное, необъяснимое чувство тревоги.

По какой-то неизвестной причине, он радовался, что сидит не в закрытой машине.

Его спутники, по-видимому, не замечали ничего необычного. Парень – Боб Харрисон – привез свою девушку, Лорну Ньютон, в Лос-Анджелес на футбольный матч, а на обратном пути его машина сломалась.

– Гараж затопило, – сообщил Харрисон Мардену. – Просто какая-то эпидемия несчастных случаев. Лорне нужно завтра утром на работу, а мне – в университет.

– Ладно, – сказал Марден. – Я догоню автобус, и вы переседете на него. Вообще, мне нужно было свернуть тут. – Он указал на едва заметную проселочную дорогу, уходящую в сосновый лес. – Но я

вернусь на нее позже. Думаю, поравняюсь с автобусом через пару минут.

К счастью, он не успел этого сделать. Катастрофа случилась как раз, когда Марден проходил поворот «шпильку», огибающий узкое ущелье. В метрах тридцати впереди он увидел автобус, двухэтажную модель голубого цвета с хромированными полосами. Внезапно, мир сошел с ума.

Дорога впереди, казалось, вздыбилась и невероятно высоко подпрыгнула так, что автобус покатился назад. Марден машинально ударил по тормозам, ошарашенно глядя на происходящее.

– Землетрясение! – задыхаясь, воскликнул Харрисон.

Но это было не так. Асфальтированная дорога упала обратно, и автобус грохнулся на нее с металлическим скрежетом. С оглушительным хлопком лопнули шины. Из автобуса донеслись крики – мучительные, перепуганные.

А автобус начал... сжиматься. Он складывался внутрь себя, словно его сдавливала какая-то гигантская рука. Вылетели стекла. Квадратные окна сначала стали продолговатыми, затем просто щелками, а потом и вовсе исчезли в складках металла.

– Боже правый! – прошептал Марден. – Посмотрите на дорогу!

Асфальт под автобусом начал сморщиваться, и машина, полная людей, принялась медленно тонуть. Словно дорога внезапно превратилась в море засасывающей грязи, неумолимо тянувшей автобус вниз. До ушей Мардена донеслись адские вопли. Он увидел крупного, коренастого человека, пытавшегося вылезти из окна, сужавшегося прямо на глазах.

Секунду человек бешено извивался, затем оказался снаружи, и в тот же миг окно за ним захлопнулось. Человек побежал к кабриолету, разинув рот от дикого ужаса.

Автобус превратился в вытянутый эллипс гладкого, поблескивающего металла. Эллипс уменьшался и превратился в сферу диаметром в одну пятую первоначального размера. Крики прекратились.

Потом автобус исчез из поля зрения. Асфальт поглотил его.

КОРЕНАСТЫЙ ЧЕЛОВЕК отчаянно несся по дороге, которая раскачивалась и вздымалась под ним. Марден резко направил кабриолет вверх по склону, по обочине дороги, и почувствовал, как твердая земля уступила место чему-то, похожему на песок. Вдавив акселератор, Марден сумел высвободиться и развернуть автомобиль на сто восемьдесят градусов. Коренастый человек поравнялся с машиной и запрыгнул на подножку, когда Марден окрикнул его. Из-под земли донесся ужасный неземной рев.

Марден надавил на педаль и почувствовал, как кабриолет головокругительно закачался, опасно наклонившись к обрыву слева. Но скорость не дала ему опрокинуться, и машина понеслась *вниз* по дороге. Марден мельком увидел лицо Лорны, напряженное и побелевшее.

Коренастый человек что-то прокричал, отчаянно пытаясь найти опору для ног. Он сумел забраться внутрь автомобиля, открыть откидное сиденье и плюхнуться на него. Оглянувшись назад, Марден понял, что подножка оторвалась. Там, где она была, осталась лишь тонкая полоска странно потемневшей резины, идущая вдоль всего борта.

Дорога под ними продолжала качаться. Марден вцепился в рулевое колесо, ведя автомобиль по направлению к дому своего дяди. Они перевалили через холм, и взгляду открылась небольшая долина, в которой стоял ветхий домик. Воздух вокруг него странно посверкивал.

— Машина разваливается на части! — прокричал Харрисон сквозь скрежещущий рев, доносившийся из-под земли.

Дверь кабриолета со стороны Харрисона исчезла, и он, побелев, каким-то чудом ухватился за лобовое стекло, которое вскоре тоже растаяло и исчезло. В лицо Мардену ударил порыв ветра.

Руль вылетел у него из рук.

К счастью, дорога была прямой. Он увидел, как из ветхой постройки выбежал высокий человек, секунду помешкал, а затем быстро отбежал в сторону. Необъяснимое мерцание воздуха вокруг домика немного угасло, а потом и совсем пропало. Марден ударил по тормозам. Машина заскользила, развернулась боком и остановилась посреди сада.

Сквозь грохот из-под земли стал слышен высокочастотный вой, который быстро набирал громкость. Воздух вокруг дома опять начал посверкивать, но теперь это происходило за кабриолетом и его перепуганными пассажирами. Дом словно окружила невидимая стена непонятной силы, защищая его.

С трясущимися руками, Марден вышел из автомобиля и помог выбраться Лорне. Харрисон и коренастый быстро последовали его примеру. Все четверо молча переглянулись. Казалось, говорить было особо нечего.

Из дома вышел мрачный, худой человек с простым, но красивым лицом. Его возраст выдавали лишь седые виски.

— Дядя Леон! — воскликнул Марден и тут же замялся. — Я... мы... ну, я добрался до вас!

— Да уж, вижу, — сухо ответил доктор Кент. — Входите в дом, все вы, и выпейте чего-нибудь покрепче. Вам полегчает.

ДОКТОР КЕНТ говорил, одновременно работая. Общаясь, и в то же время всматриваясь в микроскоп, то и дело проводил спешные расчеты на бумаге, валявшейся на лабораторном столе. Остальные расположились вокруг дяди Леона, внимательно наблюдая за его действиями. Харрисон и Лорна примостились на скамейке, а Марден прислонился к стене, нервно покусывая мундштук трубки. Коренастого человека звали Стэн Бурфорд, и был он промоутером. Бурфорд напряженно сидел на краю стула, а на его глуповатом лице застыла печать дурацкого страха. Что именно он продвигал, так никто и не понял. Марден решил, что Бурфорд просто мелкий аферист.

Доктор Кент, все еще сосредоточенно что-то подсчитывая, повернул винт микроскопа.

— Я не думал, что все случится так скоро, — сказал он. — Полагаю, что это единственное место на Земле, где сейчас относительно безопасно. Мерцание воздуха, которое ты заметил, Джим... — Марден уже спрашивал о нем, — ...возникает из-за лучей смерти, приспособленных мною для этой цели. Они окружают нас, как полый силовой шар. Или, шар смерти. Если бы я не увидел, как вы приближаетесь, и на время не выключил поле, оно бы убило вас.

Лорна содрогнулась.

— Я не знала, что лучи смерти существуют, — сказала она.

Доктор пристально посмотрел на нее.

— Дорогая моя, лучи смерти уже давно не псевдонаучный вымысел, их существование — твердый факт, вы бы узнали об этом, если бы читали научные журналы... да хотя бы газеты. Я просто адаптировал эти лучи для своих нужд. Они действуют, как барьер против... — Доктор замешкался.

— Кажется, я знаю, что случилось, — сказал Марден. — Та галактика в Пегасе навела меня на мысль. Это что-то... космическое... не так ли?

— Да. Эксперимент, Джим... космический эксперимент, в котором мы — подопытные морские свинки. Ты же в курсе атомной теории, да?

— То, что Вселенная — просто атом в еще большей Вселенной и так далее, до бесконечности? — спросил Марден.

Доктор кивнул.

— Все верно. Это, конечно, старая теория. На ней основывается несчетное количество псевдонаучных историй, к тому же, этой тео-

рии придерживается официальная наука. Но... ты знаешь, над чем я работал последние годы, Джим, да?

– Лучи, – ответил Марден. – В особенности, космические лучи. Вы же не хотите сказать, что...

– Именно так. Космическое излучение навело меня на след истины, истины такой невероятной, такой странной, что я не смел объявить о своем открытии. Надо мной бы стали смеяться или даже хуже. Возможно, отправили бы в психбольницу. А мне нужна была свобода, чтобы закончить работу. Хотя будет ли от этого какой-нибудь толк... Самая ближайшая к правде догадка, сделанная учеными об источнике космических лучей, – продолжал Кент, – то, что это – сама жизнь. И все именно так и обстоит. Столетиями люди пытались создать в лабораториях искусственную жизнь. Но они пренебрегали самым важным фактором – космическими лучами, являющимися источником жизни. Они охватывают всю эту вселенную. И постепенно, очень медленно, набирают мощность.

– **НО ТЕОРИЯ** Аррениуса*... – начал Марден.

Кент прервал его.

– Она ничему не противоречит. Да, споры жизни могут попадать из одного мира в другой. Тем не менее, в самом начале, жизнь появилась благодаря воздействию космических лучей. Никто не знает их источник. Это потому, что он находится *за пределами* этой вселенной – в сверхмире, где мы всего лишь атом. Это проще всего объяснить, используя знакомые примеры. Предположим, ученый открыл луч, создающий жизнь. Он проводит эксперименты с атомом. Направляет этот луч на атом, – очень сложный атом, – и наблюдает за ним через микроскоп. Он создает жизнь. Но ученому этого мало. Он хочет пойти дальше. Он усиливает мощность луча. И жизнь...

– Хотите сказать, именно это и происходит в сверхвселенной... но это невозможно!

– Не совсем! Поскольку все так и случилось. В сверхвселенной, Ученый – или Ученые – экспериментирующие с атомом, в котором существует наш мир, увеличили мощность космического излучения. Скоро я покажу тебе, откуда я узнал это, Джим. Ты знаешь, что такое жизнь?

– Я знаю, – сказал блондин Харрисон. – Жизнь – это способность к адаптации и росту.

* Аррениус (Arrhenius) Сванте Август (1859 - 1927), шведский ученый, автор теории электролитической диссоциации, лауреат Нобелевской премии по химии (1903).

– Ох, уж эти студенты! – фыркнул доктор Кент. – Ты назвал лишь пару свойств жизни. Живой организм может адаптироваться к окружению... и он растет. Но что такое сама жизнь?

– Этого никто не знает, – сказал Марден.

– Довольно точно. И основная ошибка официальной науки в том, что она связывает жизнь только с органической материей. Камни, как они утверждают, жить не могут. Металл жить не может. Атомы тоже. Тем не менее, нынче утром вы видели, что это не так!

– Что? – Марден усталился на дядю, и у него на секунду зародилось подозрение, что дядя Леон сошел с ума. – Это невозможно!

– Перестань это твердить! В привычных условиях, это и, правда, невозможно, но не сейчас! Мощь космических лучей – лучей жизни – вначале дала жизнь только тем организмам, который были готовы ее принять: молекулам, протоплазме, со временем превратившейся в человека. Теперь, когда космические лучи стали сильнее, таинственная жизненная сила воздействует на все, что существует в нашей вселенной. Способность адаптироваться... и расти!

– Кофейная ложка... – прошептала Лорна.

Они рассказали Кенту о происшествии в придорожной забегаловке.

– Ага, – кивнул он. – Тепло кофе заставило ложку принять форму, в которой она почувствует меньше тепла, чем, если бы осталась в первоначальном виде. И кофеварка – металл, действительно, убрался с пути пламени. Мы не можем предвидеть, что случится дальше – неорганическая жизнь слишком не похожа на нашу. Катастрофу на дороге, вероятно, вызвал вес автобуса. Сама земля растет и адаптируется. Она становится живой.

– Он чокнутый, – прошептал крепыш Бурфорд Харрисону.

Но студент колледжа с нетерпением покачал головой, желая, чтобы доктор продолжал.

– Эта... инфекция... конечно, медленно распространяется. Пока еще Земля испытывает только родовые муки. Бог знает, что случится дальше. В этом месте, защищенном от космического излучения, мы временно находимся в безопасности. Но... – Доктор Кент пожал плечами.

– Я просто не могу в это поверить, – медленно сказал Марден. – Это кажется слишком... невероятным. Меня всегда учили, что жизнь неразрывно связана с органической материей.

– Как ты можешь такое говорить, если никто из вас не знает, что такое жизнь? Смотри сюда, Джим... и остальные.

ДОКТОР КЕНТ поднялся и подошел к столу, на котором лежал незнакомый, громоздкий, аппарат. Металлический экран с диагональю сантиметров пятьдесят, закрепленный на странном механизме. Кент нажал кнопку. Экран ярко вспыхнул.

— Я покажу вам сверхвселенную, — сказал он. — Я наткнулся на это во время своих экспериментов. Все довольно просто, я использую космические лучи, чтобы получить изображение того, что находится с другой стороны. *Снаружи*. Характерные особенности космических лучей делают это возможным. Без этого, разумеется, ничего бы не получилось.

Мерцание света на экране угасло. Появилась тусклая, сероватая картинка. Лорна невольно вскрикнула и закрыла глаза руками. В голове Мардена стрельнула острая боль, когда он попытался проследить за невозможными кривыми и углами. Это были абсолютно чуждые, непривычные объекты — казалось, они существовали в соответствии с какой-то фантастической, неевклидовой геометрией.

Странные кривые извивались и крутились под невероятными углами. Только в центре экрана было четкое изображение. Тем не менее, Марден не мог понять, что именно он видел.

Какой-то механизм — да. Это он понял. Но этот механизм не подходил ни на один аппарат, когда-либо виденный Марденом. Механизм на экране был построен из кристаллов, плоскостей и сфер, каким-то образом соприкасающихся в одной точке, где ярко сияло пятно света — пылающего, ослепительного, неземного света.

— Источник космического излучения, — прошептал Кент, — находится в этой сверхвселенной. Ты смотришь на наш космос... Со стороны!

В центре экрана показалось что-то новое — тонкий, похожий на стержень объект, сияющий изумрудным свечением. Какое-то время он повисел над пятном света, а затем пропал.

— Думаю — хотя и не уверен — это один из Ученых, — едва слышно сказал Кент. — Наблюдает, как проходит эксперимент по уничтожению человечества.

— Невероятно! — воскликнул Харрисон.

Промоутер Бурфорд что-то неразборчиво пробормотал.

— Неважно, верите ли вы или нет, — холодно сказал Кент. — Я... знаю, что это реально. И этого достаточно.

— Но что мы можем сделать? — спросил Марден. — Мы же все погибнем. Выхода нет...

— Есть один вариант, — сказал Кент. — Способ, над которым я работал с тех пор, как обнаружил это несколько лет назад. Если этот супермикроскоп разрушить, разбить...

Марден невольно засмеялся, коротким, горьким смешком. Его дядя нахмурился.

— Все еще не веришь, да? Давай вернемся к нашему изначальному сравнению — к Ученому, экспериментирующему с атомом. Просто предположим, что какая-то взрывчатка, гораздо более мощная, чем динамит, оказалась под линзой микроскопа... и взорвалась.

— Разве это не уничтожит атом? — спросил Харрисон.

Доктор сердито на него посмотрел.

— **НЕТ, — ПРЕРВАЛ** его Марден. — Скорее всего, это взорвет микроскоп и лабораторию... а атом, разумеется, не пострадает. Он слишком маленький.

— Именно так, — подтвердил доктор. — Ну, таков мой план. Это то, над чем я работал долгие годы. И все почти завершено. Я отправлю сферу с этой новой взрывчаткой, *тернолином*, в сверхвселенную... и взорву микроскоп и машину, создающую космические лучи!

Пораженный размахом плана Кента, Марден мог только смотреть. — Я снова должен использовать космические лучи, как проводники, — быстро продолжал доктор. — Это слишком сложно объяснить, и, к тому же, у меня нет времени. Я три месяца бился над самой сложной проблемой — как сделать так, чтобы взрыв произошел в нужный момент. Разумеется, сила космических лучей у источника гораздо больше. На этом основаны мои расчеты. Я позволю лучам самим взорвать *тернолин*. Джим — мне нужна твоя помощь. Остальные могут делать, что хотят. Только не подходите к барьеру из лучей смерти!

— Могу я помочь? — спросил Харрисон.

Доктор недовольно фыркнул.

— Да, не путайся под ногами. Джим мало что знает, но у него есть зачатки научного знания. Что касается остальных...

Пожав плечами, дядя Леон вернулся к микроскопу, подозвав Мардена. Успокаивающе улыбнувшись Лорне, Марден взял карандаш и подошел к ученому.

Запуск *тернолиновой* сферы был не особо зрелищным. Объект оказался сияющим, металлическим шариком сантиметров тридцать в диаметре, внутри которого доктор Кент поместил аппаратуру, увеличивающую шар в размере. Жидкий *тернолин* должен был в последний момент попасть в клапан на корпусе шара, и Кент, быстро сверившись с толстой пачкой бумаг, двинул торчащий рычаг.

Поначалу очень медленно, шар начал увеличиваться в размерах. Через секунду он достиг полуметра в диаметре... метра...двух метров...

Он стал полупрозрачным. Внутри него Марден смутно разглядел какие-то сложные приборы и блестящий, белесый *тернолин*. Затем, внезапно, шар, казалось, подпрыгнул до самого горизонта, став туманной, призрачной сферой. Марден, на одну удивительную секунду, оказался внутри нее. Даже самое высокое строение, когда-либо построенное человеком, казалось бы карликом на ее фоне...

И тут сфера поблекла и исчезла! Она на громадной скорости помчалась к сверхвселенной, неся на своем борту груз, означавший спасение Земли!

– Неужели от нее будет толк? – спросил Лорна. – Это же просто какая-то тень...

– Этого будет достаточно... там, снаружи, – ответил Марден. – Пока сфера растет, атомы, составляющую ее структуру, разумеется, тоже расширяются. Но если она достигнет сверхвселенной, то станет такой же плотной, как и материя там. Сколько это займет, дядя Леон?

Доктор Кент поджал губы.

– Точно не могу сказать. Здесь столько разных факторов, столько возможностей ошибиться. Может быть, через час. Видишь ли, скорость сферы – скорость роста – постоянно увеличивается. Время *Снаружи*, без сомнения, идет по-другому – час для них может быть миллионом лет для нас. И это единственная причина, по которой у меня хватило времени все подготовить.

– **ТОГДА ОСТАЕТСЯ** лишь ждать, – сказал Марден Лорне. – Жаль, что я не знаю, что происходит снаружи долины. Даже радио не работает.

– Я боюсь одного, – медленно сказал доктор. – Космические лучи набирают мощность. Мои лучи смерти не смогут сдерживать их достаточно долго. Кстати, они уже начинают проникать через щит. Посмотрите на это!

Дядя Леон указал на маленький, размером с кулак, округлый камень, лежащий на земле неподалеку. Без всяких внешних причин, он медленно двигался к другому камню в паре метров от него. Промоутер Бурфорд смотрел на это с выпученными глазами.

– Боже правый, – хрипло пробормотал он. – Теперь я тоже схожу с ума!

Усмехнувшись, Марден сделал пару шагов вперед и поднял камень. Тот принялся странно корчиться и извиваться. Марден бросил его.

Камень отскочил — твердый камень... отскочил! — от твердой земли! Подпрыгнул на пару метров, и, когда Марден в изумлении ахнул, серией коротких скачков добрался до другого камня. Ударившись о него с тихим треском, первый камень застрял в нем. Серая поверхность камней, казалось, зашевелилась. И вдруг остался только один камень, в два раза больше любого из первоначальных.

— Жизнь, — сказал Кент. — Атомная жизнь. Рост... и адаптация.

Земля под ногами задрожала. Балки дома угрожающе закрипели.

— Может быть, нам лучше выйти наружу? — испуганным голосом предложил Харрисон.

— Я должен смотреть на экран, — упрямо сказал доктор Кент. — Только так мы узнаем, когда сфера станет видимой в сверхвселенной.

Толстые губы Бурфорда беззвучно шевелились. Мардену не нравился стеклянный взгляд его белесых глаз. Невозможно было предвидеть, что может сделать испуганный, суеверный промоутер. Марден решил внимательно присматривать за ним.

Прошел почти час. За это время почти ничего не произошло. Медленно ползущие по земле странными, амебоподобными движениями камни перестали выглядеть чем-то необычным. Земля под ногами тоже казалась странно неустойчивой, склонной к тряске и опасно проминающейся под ногами. Домик, стоящий в самом центре невидимого барьера из лучей смерти, пока еще не сильно подвергся влиянию космического излучения. Разве что одна люстра грохнулась на пол. И разок, без всяких видимых причин, разбилось окно.

Марден не мог выбрать между лабораторией дяди, где тот сидел, неотрывно глядя на экран, показывающий сверхмир, и улицей, где все остальные бесцельно бродили вокруг дома в полубессознательном состоянии. Марден также успевал скрытно присматривать за Бурфордом. Было очевидно, что промоутер просто трещал под напряжением сложившейся ситуации.

Его губы постоянно шевелились, и, время от времени, до Мардена доносились такие фразы, как «... Судный День... мы все умрем... конец света...» А один раз Бурфорд повернулся к нему и прокричал: «Мы умрем уже очень скоро. Нужно прожить оставшуюся жизнь достойно!»

Марден собирался подойти к промоутеру, чтобы успокоить его, но тот, внезапно, затих сам, когда из-за угла дома вышла Лорна.

— Ладно, — ответил Бурфорд на резкий протест Мардена. — Забудь, приятель. Со мной все будет в порядке.

МАРДЕН НЕ БЫЛ в этом уверен. И совсем не удивился, когда через пару минут, стоя рядом с дядей и смотря на экран, услышал с улицы сердитый крик. Марден тут же побежал к двери.

Лорна пыталась вырваться из хватки Бурфорда, уворачиваясь от поцелуев, которыми он покрывал ее лицо. Харрисон, студент колледжа, сидел рядом и изумленно пялился на происходящее. На его подбородке наливался синяк.

– Прекрати, Бурфорд! – выпалил Марден.

Голова промоутера дернулась назад, и он быстро отпустил девушку. Она отпрыгнула, остановившись в дверном проходе, когда Марден рванул вперёд. Он увидел, как рука Бурфорда нырнула под куртку, и Марден сразу понял, что это значит.

Он оказался прав. В руке Бурфорда появился пистолет. Но он не выстрелил. Промоутер яростно замахнулся на Мардена и ударил его стволом по голове. В глазах Мардена потемнело.

Он смутно слышал крик. Поднялся на ноги, с трудом поборов головокружение, и как раз успел увидеть, как Харрисон, шатаясь, вошел в дом. Остальные куда-то делись.

Марден последовал за блондином. Из лаборатории донесся крик, звон стекла и металла. В дверном проходе Марден остановился.

Бурфорд стоял спиной к стене, угрожая пистолетом трем людям перед ним – Лорне, Харрисону и доктору Кенту. Куча обломков на полу рядом с перевернутым столом говорила о том, что произошла борьба.

– Дурак! – прокричал Кент. – Это проектор лучей – лучей смерти – и ты сломал его! Теперь мы беззащитны!

– Заткнись! – прорычал Бурфорд. – Я проживу последние минуты своей жизни так, как хочу.

Он взмахнул пистолетом.

Внезапно пол содрогнулся. Над головой зловеще затрещали балки. Где-то разбилось окно.

Марден рванул вперёд. Бурфорд не увидел его, и у того была возможность...

Громыкнул пистолет. Пуля просвистела мимо головы Мардена и застряла глубоко в стене. Раздался неестественно громкий треск дерева. Марден врезался в ноги Бурфорда, отбросив его назад.

В соответствии всем законам природы, нескладное тело промоутера должно было врезаться в стену с силой, которая бы сбила его дыхание. Но стена исчезла! Марден успел заметить, как натягиваются и рвутся обои, как в твердой стене появляется промежутки, когда тело Бурфорда полетело назад, и затем, непонятно как, ока-

залось на полу — частично в одной комнате, частично в другой. В стене образовался метровый проем, тянущийся от пола до потолка.

Марден с трудом расслышал победный крик доктора Кента.

— Сфера! Она там... она *Снаружи!*

Марден понял, что крошечный, блестящий шарик, несущий смертоносный *тернолин*, который, наконец, стал виден на экране, достиг сверхвселенной. Но взорвется ли он...

СУДЬБА ВСЕЛЕННОЙ зависела от этого. Но в тот момент Мардена заботила более насущная проблема. Бурфорд, наполовину находящийся под телом противника, высвободил руку и сумел повернуть ее так, что пистолет глянул прямо в лицо Мардена. Дуло казалось все больше и больше, по мере того, как палец промутера давил на курок.

На лице Бурфорда появился изумленный ужас. Он пристально уставился, но не на Мардена, а на пистолет в своей руке. Как и Марден. Потому что это был уже не пистолет.

Он ожил!

Ствол извивался, как змея. Казалось, он укоротился. Превратился в сгусток бесформенного, голубоватого металла в большой руке Бурфорда. Внезапно тот закричал от жуткой боли.

Его пальцы попали в капкан корчащегося металла. Внезапно брызнула кровь, попав прямо в лицо Мардену. Он не шевельнулся, даже когда услышал грохот падающих брусьев. Пол под ним дрожал и качался. Марден почувствовал, как стал подниматься, словно на гребне волны — все выше и выше, пока с тошнотворным треском не ударился обо что-то головой. Он понял, что это был потолок.

Марден услышал, как завопила Лорна, как закричали Кент и Харрисон. Где-то ломался металл. Мир окончательно сошел с ума.

В тот невероятный момент, по всей Земле разыгрывались фантастические сцены. Необъяснимые вещи происходили целых двадцать четыре часа. Никто не мог понять, что было их причиной. Газеты пестрели громкими заголовками, пока станки не отказались работать. Но, до самого последнего момента, космические лучи с ревом посылали всю свою мощь через Вселенную, чудовищную силу освобожденной жизни, свернувшую с курса целую галактику. В эту невероятную секунду, пока земля была живой, люди сходили с ума, а смерть не успевала справляться со своими обязанностями.

Прометей Освобожденный! Сила жизни больше не ограничивалась органической материей, и космические лучи правили сбесившейся Землей!

Водитель грузовика ударил по тормозам, когда дорога под ним начала качаться, и с выпученными глазами уставился на Здание Мэри Лос-Анжелеса, возвышающееся в своем белом величии. Единственный небоскреб калифорнийского города двигался! Он скользил по улицам, круша дома на своем пути, прямо на сидя-

щего в грузовике. Тот выпрыгнул из кабины и побежал. Раздался скрежещущий, оглушительный рев, и человек бросил перепуганный взгляд через плечо на прекрасное здание из гладкого белого камня, которое уже почти настигло его.

Небоскреб, казалось, терял форму – его очертания размывались, углы скруглялись, башня становилась похожей на каплю. Человек закричал, когда строение окружило его, а затем нечто, похожее на лужу живого камня, уже пробивало свой путь по Бродвею*.

На кладбище в Новой Англии, смотритель курил, прислонившись к надгробию, размышляя над странными событиями последних часов. Почувствовав, как грунт под ногами зашевелился, он быстро отскочил. Смотритель понадеялся, что это было не землетрясение.

И он оказался прав. Из трещины в покрытой травой земле что-то просачивалось на поверхность – нечто, которое смотритель совершенно точно видел, как закапывали три недели назад. Секунду оно напоминало человека, но затем стало ужасной массой чудовищной плоти и костей, кипящей и пузырящейся по мере приближения. Смотритель застыл от страха. Он подумал, что это просто воскресший мертвец.

ОН НЕ ЗНАЛ, что это ожили атомы мертвого тела. Разума в них не было – первоначальная органическая жизнь навечно оставила чудовище. Им правило что-то другое. Адаптация и... рост.

Нечто дотронулось до ног смотрителя, затем обвилось вокруг них. Он ощутил острую боль в теле, когда нечто начало соединяться с ним – что было лишь актом естественного приема пищи,

* Бродвей – одна из самых старых улиц Лос-Анжелеса. Свой Бродвей (англ. Broadway «широкая дорога») имеет во многих американских городах – это довольно распространенное в США название улиц.

так, чтобы оно могло расти, как и те два камня, слившиеся воедино в саду доктора Кента. Смотритель молча наблюдал, как ужас поглощает его тело, и чувствовал, как на губах появляются маленькие клочки пены.

Рост... и адаптация. В Тихом океане, кратер Мауна-Лоа стал необычайно активен. Аборигены с опасением смотрели на гору и слушали шепот Старухи, которая, по преданиям, живет под вулканом и дышит огнем, когда недовольна своими поклоняющимися. Низко летящий над кратером пилот с трудом удерживал самолет ровно, пока второй пилот остекленевшими глазами смотрел на происходящее.

Кратер, кажется, расширился.

Вообще-то, это вся гора увеличивалась в размерах. Ужасный жар, исходящий от раскаленной лавы, доставлял атомам горы некий непонятный дискомфорт, и они просто перебирались в более прохладное место. Вершина, казалось, растекалась в разные стороны, как потоки лавы. Вот только это была не лава, а сама Мауна-Лоа, расходящаяся гигантским кругом, убивающая всю жизнь на своих склонах и собирающаяся, наконец, отдохнуть под водой океана, окружающего остров. Мощнейшие воздушные потоки оторвали у самолета крылья, и он, как гиря, полетел вниз, навстречу смерти.

В театре Адельфи, в Лондоне, танцовщица кружилась на сцене в коротком, но отвечающем требованиям приличия наряде из стальной сетки. Она остановилась в центре сцены в свете софитов, застыв в кульминационной точке. Вдруг сетка, которая была ее единственным предметом одежды, стала расплзаться по телу и собираться в мелкую лужицу, поблескивающую серебром у ее ног. Аудитория бурно зааплодировала, не обращая внимания на вопли толстой почтенной женщины в бельэтаже, чьи несколько десятков алмазов вдруг решили объединиться.

Они помчались по ее полной груди, вызвав у нее истерику и, сплавившись на ноге, превратились в углерод – обычный уголь. Достаточно естественный феномен при определенных обстоятельствах, но он стал причиной смерти женщины от инфаркта.

Европейский диктатор, осматривающий свою армию, очень обрадовался, увидел новый вид боевого танка, способный, как объяснил один из его генералов, убить в сорок раз больше людей, чем все танки, использованные в Первой Мировой Войне. Изучая внутренности танка, диктатор отпустил шутку, над которой генерал прилежно рассмеялся.

Какая-то необъяснимая вибрация, вызванная громким смехом, оказала сильный эффект на атомы металла, окружающего их. Солдаты, стоящие по стойке «смирно», стали свидетелями представления, когда танк стал медленно сжиматься, а люди, застрявшие внутри, тщетно звали на помощь.

Ни диктатор, ни генерал не остались в живых.

В тюрьме «Синг Синг», человек, ожидающий повешения, был несказанно рад узнать, что прутья, державшие его взаперти, расплавились и превратились в полностью негодную низкую оградку. Однако, когда заключенный собрался выйти, он ненароком задел каменную стену своей камеры, и в бетоне появилась дыра, достаточно большая, чтобы через нее можно было легко пройти.

В этот момент он решил, что спит, и остался в камере.

В НЕБОЛЬШОЙ долине в калифорнийских горах, Джим Марден застрял между потолком и полом, вздыбившемся подобно волне.

– У меня получилось! – услышал Марден ликующий крик дяди.
– Господи, спасибо, у меня получилось! Сфера взорвалась!

Марден всегда будет жалеть, что не мог увидеть на экране тот кульминационный момент. Но особо смотреть там было не на что, как позже рассказал ему доктор Кент. На экране внезапно появился крошечный, светящийся шарик, попавший прямо в середину микроскопа из другого мира, и также внезапно экран озарился ослепительным белым светом... и потух.

Взрыв без сомнения разрушил микроскоп Ученых сверхвселенной, если не всю их лабораторию, и космические лучи тут же прекратили свое воздействие.

Марден сумел выбраться и спуститься по крутому склону, когда-то бывшему частью пола. Бурфорда они нашли мертвым. Его раздавило между потолком и полом, судьба, которой сам Марден избежал с трудом. Ни Харрисона, ни Лорну сильно не ранило.

Они радовались, что смогли выбраться из разрушенного дома, и некоторое время просто молча стояли в сумерках, оглядывая не сильно, но странно изменившийся мир.

– Здания отстроят заново, – спустя пару минут сказал Кент. – Человек, без сомнения, выжил. И он все восстановит. Через пять-десять лет – или даже двадцать пять – не останется и следа этой катастрофы.

– А она может... повториться? – слабо спросил Харрисон.

Доктор покачал головой.

– Прежде чем Ученые сверхвселенной починят свои механизмы, для нас пройдут тысячи, а, может, и миллионы лет. День или неделя для них – столетие для нас. Да и как они найдут тот же самый атом? Нет, наша Вселенная теперь в безопасности... и, я думаю, навечно.

– Космические лучи исчезли? – спросил Марден. – Но мы все еще живы.

– Конечно. Лучи только *создают* жизнь. После этого, она существует сама по себе. К счастью, жизнь атомов – временная. Им не хватило времени, чтобы достигнуть точки, после которой они продолжали бы жить даже без воздействия космических лучей. Это все та же старая Земля, Джим.

Марден не ответил. Кент посмотрел наверх.

Его племянник стоял совсем рядом с Лорной, и она улыбалась ему. Харрисон сказал что-то неразборчивое, затем глянул на доктора и покорно пожал плечами.

Доктор Кент улыбнулся.

– Да, – заметил он с облегчением. – Это все тот же старый мир!

*When the Earth lived, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 10), пер.
Андрей Бурцев и Игорь Фудим*

THRILLING WONDER STORIES

15¢

DEC.

A THRILLING
PUBLICATION

THE THREE ETERNALS

A Complete Novel of
the Forty-First Century
By EANDO BINDER

SUICIDE SQUAD
By HENRY KUTTNER

ОТРЯД САМОУБИЙЦ

ГЛАВА I. Столкновение с метеором

СМЕШНО, ЧТО я должен был получить повышение именно тогда, когда «Кариб» разлетелся на кусочки в космосе, и жизнь Джимми Слоана пошла под откос. За то, что я в течение пяти лет перевозил контейнеры для «КТК» с Венеры на Юпитер и заработал две золотые нашивки на рукаве, мне обещали еще одну и звание пилота-эксперта. Впрочем, я заслужил это.

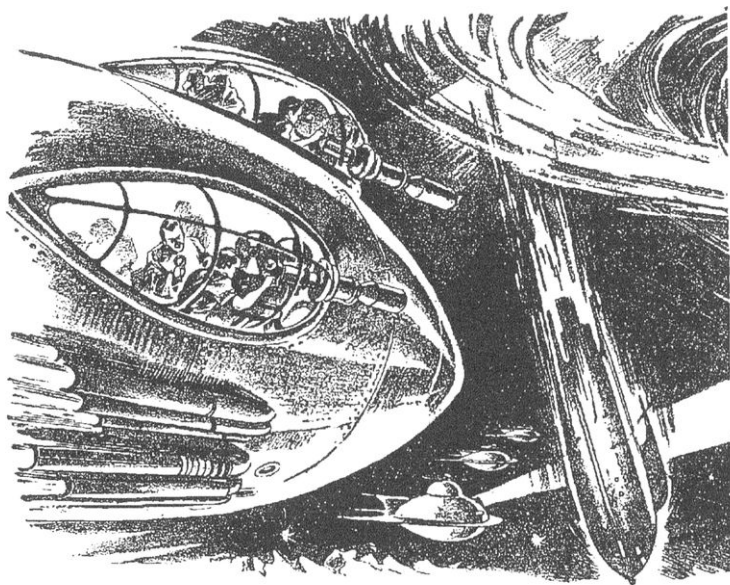
Если вы спросите в правильных местах, вам скажут, что бортовым журналом Майка Харригана и его послужным списком вполне можно похвастаться. Но все это справедливо до той самой ночи, когда «Кариб» пришвартовался в Ньюарке, и директор «КТК» Дж. С Гэйли получил самую суровую встряску за всю свою нечестную карьеру.

«КТК» – это Космическая Транспортная Компания, самая большая организация по перевозке грузов и людей между планетами. Ее еще называют, трудно сказать, в шутку или нет, Вест-Поинт* Джерси, но получить работу в «КТК» – далеко не шутка. Порядки в компании такие же, как в армии. Единственная разница в том, что правонарушителей в своих рядах тут не убивают. Только увольняют после неофициального трибунала. С Джимом Слоаном поступили именно так, за что Дж. С. Гэйли и получил в челюсть.

Стоит упомянуть о зубрежке перед экзаменами – да, еще за несколько недель до того, как я сдал вступительные экзамены, я начал ломать голову над сложной пространственной математикой межпланетной навигации.

Мои приятели пришли в изумление, когда меня приняли, но я не винил их, поскольку мое лицо и телосложение, возможно, подходят для питекантропа, но никак не для выпускника университета. Потом я провел пару лет на ринге, что тоже не пошло на пользу моей внешности. Но, наконец, я попал в «КТК» и обнаружил, что нахожусь под еще более строгим режим, чем в армии в военное время.

* Военная академия США (англ. United States Military Academy), известная также как Вест-Поинт (англ. West Point) — высшее федеральное военное учебное заведение армии США. Является старейшей из пяти военных академий в США (прим. перев.)

The ship spun madly, jolting, rocking. There were choking,

A Complete Novelet of
Tomorrow's Daredevils

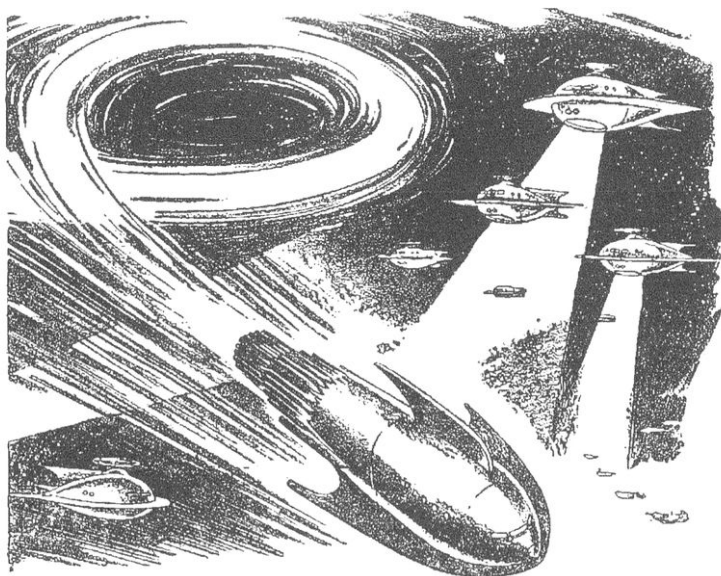
SUICIDE

«КТК» рекламирует свои услуги по всему миру – «Безопасные космические путешествия только у нас!»

БЕЗОПАСНЫЕ! Это просто смешно. За всю историю транспорта не случилось больше аварий, чем из-за мер предосторожности, предпринятых компанией. Вместо того чтобы потратить пару миллионов на новые ракетные ускорители и различные устройства, повышающие безопасность, большие шишки решили, что дешевле будет сказать своим пилотам: «Возвращайте корабли в целости и сохранности... иначе лишитесь работы!»

А потерять место в «КТК» означает чистейший ад. Обладая долями в крупных нефте- и радий-добывающих и сталелитейных предприятиях, компания оказывает влияние на мировую политику. И попасть в черный список «КТК» означает практически стать преступником. Для вас закрываются все двери. Я помню, как одной холодной, снежной ночью на Бродвее ко мне пристал нищий, хрипло просящий подать ему на хлеб.

Я узнал парня. Мы летали вместе с ним во время войны между Землей и Венерой десять лет назад, и, увидев его сейчас, я вспомнил, что он разбил корабль «КТК». За ресторанным столиком,

rattling noises amid the grinding and screaming of metal

SQUAD

By HENRY KUTTNER

Author of "The Star Parade," "Doom World," etc.

жадно поедая стейк и картошку-фри, он рассказал мне о том, что случилось.

— Я не виноват в той аварии, Майк. Сопла были забиты шлаком. Но «Звезда» потерпела аварию, и ты, наверное, видел бумаги.

Я кивнул, смотря на изможденное лицо нищего. Он мучительно закашлялся, хлебнул кофе и продолжал, а его бледные глаза жалобно молили, чтобы я поверил ему, от чего мне сделалось плохо.

— Это вообще не моя вина... ты же веришь мне, да, Майк? Да... ну в документах все переврали. Эксперты компании разбили мои показания в пух и прах. Когда они закончили, весь мир узнал мое имя, мое лицо и что я натворил. Что натворил, согласно *их словам*. Убил тридцать человек... После чего я уже не смог найти работу. Сначала я попробовал другие транспортные компании. Затем я стал стучаться во все двери без разбора. Ничего... никакого толка. Может быть... может быть, ты одолжишь мне немного денег, Майк...

Я дал ему денег, он уехал в Аризону и умер через пару месяцев. А теперь, три года спустя, телевизор в моем гироплане сердито вы-

крикивал имя Джима Слоана, разбившего корабль «КТК» о метеор в двух часах лету от Джерси.

Я пошевелил рычаги и откинулся на спинку кресла, мое лицо обдувал холодный ветерок, гуляющий на верхнем уровне. Далеко внизу, Гудзон был черной, извивающейся лентой, по которой медленно перемещались крошечные огоньки. За ним виднелся крупный, сверкающий бриллиант Нью-Йорка, слушающего, как и я, про конец карьеры Джима Слоана. Я зажег сигарету, нервно затянулся и потушил ее. Мне стало интересно, где находится Энди Слоан.

Капитан Эндрю Слоан, летчик первого класса компании «КТК» и лучший пилот во всем мире, был старшим братом Джима. Парень всегда обожествлял Энди и почти обезумел от радости, когда его тоже поставили на довольствие в компании.

Джим приобрел такое же отношение к «КТК», как и его брат — нечто вроде идеализирования, чего за мной никогда не водилось. И теперь... теперь я почувствовал, как желудок у меня скрутило. Я знал, что авария Джима будет значить для Энди.

С тех самых пор, как мы с Энди начали летать вместе во время войны, он все расхваливал мне своего брата. Если послушать Энди, его брат должен был стать настоящим чудом света. Я частенько смеялся над Энди, но он только вскидывал подбородок быстрым, привычным жестом и улыбался мне, а его голубые глаза немного прищуривались. До этой минуты...

Потому что, когда я посадил корабль в космопорту, Энди был уже там, его одноцветная форма оливкового цвета была помятой, а рот заключили в скобки ранние морщины. Он быстро шел от административных зданий, но остановился, когда я окликнул его.

Я пожал ему руку.

— Как Джимми? Он в порядке?

Лицо Энди не изменилось, так и осталось каменным.

— Да, в порядке. Разве у тебя нет сегодня рейса? — спросил он.

— Уже был, — ответил я. — Слушай, в чем там, вообще, дело?

— Джим совершил ошибку, — мрачно сказал Энди. — Только и всего.

Он хотел было уйти, но я остановил его.

— Парень — хороший пилот, — заметил я.

— Он пропустил красный сигнал. Сегодня погибла женщина, Майк. Ее иллюминатор разбился.

КАЖЕТСЯ, ТУТ требуется небольшое объяснение.

По всему корпусу любого корабля, сразу под обшивкой, находятся детекторы — сложные приборы, мгновенно реагирую-

щие на приближение любого объекта, массу которого удается зарегистрировать.

В космосе, детекторы настроены таким образом, что, если объект – скажем, метеор, – подходит слишком близко, срабатывает автоматика, и включаются компенсирующие ракетные двигатели. Таким образом, если метеор приближается с правого борта, его масса активирует комплект детекторов правого борта, и включаются ракеты, отталкивающие корабль в сторону.

На случай отказа автоматики, есть запасная процедура: пилот корабля сидит перед картой корпуса с красными лампами, показывающими все детекторы, и если видит, что какие-то из них включились, но не чувствует тяги аварийных ускорителей, то должен врубить их вручную. Это требует моментальной реакции, но пилоты обычно справляются. Все дело в привычке и подготовке.

Метеор приближался к «Карибу», ракеты не сработали, а Джим не успел активировать их вручную. Как следствие, нос корабля смялся, и пассажирка погибла, когда разлетелся ее иллюминатор, выпустив воздух наружу.

Одного ее слова, пока она лежала на койке, было бы достаточно, чтобы роботизированный шлем безопасности покрыл ее голову, но, по какой-то неизвестной причине, она не смогла этого сделать и умерла.

Энди рассказал мне об этом с холодным блеском в голубых глазах и напряженным лицом. Я задумчиво потер подбородок, рассматривая на ситуацию с разных сторон.

– А где Джим сейчас? – наконец, спросил я.

– Не знаю, – проскрипел Энди. – И мне без разницы.

– Не глупи, приятель, – тихо сказал я.

Он не обиделся на мои слова.

– Ты знаешь, как я отношусь к компании, Майк, – сурово посмотрев на меня, просто сказал он. – Я подергал много ниточек, чтобы Джима приняли на работу. Теперь он... убил пассажира.

– Ты еще не выслушал его самого.

– Вообще-то, выслушал, – сказал Энди, и я ощутил, как по спине пробежал холодок. – Он во всем признался. Сказал, что заснул на дежурстве. Не спал допоздна прошлой ночью, гуляя по Бродвею.

– Заснул? – повторил я. – Джим так сказал?

– Да.

Энди сжал мое плечо так, что я вздрогнул. Я слышал, как он дышит.

– Майк, если бы Джима обвинили несправедливо, я бы поддерживал его до самого конца. Ты же знаешь. Но после того, что случилось сейчас...

Энди собрался что-то добавить, но внезапно замолчал, развернулся и зашагал по взлетному полю.

Я не последовал за ним. Вместо этого я вернулся к административным зданиям и прошел через много стеклянных дверей, мимо множества испуганных секретарш и вице-президентов, пока не добрался до большого зала, заполненного журналистами, телевизионщиками и чиновниками.

Я хотел увидеть лишь одного человека – директора Дж. С. Гэйли – человека, который управлял «КТК» своими наманикюренными руками. Он стоял рядом с большим столом, жевал сигару, а его лицо было твердым и сердитым. Мне больше нравится, когда он такой, а не улыбчивый, – хмурый взгляд, по крайней мере, был искренним.

Он повернулся и увидел меня.

– Харриган! В чем дело? Я занят... сейчас не могу с тобой разговаривать.

– Просто хотел, чтобы вы знали, Гэйли, – сказал я. – Я ухожу.

Я увидел, как он сверкнул глазами на журналистов.

– Гм... ты же связан контрактом, Харриган. Ты не можешь просто взять да уволиться. Поговорим позже.

– Вы не отпустите меня? – спросил я.

Он нетерпеливо взмахнул рукой.

– Нет, нет. Не отвлекай меня сейчас. У меня тут полно проблем с «Карибом» и Слоаном...

– Пытаетесь сочинить хорошее алиби? – прервал я.

ПУХЛОЕ ЛИЦО Гэйли повернулось и пожелтело. Он метнул в меня гневный взгляд.

– Хватит! – кричал он. – Выметайся!

– Гэйли, – сказал я, – может, ты и босс «КТК», но по-прежнему остаешься грязным, дешевым проходимцем. И я покажу тебе, что не шучу.

Я двинул ему по роже. Костяшки пальцев затрещали от удара, и я почувствовал, как его челюсть тоже треснула. Гэйли буквально влип в стену, кровь брызнула изо рта, и он упал, стукнувшись об пол, как ледяной айсберг. Засверкали лампы-вспышки. Кто-то позвал полицию.

Мимо меня пронесся журналист, схватил телефонную трубку и вызвал отдел печати, не отрывая от меня взгляда.

— Какая история! Какая история! — снова и снова повторял журналист.

Я не стал брать автожир, он все равно был арендованный. Шеренга такси стояла наготове, когда я выбежал на бульвар и махнул рукой мощному, с современными обводами экипажу.

— Таймс-Сквер, — громко сказал я специально для ушей тех, кто следил за мной.

Но когда мы проехали квартал, я дал водителю другой адрес и велел ехать по средней полосе эстакады. Там нет ограничения скорости, и мы промчались через мост и спустились к Гудзону на более чем ста километрах в час.

Через пятнадцать минут я вышел из лифта, быстро пересек вестибюль и без стука вошел в квартиру Джима Слоана. Парень беседовал с низеньким, толстым человеком с лысой головой и в очках.

Я успел ухватить конец предложения.

— ...не займет много времени. Я сяду в него сегодня же.

Затем Джим поднял голову и увидел меня. Его губы плотно сжались. Он все еще носил одноцветную оливковую форму, его лицо было бледным и напряженным. Его голубые глаза имели тот же самый холодный блеск, что и глаза брата, но волосы Джима представляли собой взъерошенную копну кофейного цвета вместо коротко подстриженных темных волос Энди. Он, также, не обладал большими габаритами Энди, но был поджарым и жилистым, как борзая.

— Привет, дружище, — сказал я. — Занят?

Джим искоса посмотрел на толстяка.

— Налей себе чего-нибудь, — кивнув на сервант, сказал он. — Пойдем, Майк.

Он провел меня в кухню.

— Ну, — сказал я, — как так получилось?

— Ты виделся с Энди? — спросил он. — Если да, то ты все знаешь.

— Уснул на работе, да?

— Все верно. Спасибо, что зашел, Майк, но это... просто один из тех случаев... — Он многозначительно посмотрел на дверь.

Я не понял намека.

— Говоришь, уснул, — сказал я. — Джим, ты хреновый лгун. Я понял это еще во время рассказа Энди. Ты, наверное, из штанов выпрыгнул, чтобы он поверил тебе.

Джим побелел.

— О чем ты говоришь, дьявол тебя поберет?

Я закурил сигарету, исподлобья поглядывая на парня.

— Ты не заснул. И детекторы не сработали, верно? — Я прочитал ответ на его лице. — Да. Обычные неполадки оборудования на кора-

блях «КТК». Если бы ты увидел красные огоньки, то убрался бы с пути метеора, но предупреждающие сигналы не зажглись, правда?

– Ты же не...

– Нет, Энди я ничего не рассказывал. Я догадался, что ты все выдумал. Если бы Энди узнал правду, то перевернул бы все вверх дном, и его карьера ушла бы под откос вместе с твоей. Это твое личное дело, парень.

– Спасибо, Майк, – поблагодарил Джим. – Я многому обязан Энди. Больше, чем... ну! – Он пожал плечами. – К тому же, еще есть Бетта.

КОНЕЧНО... БЫЛА Бетта – шикарная девушка. Джим и Энди оба влюбились в нее, но успеха добился Энди, и они с Беттой собирались пожениться через пару месяцев. Это еще одна причина, почему Джим принял на себя удар судьбы.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросил я.

Джим отвел взгляд.

– Не знаю...

– Что за толстяк у тебя?

Джим посмотрел на меня прямо, ожидая, что я начну возражать.

– Я поступаю в отряд самоубийц, – сказал он.

ГЛАВА II. *Отряд самоубийц*

МОЙ ЖЕЛУДОК подпрыгнул и со стуком вернулся на место. Потому что стоящий прямо передо мной Джимми Слоан поднес заряженный револьвер ко лбу и нажал на спусковой крючок. Или выпрыгнул из иллюминатора... улетел от ракеты. Иными словами, младший брат моего лучшего друга сказал мне, что собирается покончить с собой.

Никто, знаете ли, не возвращается из отряда самоубийц живым.

Сейчас все объясню. Еще в сороковые годы, когда Оберт и Годдard баловались с ракетным топливом, они снимали фильмы и использовали в них самолеты. А чтобы привлечь аудиторию, студии нанимали пилотов-каскадеров, чтобы те выполняли на самолетах различные трюки.

Каскадеры регулярно погибали, потому что у аэропланов была привычка неожиданно разбиваться о землю – причем на мелкие кусочки.

Старомодные самолеты, с рулями направления, элеронами и воздушными винтами стали не нужны, когда обнаружили пригодное ракетное топливо. Но фильмы-то продолжали снимать. Пу-

блика хотела напряженного зрелища, и студии начали использовать для воздушных и межпланетных полетов вместо самолетов ракеты.

В самом начале они ограничивались просто моделями. С аэропланами это работало довольно неплохо, с монтажом, двойной выдержкой и стереоскопическими эффектами, но сделать модели достаточно убедительными все равно невозможно. Только не с мощными двигателями, установленными на реактивных самолетах. Настоящий ад был заключен в прочных баках с жидким топливом, и с их помощью можно делать то, что на аэроплане сложно даже представить.

Я видел фильмы, от которых волосы встают дыбом. Мои нервы с трудом выдерживают такие трюки, и я содрогаюсь всякий раз, когда думаю о бедных парнях в креслах пилотов этих самолетов. Люди всего лишь плоть и кровь... даже отчаянные, упрямые пилоты – единственные, кто присоединяются к Отряду Самоубийц – космические трюкачи. И их плоть и кровь противостоит...

Мощи!

Брат, ты не знаешь, что это значит! Коммерческие самолеты специально спроектированы так, чтобы набирать скорость медленно, иначе пассажиры и экипаж погибнут. Но самолеты для съемок выпускают из топливных баков жуткое количество энергии, и невероятная мощь этого потока может выдавить глаза, захлопнуть легкие и вывернуть внутренности прямо через кожу. Боже, какая мощь!

Я схватил Джима за плечи.

– Ты сумасшедший дурак, – в сердцах сказал я. – Ты не можешь...

– Это мое дело, Майк, – холодно сказал он. – А не твое.

Если бы он рассердился, у меня бы был шанс его переубедить. Но перед лицом этой холодной решимости я понял, что бессилен. Так что я криво усмехнулся, отпустил его и ушел в другую комнату. Толстяк поморгал на меня из-за края стакана.

– Послушай, дружище, – сказал я. – Я слышал вам нужно пушечное мясо для Отряда. Меня возьмете?

– Кого ты убил? – спросил он.

Прежде чем я успел ответить, Джим схватил меня и развернул к себе.

– Даже не пытайся, Майк, – предупредил он. – Я же тебе сказал не лезть, и я уже не передумаю.

Я засмеялся.

– Я делаю это не ради тебя, – объяснил я. – Я только что сломал Гэйли челюсть. Отряд станет для меня курортом по сравнению с тем, что меня ждет на Земле.

Вот так Майк Харриган вступил в Отряд Самоубийц.

ПАССАЖИРСКИЙ корабль отвез нас на Каллисто, дорога была оплачена, а договоры — подписаны. Не то, чтобы они что-то знали. Ни один суд не заставит человека остаться в Отряде, если он того не хочет. Но, каким-то образом, несколько каскадеров все-таки ушли. Оплата была небольшая, хотя изредка попадалась какая-нибудь чрезвычайно рискованная работенка, за которую сулили много денег. Всегда находился тот, кто соглашался на нее, и в качестве вознаграждения получал обычно пышные похороны.

Студии расположили свои космические штаб-квартиры на малонаселенном экваториальном острове на Каллисто. Он назывался остров Тэйлер, в честь голландца, который разбился тут несколько лет назад. Тэйлер был шумным пограничным городом без всякой власти, не считая студий. А их не интересовало, чем занимаются люди, пока они могут поднимать в небо самолеты и снимать кино. Чертовски маленький город!

Мы с Джимом узнали, что на наши имена забронированы билеты на океанский лайнер, и уже довольно скоро такси высадило нас рядом с конторой. Я показал охраннику документы, и нас провели в большую хромированную комнату, где за столом сидел седой человек с бычьей шеей и растягивал между пальцами пленку. Он выглядел, как сержант. Его лицо имело цвет сырой говядины.

— Харриган и Слоан, — не поднимая головы, сказал он. — Все верно. Сейчас придет человек и все вам тут покажет. Меня зовут Дэнси.

Он нажал кнопку и затем обратился к нам всю мощь удивительно ярких голубых глаз.

— Вы, кажется, из грузоперевозок. Ну... просто забудьте об этом. У вас не будет никаких пассажиров, о которых нужно постоянно заботиться. У вас будет работа, и ее нужно будет выполнить правильно. Пересъемка — огромные и ненужные затраты. Мы просто говорим вам, что делать, и вы это делаете. Никаких отговорок. Если у вас приказ включить полную мощность прямо со старта, не говорите мне, что это опасно. Я и так это знаю. Вот таким образом. — Голубые глаза пронизательно посмотрели на нас. — Вы знали, во что ввязываетесь, еще до того, как подписали контракт. Если хотите вернуться сейчас, ладно. Я не буду вас останавливать. Если вам не хочется видеть, как ваши внутренности раскидает по кабине, скажите об этом сейчас и убирайтесь к чертовой матери. Так что?

— Звучит отлично, — сказал я. — Во всяком случае, мои внутренности держатся достаточно крепко.

Джимми улыбнулся.

— Я остаюсь, — отозвался он. — Хочу показать вашим салагам настоящие трюки.

Дэнси что-то проворчал, но его лицо осталось бесстрастным. Дверь открылась, и в комнату быстро вошел низкий, коренастый человек. У него было бульдожье лицо, а лысая голова — такой же гладкой, как астероид.

— Тигу, у нас новички, — сказал Дэнси. — Устрой им небольшую экскурсию.

Тигу махнул нам рукой, и мы вышли из комнаты следом за ним.

— Мы снимаем аварию транспортника уже завтра, Тигу, — крикнул нам в спины Дэнси. — Подготовь пилотов.

Наш проводник резко остановился.

— Завтра! — сердито воскликнул он. — Нам нужна еще неделя репетиций!

ДЭНСИ СДЕЛАЛ нетерпеливый жест.

— Дольше ждать нельзя. Нужно все снять завтра, чтобы успеть сорвать куш. «Апекс» снимают свою космическую оперу, и, если они выпустят ее первыми, это сильно ударит по нашим сборам.

Челюсть Тигу упрямо выпятилась.

— Слишком рискованно, — сказал он. — Дай мне еще пару дней.

Дэнси встал, его суровый рот перекосила презрительная усмешка.

— Конечно! Можешь заниматься этим хоть целый месяц! Я pošлю кого-нибудь разносить чай, пока ты балуешься со своими схемами. Играй, сколько влезет. А мы используем модели... — Светло-голубые глаза были холодными, как смерть. — Мы снимаем эту сцену завтра, Тигу. Если тебе что-то не нравится...

— Ладно! — рявкнул Тигу. — Будут тебе пилоты... завтра. Но лучше закажи пару пышных похорон на следующий день!

Во время нашей стажировки в Отряде Самоубийц на нас, в основном, влияло два фактора. Первый — нервное напряжение всех летчиков, тщательно скрываемое, но ужасное напряжение, оставляющее странный отпечаток в глазах пилотов. Вторым фактором был Морган Дали.

Если Тигу являлся неофициальным капитаном Отряда, то Дали — его лейтенантом. Эти два человека были разными, как северный и южный полюса. Мы узнали, что Тигу — жесткий, вспыльчивый человек, которому можно доверять. Но Дали нам никогда не нравился, — мы не доверяли ему.

Он был сложен, как бык, я не видел еще таких широченных плеч, как у него, и на огромном теле размещалась несоразмерно малень-

кая голова. Его глаза, холодные и темные, имели тот же самый напряженный взгляд, как и у остальных пилотов, под высокими скулами виднелись мертвенно-бледные пустоты, а его губы, обычно растянутые в безрадостной улыбке, обнажали сломанные, желтые зубы.

Дали был жертвой космического шока, которая все еще медленно подтачивала его тело и разум. Единственным видимым симптомом, кроме его внешности, была некоторая рассеянность, которая позже разрослась до опасных размеров.

Если бы Тигу был жив, все, наверное, произошло бы по-другому. Но он погиб – попал в аварию в космосе, управляя большим транспортным кораблем, который не мог доверить кому-то еще. Вообще-то, это Дали должен был пилотировать его, но из-за того, о чем мы узнали лишь гораздо позже, Тигу дал ему второстепенное задание, а сам занял место пилота грузового корабля.

Правда заключалась в том, что Дали был под наркотиком, который ему приходилось постоянно принимать, – накачан до самых гланд, что замедляло реакцию и блокировало синапсы нервным торможением, вызванным алкалоидом.

Тигу погиб. Дали занял его место. И с самого начала между Джимми и новым капитаном завязалась ожесточенная вражда.

Дали был в Отряде очень долго, как это обычно и происходит. Когда-то хороший пилот, он до сих пор считал, что его репутация безупречна, и смотрел на новобранцев, как на врагов, пытающихся занять его место.

Подсознательно Дали знал, что со своим ослабшим телом и разумом ему осталось уже немного, но собирался протянуть, как можно дольше.

Поэтому он все делал для того, чтобы остальные пилоты не мешали ему. Когда попадался многообещающий летчик, Дали назначал его на задание, которое могло убить, покалечить, или еще хуже, вызвать космический шок – нечто в пятьдесят раз худшее, чем контузия от взрыва.

Я видел, как между Джимми и Дали медленно нарастало напряжение, но ничего не мог с этим поделать. Мы с Джимми были заняты обучением трюкачеству – странному, совершенно новому для меня делу.

Все было не так, как я себе смутно представлял, – просто вылетаешь в открытый космос и полагаешься на случай. Нет – все маневры были просчитаны заранее, как можно дотошнее. Этим занимались эксперты, тратящие дни и недели на работу с различными схемами, разметку маршрутов, расчет прямой и обратной реакции

и тестирования на модели «Тайлинг» и ракетных ускорителях «Супер Мирак». Затем к делу могли приступить пилоты.

Я помню первый раз, когда попробовал то, что называлось наземным полетом. Дали провел меня по коридору в комнату, являвшейся точной копией рубки космического корабля. Она была набита приборами, панелями, экранами и всем остальным. Перед креслом пилота, как я увидел, когда втиснулся в него, висел лист с напечатанными на нем инструкциями.

— Просто делай, что тут написано, — коротко объяснил Дали. — И пользуйся головой.

ОН ПОДОЖДАЛ, пока я не закончил читать, а затем толкнул рычаг. Экран передо мной побледнел и вскоре показал украшенную яркими звездами черноту космоса.

— Одного только визуального восприятия недостаточно в реальном полете, — проворчал Дали. — Нельзя полагаться лишь на экраны.

«Скорость 350. Пересечение 6-14-901. Остановиться у серебристого корабля на прсч. 7-13-880. Когда он взлетит, запустить ускорители 4,5,8 по правому борту и кормовые ускорители 9 и 5».

Я ждал. Мой «корабль» замедлялся, на экране появилось серебристое судно. Я видел, как его двигатели ярко сияли на черном фоне. Я поработал с пультом управления, почувствовал тошнотворный рывок, когда комната дернулась в обратную сторону.

— Во время полета тебя, конечно, перевяжут, — сказал Дали. — И пристегнут. Это — необходимо.

Конечно, необходимо! Я видел, как пилоты готовятся к вылету, их заматывают с ног до головы так, что они уже не походят на людей, их взгляд сосредоточен и напряжен, взгляд людей, знающих, что такие предосторожности бесполезны против ужасного шока, страшной боли и растяжения, причиной чему являлись мощные двигатели. Плоть и кровь против чистой энергии... и тут начиналась игра со смертью.

Я следовал инструкциям, напечатанным на листе, висевшем передо мной, аккуратно проводя наземный корабль через запутанный лабиринт космических судов, показанных на экранах, пока не настал момент, когда я понял, что один из кораблей идет неправильным курсом.

Через пару секунд я должен был пролететь мимо лайнера, но, быстро прикинув, увидел, что, если попытаюсь сделать это, то меня, с большой вероятностью, зажмет между ним и кораблем, сошедшим с курса. Я подправил свой курс, направив наземный корабль точно в мерцающий *правый* борт лайнера, вместо *левого*.

Большая ладонь ударила по моей руке, прижав ее к листу с инструкциями.

– Ты что, не умеешь читать?! – прорычал Дали. – Написано: левый борт... *левый*, а не *правый*!

Я выдернул свою руку.

– Левый борт означает столкновение.

– Да? Слушай, мистер Харриган, это придумано нарочно. Между кораблями остается достаточно места, чтобы ты мог протиснуться. Это был твой курс, и... ты должен следовать ему! Если есть хоть какая-то возможность сделать это, ты обязан рискнуть! Камеры включены, наведены на тебя и работают. Когда ты выходишь из кадра, это означает пересъемку. А пересъемка стоит денег.

Еще за этим следует выговор от Дэнси, подумал я, но ничего не сказал.

– Просто помни об этом, мистер. Возможно, для того, кто возил грузы, это сложно, но все-таки попытайся. Если есть возможность, используй ее! А если нет... – Он пронизательно посмотрел на меня, – ...создай ее!

ГЛАВА III. *Космический каскадер*

ИТАК, ТРЕНИРОВКИ продолжались, как обычно, в очень напряженной атмосфере. Со временем, мы с Джимми вышли в космос и стали учиться там. Для меня, пилота-эксперта, снова попасть в школу казалось очень странным. Но я еще многого не знал. Я быстро понял это. Пилотирование во время исполнения трюков отличалось от осторожного, кропотливого управления грузовыми кораблями.

Я продолжал думать об Энди Слоане, зная, что он бы, наверное, освоил эту профессию безо всяких затруднений. Поскольку Энди был прирожденный пилот – как и его брат – только у Джимми еще немного не хватало опыта. Но парню было не занимать храбрости, и это выручало его, что временами меня сильно волновало.

Он с радостью бросался навстречу каждой новой опасности острова Тэйлер. Он жил так же, как и работал, с большой самоотдачей, и довольно скоро я заметил, что его взгляд стал суровым и напряженным. Дэнси, большая шишка, начал обращать на парня внимание. Я чувствовал, что Джимми вот-вот получит повышение.

Но было только одно место, где платили больше, и его занимал Дали. Гигант стал совсем угрюмым и назначал Джимми на все более и более опасные задания. Парень не жаловался и справлялся со всем, но начал отвечать Дали тем же. Через некоторое время эти двое уже просто ненавидели друг друга.

Затем, однажды нам дали весьма рутинное задание, полет на высокой скорости, который требовал быстрого мышления, но был не особенно опасен. Специалисты по расчетам – бумажная команда, как мы называли их – проработали все до последней детали. Дали был главным, а мы с Джимми и еще пара человек числились простыми пилотами. Мы выполняли полеты на тренажере в течение недели. И в ночь перед вылетом пришла беда.

Я находился в комнате Джимми, курил и читал, а Джимми со взъерошенными светлыми волосами сидел за столом и занимался какими-то расчетами, которые уже занимали десяток листов.

Один раз я подошел и глянул на писанину, но кроме пары набросков, имеющих что-то общее с ракетным ускорителем, – по-видимому, с координацией реактивных двигателей, я ничего не смог разобрать.

Дали вошел без стука. Его черные глаза были выпучены, зрачки расширены и странно светились. Я заметил, что он двигался очень быстро, но он не завершил жест. Дали собрался закрыть дверь, поднял голову, встретил мой взгляд и замер, забыв закончить движение.

– Добрый вечер, – сказал я. – Что-то случилось?

– Ничего. – Дали рассеянно осмотрелся, подошел к книжному шкафу и вытащил томик. – Хотел взять почитать.

Я знал, что дело было не в этом. Дали нервничал, как черт знает что.

Бросив быстрый взгляд на входную дверь, Джимми вернулся к работе, не обратив внимания на вошедшего.

Дали открыл книгу и начал ее быстро листать. Что-то спланировало на пол. Фотография. Дали поднял ее.

– Ну и ну! – сказал он, и мне не понравился его тон. – Вот это девушка!

Джимми повернулся и посмотрел на Дали. Тот ухмыльнулся.

– Твоя подружка, Слоан? – спросил капитан.

– Отдайте ее мне, – сказал парень.

Но вместо этого Дали начал восхищаться фотографией. И делал он это весьма неприличным способом – таким, что заставил мои челюсти напрячься, хотя я и не знал эту девушку. Но я получил довольно хорошее представление.

Это продолжалось, пока Джимми внезапно не вскочил и не попытался выхватить фотографию из руки Дали. Завязалась короткая борьба, фотография была порвана пополам. И тут, увидев лицо Джимми, я понял, что должен вмешаться и остановить его, но не сделал этого. Просто не успел.

Парень поднял руки и оттолкнул Дали. Тот неприятно ухмыльнулся и замахнулся кулаком, как заправский косарь. Но промахнулся. Джимми отскочил в сторону и выстрелил коротким, яростным джебом прямо в челюсть Дали, тот упал на кушетку, оказавшись в нокауте.

Выдохнув, я подошел поближе.

– Теперь проблем будет еще больше, – покорно сказал я. – Ну, я лучше переложу его на кровать.

Но Джимми оттолкнул меня. Он взвалил Дали на плечо, одарил меня косой улыбкой и вышел в коридор. Я слышал, как его шаги стихли, а затем совсем пропали.

ПОЛОВИНКИ РАЗОРВАННОЙ фотографии все еще лежали на полу. Я поднял их и соединил вместе.

Конечно – это была Бетта. Невеста Энди Слоана. Девушка, которую Джимми потерял... или сознательно отдал. Ну, или просто хорошо скрывал свои настоящие чувства, но я вдруг понял, что, когда парень взял вину на себя, то пожертвовал гораздо большим, чем я подумал вначале.

Я положил фотографию обратно на пол и вернулся к своей книге. Но читать я не мог.

Я боялся. За парня.

На следующее утро мы поднялись над островом Тэйлер. Корабли с камерами, чье положение и курс были аккуратно просчитаны, летели перед нами. Завернутый в повязки с ног до головы, я чувствовал себя мумией, мои глаза закрывали толстые стекла, руки покрывала резиновая субстанция, защищающая их от ускорения и одновременно оставлявшая некоторую свободу движения.

Когда я занял место в кабине своего корабля, то заметил на экране Дали. Его глаза казались омутами блестящей темноты. На его челюсти виднелся большой синяк.

Дурак! Лететь в космос в таком состоянии...

Но это было не мое дело. Я включил двигатели и рванул за кораблем капитана. Через полчаса мы достигли цели. Корабли с камерами висели в космосе, в их башнях виднелись линзы объективов. Я взглянул на лист с инструкциями. Все было готово к старту. Пересечение 18-85-100. Ускорители правого борта...

Как обычно, я почувствовал неприятную дрожь, когда мои пальцы зависли над пультом управления. Под моими руками лежал спящий титан. Титан, который с легкостью мог порвать мое тело на части.

На экране появилось лицо Джимми. Он улыбнулся.

– Удачной посадки, новичок – сказал он.

Я привычно помахал рукой, хотя внутри меня все напряглось.

– Кто последний вернется в порт, платит за выпивку, – сказал я.

Джимми кивнул, и экран погас.

Пересечение 19-85-157. Следуйте к синему кораблю.

Вон он, скользил в визоре. Из его дюз вырывалось пламя. Мои пальцы быстро задвигались.

Взрыв!

Я напряг мышцы живота, но, когда корабль рванулся вперед, получил такой удар, что меня даже затошнило. Но это фигня! *Пересечение 21-90-157... левый борт, ускорители 9, 7, 4...*

Из-за полной тишины все было только хуже. Безмолвные, неумолимые гиганты энергии колошматили меня, стискивали, и от этого глаза вылезали так, что кабина становилась похожей на сущий кошмар. Но я помнил инструкции, даже если не мог их прочитать. Мои пальцы знали нужные кнопки.

Пересечение 25-108-156.

По экрану промчались туманные полосы. Я чувствовал, как сердце подпрыгивает, и бешено стучит, сопротивляясь ужасному ускорению. Было нестерпимо больно втягивать воздух в легкие, которые стремились сжаться.

Затем я увидел корабль Дали. Он сошел с курса. Следовал за Джимми, и поначалу я не мог понять, почему. Я переключил экран, и на нем появилось напряженное, перекосившееся лицо Дали...

Его мозг не выдержал. Марсианский наркотик замедлял его реакции, и, не смея следовать просчитанному курсу, он летел за Джимми, повторяя его движения.

Я ВКЛЮЧИЛ аудиосвязь так, что нас никто не сможет подслушать.

– Дали, – сказал я – или скорее выдавил, – с трудом дыша. – Лучше прекрати! Ты же...

– Занимайся своими делами, черт побери! – проревел он.

Его лицо исчезло с экрана.

Пересечение 25-120-157 – правый борт, ускорители 9 и 8.

Внезапно, я увидел метеор.

Он вырвался из темноты, вращающийся, иззубренный шар, несущийся на нас со страшной скоростью. Мы летели на него прямо в лоб. Даже в то мгновение, прежде чем начать действовать, я заметил странное серебристое свечение объекта, ярко контрастирующее с угольно-черными выбоинами и разломами. Это был не просто большой метеор, а... смерть!

— *Метеор! Сворачивайте!* — прокричал я в микрофон.

Я включил ускорители левого борта и из-за шока на секунду потерял сознание, а когда очнулся, то с удивлением обнаружил, что еще жив, хотя грудь и живот страшно болели и ныли. Меня охватила тошнота. Я посмотрел на экран, пытаюсь сфокусировать напряженные глаза.

Я увидел, как Джимми унесся в сторону, успешно уйдя от столкновения. Но Дали, не успев повторить маневр, продолжал лететь на метеор. На экране Дали извивался, искривленное лицо застыло, а рот открылся в беззвучном крике. Капитан понял, что движется навстречу своей смерти, и его парализовало.

Я увидел, как он вырвался из ступора и ударил обеими руками по пульту управления.

Его корабль расцвел ярким пламенем. Вспышка погасла, и корабль пропал из поля зрения. Метеор пролетел мимо, продолжая свое вечное путешествие по космосу. Он появился из пустоты, чтобы вызвать кризис, закончившийся мрачной трагедией и, не опоздав на встречу, навсегда исчез с наших глаз.

В динамиках завывала сирена, предупреждая, чтобы мы сохраняли курс до подхода медицинского корабля. Вскоре нам приказали вернуться на остров Тэйлер. Съемки перенесли на следующий день.

Позже мы узнали о судьбе Дали. Глава студии Дэнси вошел в комнату, где пилоты сидели в ожидании вердикта, его голубые глаза прищурились.

— Слоан, — резко сказал он, — теперь ты главный. Мы пока не знаем, выкарабкается ли Дали, и на это время ты будешь командовать пилотами.

— Хорошо, — сказал Джимми. — Как он?

— Физически он невредим, — мрачно ответил Дэнси. — Но... — Он пожал плечами. — ...еще один космический шок.

Дэнси развернулся и вышел. Один из пилотов присвистнул. Никто из них не любил Дали, но все понимали, что их может ждать точно такая же судьба. Что касается Дали, он был стерт. Стал одним из проклятых.

Вошел посыльный.

— Посетитель к Слоану и Харригану, — объявил он.

Мы с Джимми пошли за ним к кабинету, где ждал посетитель.

ЭТО ОКАЗАЛСЯ Энди Слоан. Я отметил сдержанность в его поведении, встречающуюся у людей, которым приходится делать неприятную работу, и они хотят побыстрее разделаться с ней. Но он одарил меня прежней дружеской улыбкой.

– Привет! Я слышал, что ты решил присоединиться к Отряду Самоубийц, Майк, но... – Он замешкался и посмотрел на Джимми.
– Как ты, парень?

– Хорошо, – коротко ответил Джимми.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – продолжал Энди и остановил меня, когда я повернулся к двери. – Задержись, Майк. Тебя это тоже касается. Это о Бетте.

Губы Джимми чуть-чуть дрогнули, но в остальном он никак не отреагировал.

– Между нами все кончено, – сказал Энди, и его глаза вдруг стали очень суровыми. – Я думал, что уже все решено, но оказалось – нет. Бетта не выйдет за меня. Она любит тебя. Только теперь она поняла это. Так что я... – он криво улыбнулся. – Я поступлю, как Джон Олден*. Возвращайтесь на Землю, и я подыщу вам работу.

– Тебя прислала Бетта? – спросил Джимми.

– Да, велела вернуть тебя к ней. Так что...

Парень поднял вазу со стола, уставился на нее чуть ли не на минуту, затем поставил ее обратно и снова посмотрел на Энди.

– Нет, – сказал он, – я не вернусь.

Энди не сразу понял смысл этих слов.

– Но она хочет этого... – начал он и замолчал.

– Это тяжело, я знаю, – тихо сказал Джимми. – Но я отлично провожу тут время. Почему я должен все бросить?

– Она любит тебя, – сказал Энди, его лицо стало суровым и сердитым.

– Переживет. Я ничего ей не обещал. Сам на ней женись...

Я не успел предотвратить то, что последовало за этим. Энди с горящими глазами рванулся вперед и ударил Джимми кулаком в лицо.

Парень упал, но тут же вскочил, с разбитых губ закапала кровь. Он шагнул вперед, сжав кулаки.

Затем, не сказав ни слова, развернулся и вышел из комнаты. Я слышал, как стихают звуки его шагов.

– Ты чертов идиот, – сказал я Энди. – Что, не видишь, что происходит у тебя прямо под носом.

– Не лезь в чужие дела, – тяжело дыша, проворчал он.

– Меня это тоже касается, – сказал я. – Сейчас ты узнаешь кое-что новенькое. Сядь!

* Джон Олден – один из главных персонажей поэмы Лонгфелло «Сватовство Майлза Стендиша», описывающей классическую историю любовного треугольника.

Я усадил его в кресло, сел сам и начал. Я рассказал ему все, что знал. Лицо Энди постепенно белело, а глаза превращались в серый ледниковый лед. Когда я закончил, он встал, и вдруг его охватила нерешительность, которую я прежде никогда за ним не замечал.

— Я не знал, — тяжело сказал Энди. — Где Джимми, Майк?

Я вызвал посыльного и выяснил, что парень улетел на своем корабле еще десять минут назад. И не сообщил, когда вернется.

— Ладно, — кивнул Энди. — Присматривай за ним, Майк. Я возвращаюсь на Землю. Нужно кое-что сделать. — Его губы стали двумя бледными полосками. — И потом я вернусь вместе с Беттой, чтобы забрать Джима. Когда я это сделаю, его имя будет очищено. Как и твое.

— Что ты задумал? — спросил я.

— Разворошить это осиное гнездо — «КТК», — прорычал он. — Рассказать правду об их гнилом оборудовании и добыть доказательства. Пилоты поддержат меня. Я лечу в Вашингтон и собираюсь рассказать правду каждому сплетнику на Земле. И устрою Гэйли самую крупную взбучку в его жизни!

Я пожал Энди руку.

— Стукни его пару раз за меня, — сказал я, чувствуя через странный комок, подкативший к горлу. — Удачи, друг. И... счастливой посадки!

ГЛАВА IV. Космическая карусель

НЕВОЗМОЖНОЕ все-таки случилось. Дали вышел из госпиталя человеком, а не лишенным рассудка инвалидом, как мы ожидали. По крайней мере, на вид он казался почти прежним, только щеки запали сильнее, глаза стали тупыми и стеклянными, а губы постоянно подергивались в безрадостной улыбке. Один из пилотов высказал свое мнение, приподняв брови.

— Дали выглядит нормально. Но если отправить его в космос бороться с трудностями, он рассыплется на кусочки. Нельзя полностью восстановиться после космического шока, Харриган.

По негласному соглашению Джимми остался главным, по крайней мере, на какое-то время. Он делал все, что мог, чтобы облегчить жизнь Дали, но глупая, кипящая ненависть все равно горела внутри экс-капитана. Он винил Джимми в своей аварии, хотя, вообще-то, если бы Дали следовал за Джимми до конца, то не врезался бы в метеор.

Внезапно у нас появилось новое задание. Когда я прочитал, что нужно сделать, мой желудок скрутило, и я понесся в комнату

I could feel a jolting punch in my middle . . . feel a sick nausea shaking me

Джимми. Там его не оказалось. Я нашел его в кабинете Дэнси, где он обсуждал с боссом какие-то расчеты.

Я кинул инструкции на стол. Дэнси взглянул на них.

— И что? — сказал он.

— Ты чертов безумец! — сказал я Джимми. — Ты же не собираешься выполнять космическую карусель!

— Вообще-то, собираюсь... а почему бы нет? — он пожал плечами. — Я...

— Мы со Слоаном уже все обговорили, Харриган, — вклинился Дэнси. — Это не... не очень опасно. Зато сцена будет превосходной.

— Не очень опасно? — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Дэнси, ты отлично знаешь, что никто не выходил из космической карусели живым.

Джимми встал и взял меня за руку.

— Не волнуйся, Майк. Я все просчитал. Я смогу выдержать предстоящий удар, напряжение и ускорение. Некоторая опасность, конечно, останется, но... — Он улыбнулся мне. — Но также меня ждет и большая слава. Джим Слоан, первый человек, вышедший живым из космической карусели.

Он говорил о том, чего не понимал. Я знал это, да и он сам тоже. Все расчеты в мире не помогут, когдаходишь в космическую карусель. Это самая смертельная опасность космических полетов, потому что ни один человек не может выдержать серию невероятных толчков.

Не один шок — нет. Сразу несколько, ломающих кости, рвущих мышцы и сердце, когда включаются ускорители за ускорителями, посылая корабль в безумный вихрь кружащегося огня.

Периодически случаются утечки в системе подачи топлива, и одна искра поджигает все баки сразу. Не одновременно, поскольку это расплющит корабль.

Но ускорители срабатывают друг за другом, у вас нет возможности приготовиться к рывкам и ударам, и довольно скоро на месте пилота окажется просто кусок окровавленного мяса. Глаза вытекут, мозг заполнится кровью из лопнувших кровеносных сосудов, сердце парализует, а легкие расплющит. Вы даже не станете нормальным трупом.

Просто куском мясом.

Я СПОРИЛ с Джимми тогда и позже, когда застал его одного. Все было бесполезно. Этой ночью он вылетит в космос, чтобы провести предварительные тесты, а остальные пилоты последуют за ним утром. Я послал сообщение на Землю Энди Слоану, но знал, что не могу рассчитывать на ответ, пока не станет слишком поздно.

Джимми ушел, не попрощавшись. Я провел бессонную ночь. Наутро я встал еще до рассвета, выпил черный кофе и стал нервно рассказывать по комнате.

Я вздрогнул, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Это был Энди. Он не получил мое сообщение. Он уже летел на Каллисто, когда я отправил послание. Но Энди вошел, улыбаясь, в его глазах светилась прежняя радость боя, которую я видел, когда мы вместе летали и воевали несколько лет назад.

— Все закончено, Майк, — сказал он. — Я сломал их. «КТК» больше нет. Я предоставил доказательства в Вашингтоне, и правительство, хотя и со скрипом, согласилось принять их. Гэйли... выгнали! — Энди посмотрел на разбитые костяшки пальцев. — Твое имя очищено, Майк, и Джимми тоже, — продолжал он, прежде чем я успел хоть что-то ответить. — Я забираю вас обоих на Землю. Бетта ждет... Я рассказал ей...

— Джимми собирается сделать сегодня космическую карусель, — выпалил я.

Энди стал белый, как мел. Он уставился в одну точку, не зная, что сказать.

— Боже мой! — наконец, вырвалось у него.

Затем он подошел к двери. Попробовал повернуть ручку, потом яростно подергал за нее.

Дверь была заперта.

Чтобы убедиться, я проверил и сам. Через эту металлическую панель пробиться было невозможно. Я подошел к телефону, но

свисающие, обрезанные провода подсказали мне, что инструмент бесполезен.

Я попытался понять, кто нас запер. Точно не Джимми. Он был уже в космосе, готовился совершить самоубийство.

Мы десять минут колотили в дверь, прежде чем пришла помощь, и еще пять ушло на то, чтобы найти запасной ключ. Двадцать минут заняла дорога до космопорта, и там я сразу вцепился механику в глотку.

— Где они? — прорычал я. — Еще не улетели?

— Конечно, улетели, — высвободившись, прохрипел он. — Боже, что случилось? Дали сказал, что возьмет ваш корабль...

Дали! Я яростно выругался.

— Мне тоже показалось это странным, поскольку он так дергался, что едва мог говорить.

— Два гоночных корабля, — пролаял я. — Быстро!

Скоростные болиды вмещают только одного человека. Пока мы ждали, я объяснил Энди ситуацию. Мы не знали, что стояло за действиями Дали, но я помнил, что с одурманенным, опаленным ненавистью разумом бывший капитан был подобен динамиту.

Нам пришлось подождать, пока механик подготовит корабли. Даже не надевая защитный костюм, я залез в один болид, а Энди — в другой. Мы взмыли вверх бок о бок, затем Энди пристроился за мной, и я помчался на головокружительной скорости.

Я включил аудиосвязь и попытался связаться с Джимми. Но на такой скорости прием был плохим. А я не смел тормозить.

Я вспотел и начал задыхаться, когда передо мной показалось скопление операторских и каскадерских кораблей, крошечных на фоне необъятного величия космоса. Я увидел свой собственный корабль, вызвал Энди по аудиосвязи и указал на него. Его челюсти на экране мрачно напряглись.

— Я зайду с другой стороны... — сказал он.

ОСТАВШАЯСЯ ЧАСТЬ фразы потерялась, когда включились его ускорители, и он улетел от меня по дуге, на пересечение с курсом корабля Дали.

Затем на экране появился еще один человек. Это был Джимми. Перемотанное с головы до пят, огромное, непропорционально сложенное чудовище с тройными линзами, усиливающими зрение, и полностью скрытым лицом. Только голос, сдавленный и хриплый, подсказал мне, что это Джимми.

— Смотри представление, Майк, — сказал он. — Это будет отличное зрелище!

— Джимми! — закричал я. — Не делай этого...

— Удачной посадки, друг, — сказал он, и его рука толкнула рычаг.

Экран секунду показывал лишь освещенный звездами космос. Затем появился корабль, из которого вырвалась реактивная струя. Это было только начало. Я увидел, как корабль дернулся в одну сторону, затем в другую, когда сработал ускоритель с противоположной стороны, и чуть позже весь корпус, казалось, взорвался ревущим адским пламенем.

До меня дошло, что я все еще слышу Джимми в динамиках. Я услышал, как он простонал, услышал, как воздух со свистом вылетел из его легких, как он с трудом сделал вдох. Через скрежет и скрип металла я с едва мог расслышать, как Джимми задыхается и кричит от боли. Космическая карусель разрывала внутренности корабля, и я стиснул зубы, чтобы не закричать самому.

Мощь — мощь, которая растягивает прочную, закаленную сталь — с невероятной силой давила на кости и плоть человека!

Я услышал голос Энди, хриплый, почти нечеловеческий.

— Джимми! — закричал он, — Джимми!

В качестве ответа от корабля донесся скрежет страдающего металла. Я больше не мог расслышать Джимми сквозь общий шум. Я увидел, как корабль с камерой рванулся вниз, заметил на экране лицо Дэнси, светящееся адской смесью восторга и ужаса. Босс сам решил заснять эту сцену.

— Вот это кадр! Боже, что за кадр!

Титаны, заключенные в ракетах, вырывались на свободу и, светясь красным, неслись к звездам в безумном возбуждении. Корабль бешено вращался, дергался, качался, пламя божественного сияния против вечной ночи.

Затем, достаточно внезапно, все закончилось. Ускорители стихли. Один из них выплюнул последнюю искру, и корабль тихо и неподвижно завис. Экран погас и резко озарился светом, чтобы показать кабину корабля Джимми и сгорбившуюся, замершую фигуру, пристегнутую к пилотскому креслу. На повязках выступила кровь.

— Харриган! — прокричал Дэнси.

— Джимми! — услышал я крик Энди.

Я не мог говорить, мои губы были искусаны и кровоточили.

Парень пошевелился, перемотанная рука слабо попыталась что-то нащупать.

— Да... я в порядке... — прохрипел голос.

Раздался звук затрудненного дыхания.

— Выпивка... за твой счет, Майк! — задыхаясь, проговорил Джимми.

Я почувствовал, как душевный подъем заставил меня замедлиться, и у меня закружилась голова. Пробившись сквозь окруживший меня туман, донесся новый голос, охваченный истерией и надрывающийся от лютой ненависти. Голос Дали!

— Черт тебя дери, Слоан! — завопил он. — Ты не выберешься отсюда живым! Я об этом позабочусь!

На экране все замелькало. Я успел заметить искаженное лицо Дали, поддавшегося наркотическому безумию, с красными от бешенства с глазами.

Я увидел, как Джимми сел вертикально, потянулся вперед... и безвольно откинулся обратно, неподвижно повиснув на ремнях.

И, яркий на фоне звезд, корабль Дали помчался прямо туда, где лежал без сознания Джимми!

МОЯ РЕАКЦИЯ оказалась быстрее, чем мысли, когда я дернул рычаги, запустил ускорители и рванулся за убийцей. Но, несмотря на всю быстроту, Энди очутился впереди меня. Я увидел, как его вытянутый, серебристый болид просвистел мимо меня, и на экране появилось его лицо, губы, замершие в безрадостной улыбке, и глаза, горящие прежним боевым пылом. Я бы никак не добрался до Дали вовремя. Никто бы не смог — кроме одного пилота.

Это означало смерть.

Ускорение должно было наверняка убить человека, не защищенного повязками и другими средствами безопасности. На секунду взгляд Энди метнулся вбок и встретился с моим. Я увидел, что он едва заметно кивнул... и я не люблю вспоминать, что случилось после этого.

Он запустил все кормовые ускорители враз. Это требовало мгновенной реакции и невероятно точного пилотирования. И еще храбрости... храбрости настоящего героя.

Я увидел, как лицо Энди изменилось в мгновение ока. Ускорение обрушилось на него, дьявол в ракетных двигателях схватил его за горло и задушил, раздавил его глаза, оставив лишь красные пустоты, разорвал губы на тонкие полоски и сорвал кожу со щек. Ракетный титан убил Энди меньше, чем за секунду, прямо на моих глазах.

Затем сверкнула белая вспышка, экран покрылся молниями, и, когда вид переключился на другую камеру, я увидел два покореженных корпуса, дрейфующих в бескрайней темноте.

На экране появилась перемотанная фигура Джимми, он пошевелился и попытался сесть вертикально.

Я услышал предупреждающую сирену, воющую в динамиках.

– Боже, вот это кадр! Что за кадр! – снова и снова повторял Дэнси бездыханным, напряженным голосом.

Потом, позже, когда я стоял рядом с койкой Джимми в госпитале на острове Тэйлер, зная, что его травмы не смертельны, к горлу подкатил все тот же комок, когда я заметил, как сильно его болезненная, кривая усмешка напоминала усмешку брата. Я еще не рассказывал ему об Энди. Это могло подождать немного.

Но я сообщил ему кое-что, от чего его налитые кровью глаза засияли.

– Значит, мы можем возвращаться домой, Майк? Назад на... на Землю?

– Да, на Землю, – кивнул я. – К Бетте. Как только срastутся твои кости.

– И ты говоришь, Энди все исправил, – тихо сказал парень. – Он... он замечательный брат, Майк. Ученый и джентльмен.

– Да, – сказал я не совсем ровным голосом. – Джентльмен. Джентльмен... и пилот.

Suicide squad, (Thrilling Wonder Stories, 1939 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

PRIZE CONTEST STORY IN THIS ISSUE!

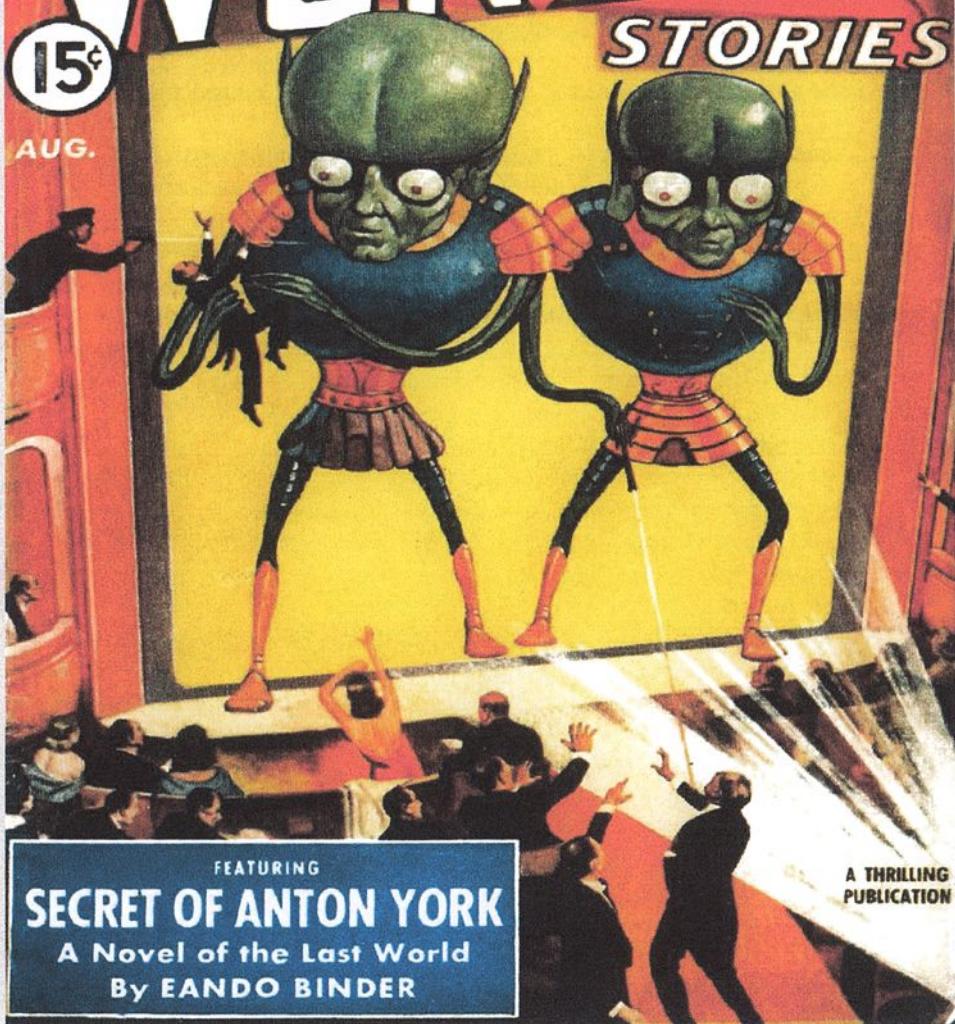
THRILLING

WONDER

STORIES

15¢

AUG.

FEATURING

SECRET OF ANTON YORK

A Novel of the Last World

By EANDO BINDER

A THRILLING
PUBLICATION

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР

Отрывок из «Двадцатого века», хроники примечательных событий прошедшего столетия, написанной Чарльтоном Ф. Поттером, ведущим журналистом-историком начала двадцать первого века.

ДАЖЕ СЕЙЧАС трудно с беспристрастной объективностью писать об истории Вторжения. Для начала следует сказать, что само это слово совершенно неверно. Чужаки, чья железная пята попала падшую, залитую кровью Землю, не питали враждебности к нам. Это мы знаем точно. Но результаты, тем не менее, были катастрофическими. Если бы это произошло несколько веков назад, люди решили бы, что комета, которая засияла в небесах, была предзнаменованием грядущих сил. Но теперь ученые просто трудились в своих обсерваториях, проводя наблюдения в телескопы, делая спектрографические исследования, фотографируя Комету Мандера.

Именно доктор Жюль Мандер первым увидел комету в своей обсерватории на горе Паломар. Позже газеты посвятили короткие заметки о посланнице неба, и появились аляповато проиллюстрированные статейки в воскресных приложениях.

Комета была гостем в нашей Солнечной системе, отклоненной от первоначального курса, вероятно, каким-то массивным телом за Андромедой. Но ее новая орбита обуславливала, что теперь она станет периодически посещать Систему раз в семьдесят пять лет. Комета Мандера — запомните ее. Потому что она оказалась вестником, предвещающим бедствия.

Это было время, когда мы в Америке наблюдали бедствия во всем в иных местах. По всему миру шатался бог войны, размахивая своим кровавым мечом. Вторая Мировая война стала слепой, безжалостной силой. Туман сражений повис над Европой и всем востоком. В конфликт были вовлечены все силы в Восточном полушарии, день и ночь гремели орудия и рвались бомбы.

Земля была напоена кровью. Это была война горькой ненависти и истребления. По всему Западному фронту горело пламя холокоста. Между Линией Зигфрида и Линией Мажино лежала земля, на которой люди не могли жить, а могли лишь умирать ужасной смертью.

Гремели орудия. Даже в Америке слышали их далекий гул. Для нас же жизнь продолжалась почти как обычно. Молодежь каталась

на коньках в Центральном парке, по Пятой авеню проходили парады, женщины с обнаженными плечами танцевали с безупречно одетыми мужчинами в «Радуге», на площади Риц и в «Астории». Шли премьеры новых постановок. В Нью-Йорке, в театре «Метрополь», прошла премьера фильма «Люди будущего».

Этот фильм был показан лишь раз, да и то показ остановили вскоре после начала. Студия «Саммит», конечно, потеряла на этом фильме весьма много денег. Его рекламировали несколько последних месяцев, как совершенно новую методику съемок, превосходящую все эксперименты студии «Магнафильм», мультипланы и прочие попытки создать трехмерный фильм.

Практически, метод «Саммита» действительно никогда прежде не использовался, и сам экран, и метод проекции были весьма необычны. Экран состоял из многочисленных слоев мелкой сетки, сделанной из эластичного пластика.

Луч света тоже объединял в себе обычный свет с ультрафиолетом и инфракрасным излучением. «Саммит» потратила миллионы долларов на широкую рекламную кампанию и разослала приглашения на премьеру.

Предпочтение отдали известным личностям и критикам. Специальные самолеты были отправлены из Голливуда, нагруженные звездами кино, производителями, директорами студий и элитой столицы киноиндустрии. У кинотеатра стояли специальные фургоны. Бродвей сверкал рекламами. Реклама в пурпурной рамке гласила:

**«Завтра премьера фильма «Люди будущего»!
А также последняя кинохроника войны в Европе!»**

Кинозвезды что-то лепетали в микрофоны и подписывали свои книги. Директора студий и производители говорили о том, как они счастливы, что смогли посетить такую премьеру. Толпа заполнила Таймс-Сквер, так, что пришлось перенаправить транспортный поток по Шестой и Восьмой авеню. На здании «Таймс» световая лента из тысяч электрических ламп показывала последние известия:

«Многотысячные толпы собрались, чтобы стать свидетелями нового фильма студии «Саммит»... Генерал предсказывает скорую победу... Двадцать самолетов были сбиты над Ла-Маншем... Ученый заявил, что Комета Мандера испускает излучение, подобное космическим лучам...».

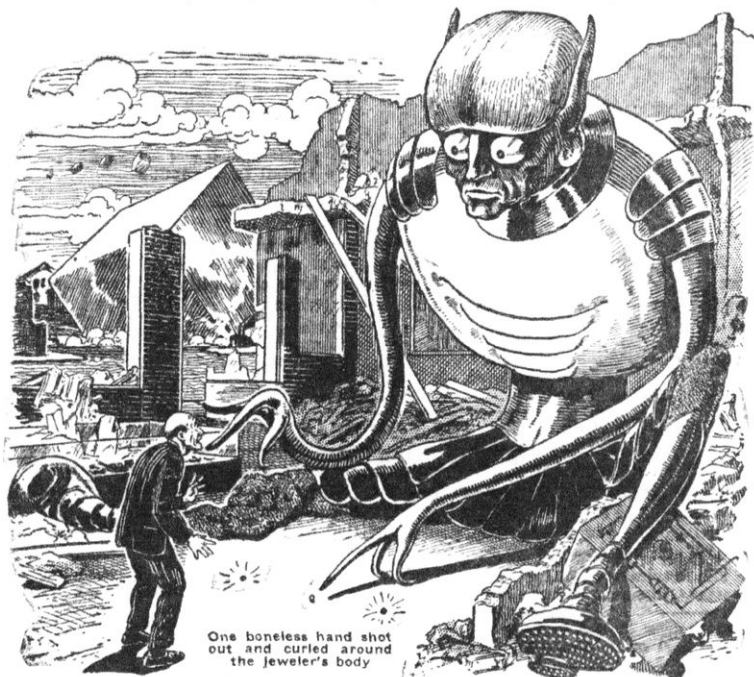
А в небе, невидимая в ярком зареве городских огней, уже сияла знойная красавица, отвернув от Солнца свой длинный хвост.

Лощеный ведущий с микрофоном представлял знаменитостей:

NO MAN'S WORLD

By HENRY KUTTNER

Author of "Beauty and the Beast," "When New York Vanished," etc.

Earth Was Merely the Board for the Deadly Chess Game
Between Two Mighty Civilizations!

– Мисс Дженис Арден, очаровательная звезда Голливуда, и ее эскорт – Дэн Дарроу... Генерал Орни, прилетевший к нам из Вашингтона лишь для того, чтобы посетить премьеру... А вот маленькая Бетси Фенвик, ей всего лишь пять лет, но она настоящая звезда кино... И...

ГЕНЕРАЛ ГОРАЦИЙ Орни прошел в свою ложу в кинотеатре и сидел теперь с одиноким достоинством. Это был красивый, пожилой человек, выглядевший удивительно впечатляюще в парадной форме. Он зажег сигарету и оглядывал зрителей, временами кивая, когда видел кого-то знакомого, например, Джека Ганнибала, тоже

военного, с пышной блондинкой. *У Джека всегда был хороший вкус*, подумал генерал и поерзал на сидении. Зал потемнел. Раздвинулся занавес, открывая экран.

Зрители сидели в тишине, пока, внезапно, в круге света прожектора появился человек. Он был звездой кино, и его появление сопровождалось бурными аплодисментами. Все тут же обратили внимание, что его изображение трехмерное и ничем не отличается от реального. Плоская поверхность обычных киноэкранов совершенно отсутствовала. Студия «Саммит» добилась своей цели – демонстрации трехмерных движущихся изображений!

Кинозвезда произнесла речь, поклонилась и исчезла. Началась демонстрация «Людей будущего». Фильм был основан на популярном фантастическом романе, который только недавно вышел в свет, и сделан со всеми техническими трюками, известными в Голливуде. Действие происходило в далеком будущем, и невероятно, но все выглядело так, словно открывался вид из окна в реальный мир.

Генерал Орни поудобнее устроился на сидении и зажег еще одну сигарету. Но вместо того, чтобы сунуть ее в губы, он подался вперед и нахмурился.

Что-то пошло не так. Изображение вдруг размылось и потеряло резкость. Звук сперва смолк, а затем раздался высокий, пронзительный гул.

Аудитория захихикала. Разумеется, у киномеханика произошел какой-то сбой. Еще немного – и изображение восстановится...

Но этого не произошло. Экран вдруг сделался странного, неопишуемого цвета, гул превратился в пронзительный вой. Зрители тревожно зашевелились, очень уж этот вой напоминал звуки сирен тревоги.

А затем, внезапно, экран – исчез! На его месте засветился затянутый вуалью тумана квадрат – необъяснимая, тусклая стена света. И на фоне ее возникли две гигантские фигуры.

Две странные фигуры, высотой почти в двадцать футов, замерли, очевидно, пристально разглядывая аудиторию. Критики недоуменно взглянули на программки, а затем обратно на «экран». Великаны стояли на месте.

Это были настоящие монстры с гротескно гигантскими, выпуклыми черепами и огромными, яркими глазами. Их длинные руки с трехпалыми кистями казались совсем без костей. Подобные сваям ноги поддерживали узкие бедра и бочкообразную грудь, облаченные в некое подобие странной брони.

Кто-то в зале замахал в направлении проекционной будки. Генерал Гораций Орни прищурился, увидев, как Джек Ганнибал, про-

шептав что-то своей подружке-блондинке, внезапно встал и пошел по проходу к экрану.

Гиганты шевельнулись, взмахнув своими руками-щупальцами. Кто-то в переднем ряду вскочил и потащил за руку к выходу свою спутницу.

И тут произошло такое!..

Чудовища сошли с экрана!

Это было так неожиданно, так фантастично, что большинство зрителей приняли это за шутку, и по залу прокатилась волна удивленного смеха. Они подумали, что это все новые спецэффекты, созданные «Саммитом»...

НО СМЕХ ТУТ ЖЕ замер, когда кто-то в первом ряду завопил от страха и ринулся бежать. Но убежал он недалеко. Тот, кто выше из двоих существ, наклонился и схватил бегущего бескостными пальцами. Стоящий в проходе Джек Ганнибал обернулся и закричал:

— Остановите фильм! Быстрее!

Этот крик привлек другого монстра. В его руке появилась какая-то длинная трубка, смахивающая на оружие. Оно шагнуло с экрана, и из трубки в Ганнибала ударил луч света. Ганнибал схватился за грудь, коротко простонал и упал.

Генерал Гораций Орни внезапно понял, что тихонько ругается, посылая пулю за пулей из своего крупнокалиберного пистолета в ближайшее существо. Но то совершенно игнорировало выстрелы, вертя в руке своего пленника. Тут уж все в зале завопили и ринулись бежать, сломя голову.

Свет из проекционной будки погас, но гиганты никуда не исчезли. Тот, что нес человека, повернулся и сделал шаг в сторону. Его туша, казалось, вплавилась в экран и исчезла. Другой же стал систематически направлять свой ужасный луч последовательно на все живое в зале. Генерал Орни присел за спинкой кресла и продолжал стрелять без особых успехов, пока в пистолете не кончилась обойма. Чудовище было неуязвимым, по крайней мере, так казалось. Оно шагало, ломая стулья обутыми в тяжелые башмаки ножищами, его огромные глаза выискивали новых жертв.

Но в зале уже не осталось в живых никого. Гигант повернулся, когда Орни поднялся из-за укрытия и тщательно прицелился. Генерал подождал, пока существо не приблизится к нему.

Он знал, что в пистолете осталась одна пуля.

И выпустил ее в глаз противника. Он не попал, но выстрел не причинил существу ни малейшего вреда. Генерал в отчаянии швырнул пистолет в чудовищное лицо пришельца.

Создание стояло перед ним, не шевелясь. Холодным, бесстрастным любопытством веяло от его глаз, любопытством и чем-то еще... ледяное дуновение Неизвестного, которое охладило разгоряченного Орни. Генерал внезапно понял, что является для этого создания не интереснее муравья...

И он осторожно стал отступать, медленно отошел к шторе, заставшей проход ложи, на миг остановился и одним прыжком выскочил в коридор. Монстр не попытался остановить его. В зале стояла тишина, пока генерал Гораций Орни бежал по коридору, и холодный пот засыхал на его щеках.

Вашингтон! – думал он. *Я должен позвонить в Вашингтон...*

Потом ужасный удар прошелся по Орни. Он был ослеплен и оглушен неимоверно ярким светом и ужасным звуком, почувствовал, как пол уходит из-под ног, а из легких что-то выдавливает последние остатки воздуха. И даже в этот последний момент, когда смерть уже коснулась его своим крылом, он попытался выкрикнуть предупреждение...

В тот момент исчез весь Таймс-Сквер. Удар на расстоянии в мили от него сотряс весь Манхэттен. Внезапно возник купол света, охватив немалую площадь со столичным театром в центре. Он был в сотню футов высотой, похожий на перевернутую миску, и все в этой миске мгновенно исчезло, распавшись на отдельные атомы. Исчезли даже частично попавшие в купол небоскребы. Затем наступила тишина, прерываемая криками ужаса и воем полицейских сирен.

Вот так на Землю прибыл Ужас.

ЛЮДИ НЕИЗБЕЖНО принялись сочинять различные теории. Титаны пришли из другого измерения, размышляли ученые. Они пришли из плоскости бытия, соприкасающейся с нашей, но вибрирующей с иной частотой. Они намеревались завоевать Землю, истребить все Человечество. Так возникали все эти дикие теории, в то время, как Нью-Йорк отчаянно эвакуировался, и уже летели бомбардировщики, чтобы сбросить на купол света свой смертоносный груз.

Огромные орудия уже выпускали в купол снаряды. Но титаны не обращали на все это ни малейшего внимания. Спустя ровно тридцать четыре часа с момента их появления, из ярко сияющего ку-

пола, которые они установили на Манхэттене, вылетела эскадрилья странных самолетов.

Один за другим они пронеслись сквозь светящуюся завесу и помчались через Атлантику в восточном направлении. О них было можно сказать лишь то, их форма была сигарообразной. Они пролетели над Британскими островами, над охваченной войной Европой и остановились в Сибири.

Там их встретили зенитным огнем. Но Титаны были неуязвимы. В Сибири они создали еще один светящийся купол, в котором и исчезли все их самолеты. На этом все кончилось.

Охваченный ужасом мир замер в ожидании. Было уже два необъяснимых, ярко сияющих купола – и оба не имели ни малейшего смысла! Человечество прождало почти тридцать часов, прежде чем странные самолеты появились вновь.

Едва ли треть первоначальной флотилии вылетела из сибирского купола и понеслась на запад, к Манхэттену. Но до цели они не добрались. Потому что следом за ними из этого загадочного купола вырвались сотни летательных аппаратов, совершенно непохожих по конструкции на самолеты Титанов. Это были громадные кубы с ребрами в сотни футов, которые расстреляли сигарообразные аппараты и уничтожили их в большом сражении над Атлантикой.

Земные корабли наблюдали за этим боем и передали по радию все подробности. В отчет они получили потрясающие новости. Из Джерси пришло сообщение, что из купола на Манхэттене вылетели буквально тысячи сигарообразных аппаратов и полетели на запад.

Россия заявила, что из сибирского купола света появляется все больше кубических самолетов. Небо почернело от них. Кубы и сигары сражались друг с другом во взаимном уничтожении, сотрясающем всю Землю. Оружием в этих битвах служили лучи и вибрация. На людей они вообще не обращали внимания.

Потом оба флота исчезли. По миру распространилась партизанская война. Кубы и сигары были разрушены и рухнули с неба. Среди их обломков мы обнаружили тела. Титанов мы уже знали – бочкообразные существа с огромными головами и телами твердыми и холодными, как металл. Всех, кого мы нашли, были мертвы.

В разбитых же кубах оказались совершенно иные существа, абсолютно не похожие на людей. Это были просто шары футов по десять в диаметре, из которых в беспорядке торчало с десяток щупалец. Других видимых органов у них не было. Их тела светились жемчужным блеском. Анализы показали, что это не углеродная

жизнь, а силикатная. Живые кристаллы, странным образом развившие разум!

Естественно, во время войны между сигарами и кубами прекратился европейский конфликт. Правительства всех стран позабыли об империализме и бизнесе, и сплотились для борьбы с общим врагом. Линии Зигфрида и Мажино были заброшены. Все орудия нацелились ввысь. Но, не уделяя ни малейшего внимания Человечеству, Титаны и Силикоиды вели свою войну и производили разрушения всюду, где появлялись.

Лучи из их кораблей стирали здания в порошок. Кливленд, Париж, Сан-Франциско, Константинополь, Токио и другие города были частично либо полностью уничтожены. Причем без всяких преступных намерений по отношению к людям.

Просто города оказались у сражающихся на пути.

ЧЕЛОВЕКУ ПО ИМЕНИ Кертис Гровер, ювелиру из небольшого городка на Среднем Западе, мы обязаны тем малым, что узнали о намерениях Захватчиков. Над его городишком произошло очередное воздушное сражение. Много домов было уничтожено. Гровер увидел, как с неба падают корабли чужаков, и убежал в подвал под его ювелирным магазином.

Это была чистая удача, что Гровер оказался образованным человеком, библиофилом, лингвистом и ученым. В то время ему было пятьдесят три года. Сутулый, худощавый и лысый, с лицом, покрытым сетью морщин. Он прятался в подвале и прислушивался к постепенно затихающим звукам сражения, а потом услышал наверху страшный шум. *Кто-то грабит магазин*, подумал Гровер, и поднялся по лестнице, чтобы посмотреть, что происходит.

Но это был один из Титанов. Одна нога его была разможена, и он поглядывал через плечо на разбитые двери и окна. Стоя на лестнице, Гровер невольно вскрикнул от ужаса. Титан повернулся и заметил его. Тут же бескостная рука ринулась вперед и обвила тело ювелира. Гровер почувствовал, что его тащат, и потерял сознание.

Очнулся Гровер, лежа на полу, а Титан сидел на корточках возле него, причудливая, ужасная фигура в сгущающихся сумерках. Мы никогда не узнаем, какие мысли пронеслись тогда в голове Гровера. Он вскочил и бросился бежать, но длинная рука Титана схватила его и вернула на место. Он снова побеждал и снова был возвращен.

Так повторилось несколько раз. Затем Титан, не отпуская своей жертвы, замер, его огромная голова приподнялась, словно прислушиваясь. Потом глаза без век снова обратились к Гроверу, и объятый ужасом ювелир почувствовал странное *шевеление* у себя

в голове. Казалось, его разум зондировал ледяной палец. Мысли ювелира помчались вскачь.

Позже он рассказал, что почувствовал себя так, словно смотрит не в тот конец телескопа или находится под наркозом. Затем это ощущение прошло. И *в голове* Гровера раздался голос.

Теперь нам известно, что это была телепатия. Ювелир, образованный человек, понял это уже через минуту. Но все же такое объяснение немало раздражало логику. В голове Гровера носились спутанные мысли, он обнаружил неестественную смесь страха, настороженности и какого-то иронического веселья. И он понял, что это мысли Титана.

Это создание выжило после крушения своего корабля. Его подразделение было уничтожено Силикоидами. Один из кубических самолетов все еще патрулировал небо над городком, выискивая следы жизни. Пока он не улетит, Титан вынужден оставаться здесь. Он даже не мог послать сигнал о помощи, так как это сообщение будет перехвачено врагом.

Но через какое-то время куб все равно улетит, и Титан сможет обратиться за помощью, и тогда прилетят его товарищи. Тем временем гиганту было скучно, и это странное маленькое создание развлекало его. Оно было в какой-то степени разумным, полным страха и любопытства.

Гровер участвовал в Первой Мировой войне и с отвращением вспоминал тот день, когда он прятался в воронке от разрыва снаряда в компании нескольких трупов и маленькой крысы. Он поймал эту крыску и коротал время, играя с ней, кормя ее крошками хлеба и забавляясь ее выходками. Теперь же Гровер вспомнил о своем ироническом развлечении в тот момент. Титан же уловил и оценил его мысль.

СЛЕПОЕ НЕГОДОВАНИЕ стало расти в душе ювелира. Он без толку ударил кулаком по державшей его твердой руке. Титан повернул свою голову, яркие глаза уставились на землянина.

К Гроверу тут же вернулось здравомыслие. Он заставил себя успокоиться. Это же была такая удача. Если он сумеет начать общаться с Титаном, подружиться с ним или хотя бы получить от него информацию, армия могла использовать это, что бы он там ни узнал.

Удивленный гигант, казалось, мысленно отозвался.

— Кто вы? — спросил Гровер вслух. — Откуда вы пришли?

А затем он закричал от ужасной боли в голове. Лавина чудовищно чуждых мыслей хлынула в его сознание. Титан с готовно-

стью принялся отвечать, но Гровер не мог воспринять нечеловеческий образ мышления его собеседника. Австралийский абориген точно так же стал бы страдать от головной боли, пытаясь понять Евклида, невзирая на то, что законы Евклида основываются на знаковых принципах нашего мира.

Затем пульсация боли в голове Гровера прошла. Он увидел, что Титан потянулся к ближайшему стенду, разбил стекло и достал пригоршню драгоценных камней. Он выбрал три камешка, остальные небрежно отбросил в сторону. Затем чужак сделал нечто странное. Он выложил на пол перед ювелиром рубин, жемчуг и алмаз.

Кровавый рубин, перламутровый жемчуг и сверкающий алмаз, положенные в линию. Так человек мог бы положить деревянные кубики, чтобы научить ребенка алфавиту.

Жемчуг был посредине. Титан указал на него.

— Это ваш мир, — телепатически передал он свою мысль непосредственно в голову Гровера. — Понимаете? Ваш мир посредине.

Фантастический кошмар! В магазинчике сгустились сумерки. Гротескная фигура гиганта казалась нереальной. Затем он прикоснулся к алмазу.

— Алмаз — это мой мир. Мой мир прикасается к вашему, частично взаимодействует с ним. Но только в гиперпространстве, в иных измерениях. Но сам мой мир, как и ваш, состоит из обычного трехмерного пространства.

Гровер читал о подобных теориях. Поэтому кивнул в ответ.

Титан указал на рубин.

— Вот этот камень — еще один мир. Те, которых вы называете Силикоидами, происходят из него. Итак, у нас есть три мира, лежащие подряд и соприкасающиеся в четвертом измерении. Силикоиды — это рубин. Земляне — жемчуг. А мы — алмаз. Теперь предположите, — продолжал объяснять Титан, — что вы живете на алмазе и захотели попасть на рубин, причем вы можете перемещаться лишь по прямой линии. Как вы можете это сделать?

Гровер понял его.

— Только через жемчуг, — ответил он.

— Верно. Именно поэтому мы, Титаны, должны пройти через ваш мир, чтобы достигнуть планеты Силикоидов. Мы не можем сразу попасть непосредственно в плоскость вибрации Силикоидов. Сначала мы должны пересечь ваш мир.

— Но зачем? — воскликнул Гровер. — Я не понимаю! Эта бессмысленная война...

— Вы ничего не знаете об этом. Не мы начали эту войну. Мы лишь боремся за жизнь. Мы должны уничтожить Силикоидов, иначе они уничтожат нас.

ЮВЕЛИР ПОКАЧАЛ головой.

— Но это же *вы* хотите вторгнуться к ним, — упрямо сказал он.

— Подождите, — перебил его Титан. — Я уже сказал, что трехмерные объекты не могут перейти непосредственно из мира Силикоидов в наш. Но определенные излучения могут перейти сразу из одной плоскости в другую, не проходя через вашу планету. В последнее время Силикоиды стали использовать новую форму энергии, чтобы приводить в действие свои машины и города. Эта энергия не вредит им, но ее излучение уничтожает нас. И эти лучи каким-то странным образом передаются из мира Силикоидов в наш и убивают нас. Мы попросили их прекратить использовать эту энергию, но они отказались. Таким вот образом, — закончил Титан, — нам придется уничтожить их, прежде чем их смертоносное излучение уничтожит нас. Так что наша попытка вторжения в мир Силикоидов вполне оправдана.

Гровер попытался его понять.

— Но разве они не могут пойти на какие-то уступки? — спросил он.

— Они заявили, что им нужна эта энергия. Если они перестанут пользоваться ей, а замены у них нет никакой, то без энергии они просто умрут. Так что все мы боремся за жизнь.

Титан резко замолчал и, казалось, стал к чему-то прислушиваться.

— Вражеский корабль улетел, — сказал он Гроверу. — Мне нужно отправить просьбу о помощи. — Какое-то время он молчал. — Хорошо, — сказал он, наконец. — Вскоре прилетит корабль, чтобы забрать меня.

— А что будет со мной? — с ужасом спросил Гровер. — Что вы собираетесь...

— С вами? — в переданной мысли Титана почудилось легкое удивление. — Понятно, вы ждете, что я уничтожу вас или заберу с собой. Но зачем? Что мне вы? Вы избавили меня от скуки, и теперь можете быть свободны. — Гигант повернул голову к передней стене магазина.

Ювелир прикусил губу.

— Но вы же уничтожаете Землю! — воскликнул он.

— Мы не хотим никак навредить вам. Но лучше пусть Силикоиды сражаются с нами здесь, а не мы позволим им вторгнуться в наш

родной мир и уничтожить *наши* города. Мы должны пробиться в их мир и уничтожить их.

Но тут Гроверу в голову пришла одна мысль. Титан уловил ее и кивнул.

— Вы подумали о нашем первом появлении здесь — через экран с движущимися изображениями. Все верно. Много лет и мы, и Силикоиды пытались прорваться в измерение Земли. Но никакого прохода не было — он оказался заблокирован с вашей стороны. Однако, когда вы стали показывать свой модернистский фильм, новая частота световых колебаний, брошенная на киноэкран, соединилась с лучами, прибывшими от кометы, которая недавно вторглась в вашу Солнечную систему, что и помогло преодолеть барьер, разделяющий наши миры. Мы не можем проникнуть в ваш мир, если вы не откроете для нас в нужное время дверь. Возможно, когда-нибудь мы научимся прорываться в ваш континуум без вашего невольного сотрудничества, но излучение кометы — вы называете ее кометой Мандера, — все равно жизненно необходимо.

Гровер попытался подойти к этой проблеме с другой стороны.

— А что, если вы смогли бы предоставить Силикоидам какой-нибудь другой источник энергии? Например, электричество? У них есть электричество?

— Они используют атомную силу, освобождающую кванты... Электричество? А что это?

Ювелир безуспешно пытался ответить на этот вопрос.

— В девяти милях отсюда на юг есть электростанция с плотиной, — сказал он, наконец. — Возможно... — И он четко и кратко пояснил, как найти ее.

— Мы исследуем ее, — кивнул Титан. — Электричество — это для нас что-то новенькое. Может быть, оно и не станет действовать в мире Силикоидов. Но если станет, и если они согласятся использовать его...

Он поднялся и вышел из подвала.

— Корабль прибыл за мной, — донеслась до Гровера его мысль. — До свидания.

Какое-то время ювелир сидел в тишине. Затем вышел на улицу и успел заметить, как далеко на юге исчезает в небе сигарообразный корабль.

— Электричество, — задумчиво произнес он вслух. — Может быть...

Он направился к своему припаркованному автомобилю, который чудом уцелел посреди всеобщего разрушения. Нужно было

добраться до представителей власти. Они бы знали, что делать. На вашингтонской радиостанции есть люди, которые бы поняли его...

А МЕЖДУ ТЕМ смерть дождем лилась с неба. Силикоиды и Титаны сражались друг с другом при помощи своего потрясающего оружия. Комета Мандера летела к Солнцу. Радиостанция в Вашингтоне отправила сообщение, которое широко распространило новость, что некий Гровер нашел способ изменить положение вещей.

Мы были, как муравейник в Нечеловеческой Стране. Противостоящие силы топтали и по-прежнему игнорировали нас. Мы казались им слишком незначительными, слишком мелкими и неважными. Это был Нечеловеческий Мир! Земля оказалась мостом между двумя цивилизациями из иных измерений, — и на этом мосту они билась друг с другом!

Мы ввели в действие все свои военные и научные силы, но результатом было меньше, чем ничего. Нам удалось извлечь несколько уцелевших орудий из разрушенных кораблей Титанов и Силикоидов, но по строгому приказу мы держали его в секрете. Ключевым словом всех правительств было: «Ждите!»

Но чего ждать?

Этого мы не знали. Комета летела к Солнцу. Титаны постепенно заставляли отступать Силикоидов. В один прекрасный момент все корабли-кубы внезапно развернулись и лавиной ринулись в Сибирь. Там они, один за другим, влетели в купол света и прошли через него в родной мир. Сигарообразные корабли последовали за ними. Что это значило? Решающую победу? Нам никогда не дано было этого узнать.

Гровер, конечно, мучился вопросом, предложили ли Титаны Силикоидам тайну электричества и каков был ответ. Между тем наступила отсрочка. Два сигарообразные корабля остались на Земле, один в Сибири, другой парил над Нью-Йорком.

А затем — купола вдруг исчезли. В одну прекрасную ночь они внезапно быстро замигали и растворились без следа.

Точнее, следы все же были. На их месте остались странные, непонятные сооружения — одно из кристаллов, другое металлическое, — стоящие в одиночестве посреди огромных кругов голой земли. Два корабля Титанов осторожно повисли над ними.

Генерал Роберт Холл стоял рядом с Кертисом Гровером в бомбардировщике и наблюдал, как солнце понимается на востоке, из-за реки Аллегейни. В небе кружили с десятков самолетов. Холл кивнул одному из пилотов, и что-то сказал ему по рации шлемофона.

— Готовы к атаке? — спросил Гровер.

— Да. Мне не стоило позволять вам лететь с нами. Вы, знаете ли, все же гражданское лицо. Но вы это заслужили. Благодаря вашей информации...

Второй пилот покинул свое кресло и подошел к ним. Это был стройный, сублильный молодой человек, совершенно не похожий на известного физика, каким являлся на самом деле. Он сел напротив генерала и Гровера и закурил сигарету.

— Скоро мы все узнаем, — сказал он.

— Вы так думаете, Стэнтон? — с сомнением в голосе спросил Холл.

— Все получится. — Стэнтон сделал глубокую затяжку. — Все наши эксперименты приводят к одному заключению. Шлюз в потусторонние миры открыт лишь тогда, когда Землю накрывает прямое излучение кометы. Вчера вечером комета Мандера скрылась за Солнцем. Солнце не даст ее лучам добраться до нас. И пока она не появится, шлюзы — купола света, — не возникнут вновь. Я уверен, что именно поэтому Титаны оставили на Земле два своих корабля. Когда же комета вернется, — а это случится через сутки, — Титаны включат свои проекторы и снова откроют шлюзы. Конечно, — криво усмехнулся он, — когда комета уйдет за орбиту Плутона, ее лучи окажутся слишком слабыми, чтобы оказывать такое же воздействие, но это будет еще не скоро. Однако, если мы сумеем уничтожить два корабля Титанов с их проекторами, мы спасены.

ГРОВЕР НОСОВЫМ ПЛАТКОМ вытер лысину.

— Все верно, — сказал он. — Шлюзы могут быть открыты только из нашего мира. Титаны, конечно, уже поняли, как воспроизводить нужные вибрации. Но они все равно нуждаются в помощи Кометы Мандера.

— Ну, научные вопросы я оставляю вам, — заявил генерал Холл и, нахмурившись, глянул на Стэнтона. — Мое дело — вооруженные силы. Орудия, которые мы достали из обломков разрушенных кораблей Силикоидов, смонтированы сейчас на наших самолетах, и они должны помочь там, где оказались бессильными разрывные снаряды. Но лучевое оружие... — В голосе его проскользнуло пренебрежение.

— Этим лучевым оружием Силикоиды уничтожали корабли Титанов, — заметил Стэнтон и поглядел на часы. — Сибирская эскадрилья готова к атаке?

— Да. И наша тоже...

Генерал взглянул в иллюминатор. Под ним лежал Нью-Йорк. Пустой круг образовался там, где прежде лежал Таймс-Сквер. В

центре его стояла металлическая платформа. Над нею повис сигарообразный корабль Титанов.

— Когда комета появится из-за Солнца, они включают свой проектор и снова откроют шлюзы, — мрачно сказал Стэнтон.

Вместо ответа генерал Холл взял лежащий рядом с ним микрофон и что-то сказал в него. Рев двигателей стал громче. Четыре самолета ринулись вниз.

Сигарообразный корабль по-прежнему висел в воздухе, охраняя конструкцию проектора. Он не тратил внимания на несущиеся к нему самолеты. Никакие снаряды не могли повредить его. Ни одно земное оружие не могло повредить.

Однако, оружие, угрожающее Титанам, не было земным.

Из первого самолета вырвался красный луч. Дрогнул, прошелся по кругу, и там, где он касался земли, вздымались облака пыли. Корабль титанов не двинулся с места, но внезапно из него вырвался пронзительно-зеленый луч.

Затем еще один... И еще.

Самолет взорвался в воздухе. Бомбардировщик генерала качнуло, и он провалился в воздушную яму. А когда снова выровнялся, атакующих самолетов осталось только четыре. Красные лучи извергались из них, но трудно было попасть в цель со стремительно летящих машин.

Потом взорвался еще один самолет. Остальные продолжали мчаться вниз, как торпеды, прямо в адские зеленые лучи.

Взорвались еще два самолета. Остались лишь два.

А затем сигарообразный аппарат Титанов, казалось, мгновенно распух, и его оболочка разлетелась в клочья. Раздался оглушительный гром.

Один самолет сумел выйти из пикирования. Другой же рухнул среди обломков своей жертвы.

Генерал Холл, плотно сжав губы, смотрел вниз на горящие обломки.

— Дело сделано, — почти беззвучно сказал он. — И корабль Титанов... и проектор. Все кончено.

Пилот повернулся к нему.

— Получено сообщение из Сибири, сэр, — взволнованно воскликнул он. — Мы накрыли цель и там.

— Хорошо, — сказал генерал. — Летим назад. Немедленно.

Гровер взглянул на Стэнтон.

— И что дальше?

Физик пожал плечами.

— Одному Богу известно. Нам остается лишь ждать. Все наши теории основаны на предпосылке, что ни Силикоиды, ни титаны не могут пройти в наш мир, пока не вернется Комета Мандера, чтобы открыть шлюз. Нам нужно лишь ждать...

И МЫ СТАЛИ ждать. Комета Мандера вышла из-за Солнца. Самолеты бесконечно кружили над Сибирью и Манхэттенom. С ужасом мы ожидали новостей, в то время как острые взоры искали появление новых куполов света.

Комета миновала орбиту Венеры, Земли, потом Юпитера. Она уходила из Системы. Когда она вышла за пределы орбиты Плутона, все вздохнули с облегчением. Мы были спасены...

Спасены ли? Ну, ладно, мы восстановили разрушенное. Заново отстроили стертые с лица Земли города. Но иногда люди думали над тем, каковы же были результаты вторжения Титанов в мир Силикоидов? Кто победил в той войне?

— А, может, они заключили мир? — сказал Стэнтон Гроверу за ленчем в отстроенном заново «Рокфеллер-Плаза». — В конце концов, Силикоиды могли согласиться использовать электроэнергию вместо ядерной. Думаю, они должны предпочесть мир. И Силикоиды и Титаны разумные расы. И примерно равны по силам. Продолжение войны означало бы гибель обеих цивилизаций.

Гровер кивнул и закурил, слушая ученого.

— Но опасность еще не миновала, — продолжал Стэнтон. — Орбита Кометы Мандера имеет семидесятипятилетний цикл. За это время наука как Силикоидов, так и Титанов, наверняка, продвинется далеко вперед. А что, если они найдут новый повод для ссоры? И снова ворвутся в наш мир? Не знаю, не знаю... Мне известно лишь одно — через семьдесят пять лет Комета Мандера вернется...

No man's world, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 8), пер. Андрей Бурцев

THRILLING WONDER STORIES

15¢

NOV.

A THRILLING
PUBLICATION

FEATURING

THE DAY TO COME

A Complete Novel of
Earth's Last Stand
By **DON TRACY**

THE TOMB OF TIME
A Novelet of Magic Life
By **ROBERT ARTHUR**

THE WHITE BROOD
A Spaceways Novelet
By **HAL K. WELLS**

ОБРАТНЫЙ АТОМ

ЭТА пылающая загадка прилетела из глубин космоса далеко за пределами Солнечной Системы, огромная, светящаяся холодным светом комета, неумолимо мчащаяся к Солнцу. Ни одному спектроскопу не удалось определить ее состав. Некий элемент, совершенно новый для человечества, пронесся мимо Плутона, над большими планетами, по траектории, к счастью, идущей выше плоскости эклиптики так, что только маленький Меркурий ощутил чуждое дыхание странного гостя. Меркурий... и Солнце. Поскольку хвост кометы, вопреки всем законами логики и физики, вытянулся к Солнцу, направив светящийся, неизвестный газ прямо в центр нашего светила, где он, наконец, и упокоился.

И одновременно с этим начало слабеть солнечное излучение.

Когда все это случилось, швейцарский астрофизик Макс Молин заканчивал серию лекций в известном английском колледже. В аудитории было тепло, хотя за окном падал снег. Шел конец июня.

Швейцарец ходил по сцене взад и вперед, периодически надувая щеки при резком, нетерпеливом выдохе. Безвкусный костюм для гольфа висел мешком на его коренастом теле. Грубое, суровое лицо выглядело так, словно было высечено из выветренного коричневого гранита.

Молин остановился на краю сцены.

— Это моя последняя лекция, господа, — промурлыкал он. — Потом наши занятия закончатся. Не сомневаюсь, что это радует вас, да? Ну, когда будете прятаться в тесном подвале, пытаюсь согреться и жуя подметки старых ботинок, потому что есть больше нечего, вы с радостью вспомните эти лекции! Возможно, вы не понимаете, о чем я говорю, — продолжал Молин. — Позвольте мне объяснить. Солнце постоянно выделяет энергию. Думаю, вы не станете этого отрицать. Сейчас в нашем светиле, как и в любой другой, поддерживается хрупкий баланс. Оно состоит из атомов, находящихся под огромным давлением. Давление это так велико, что внешние электроны постоянно срываются со своих орбит, и, таким образом, выделяется энергия. Также, во внутренних слоях Солнца присутствуют все типы космических излучений: световые волны, рентгеновское излучение, гамма-лучи. Эти волны появляются благодаря возбуждению атомов в центре Солнца. — Молин сделал всеохватывающий жест своими длинными руками. — Видите? Это солнечная радиация. Но если бы все эти волны вышли бы из космоса, они сожгли бы Землю, как... как... — Он тщетно пытался подобрать

нужное слово, но потом сдался. — В любом случае, волны не могут покинуть пределы Солнца. Атомы внешних слоев служат барьером — такой сеткой — через которую излучение может проникать лишь малыми порциями. Но недавно произошло то, что нарушило этот порядок.

НИКТО УЖЕ не клевал носом. Эта лекция была необычной даже для непредсказуемого Макса Молина.

— В Солнце недавно врезалась комета, — быстро продолжал астрофизик. — Необычным было то, что эта комета содержала совершенно неизвестный нам химический элемент. Она столкнулась с Солнцем, рассеялась на мелкие частицы и обернула наше светило чем-то наподобие атомного покрывала. Как она могла это проделать? Атомный вес неизвестного элемента оказался меньше, чем у кальция, и этого было достаточно, чтобы плавать на поверхности солнечной хромосферы, и в то же время его атомное ядро очень тяжелое — тяжелее ядра атомов свинца. Вы все знаете, что свинец останавливает много видов эфирных излучений. Так вот, этот новый элемент из кометы образовал вокруг Солнца непроницаемый слой, покрывало, почти полностью впитывающее солнечное излучение и не дающее свету и теплу достигать Земли. Поэтому, — радостно сказал Молин, — все растения и животные вымрут в течение короткого времени. Искусственное ультрафиолетовое излучение может помочь, но ненадолго. Солнечное излучение необходимо для выращивания пищи и нормальной жизни людей. Человек может продлить свое существование, мигрировав на Меркурий, но я сомневаюсь в этом, поскольку атомное покрывало Солнца очень плотное. Мы не можем спастись, перебравшись в другую Солнечную систему, поскольку космические корабли пока не годятся для долгих межзвездных путешествий. Итак, мои юные друзья, я заканчиваю свою последнюю лекцию и предоставляю вам возможность выбрать себе приятную смерть.

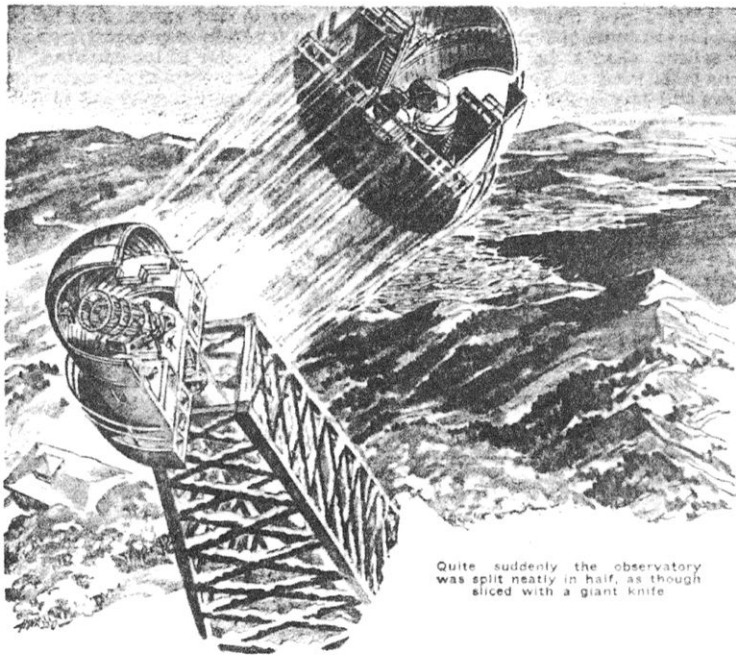
Астрофизик поклонился, спустился с возвышения и ушел к себе в кабинет, где открыл банку пива. Жадно поглощая его, он размышлял: *Я должен был это сделать. Годами я выносил их идиотские лица, пялящиеся на меня, пока я повторял то, что говорили до меня другие ученые. Но если бы я не читал лекции, то умер бы с голоду и от отсутствия пива.*

Его суровое лицо подобрело. Когда-то Молин мечтал о лаборатории, оборудованной любимыми приборами, где он мог бы предаваться изучению своих теорий. Он так полностью и не разучился мечтать. Мечтая, он переставал думать о том, что вскоре случится с миром.

REVERSE ATOM

By HENRY KUTTNER

Author of "Hollywood on the Moon," "When the Earth Lived," etc.

Quite suddenly the observatory was split neatly in half, as though sliced with a giant knife.

A Blazing Riddle Out of the Cosmic Gulfs Poses a Problem
That Men Must Answer!

Одним из самых очевидных последствий, которые ждут мир, было то, что станет темно. Растения погибнут. Исчезнут пшеница и кукуруза, затем крупный рогатый скот и овцы. Голод нависнет, как холодный призрак в тусклых сумерках замерзающей планеты...

ТО, ЧТО ДЕСЯТЫЙ день рождения Питера Джослина наступил через четыре месяца после того, как Молин прочитал последнюю лекцию, казалось, было совершенно не связано с этим. Отец Питера, доктор Говард Джослин, получивший известность за эксперименты с квантами, подарил мальчику модель космического корабля.

Одним ужасно сумрачным днем, юный Питер запускать игрушку на верхнем этаже дома и изредка поглядывал на уставшее, бледное лицо отца, а также и человека, который был с ним.

— Я знал, что вы придете, — пожимая руку Максу Молину, сказал Джослин, и его мрачное лицо чуть-чуть посветлело. — Всего час — это очень быстро.

— Стратоплан, знаете ли, летает быстро, — проворчал Молин. — Но зачем было посылать за мной? Есть и более способные люди...

— Возможно, более известные... Но я помню теории, которые вы выдвигали в Вене, где мы и познакомились. У нас были схожие идеи, а мне нужен кто-то, кто быстро все поймет. Большинство правительств одобрили мой план...

Макс внезапно взглянул вниз, на сверток под мышкой. И повернулся.

— Эй, обезьянка... лови! — крикнул он мальчику и бросил ему сверток.

Питер ловко поймал его и проворно развернул прозрачную сферу и костюм из блестящей серебристой ткани. Это был игрушечный скафандр, и глаза Питера засветились от радости.

— Большое спасибо!

— Пойдемте, Макс, — сказал Джослин. — Выпьем пива. Я не забыл, что вы очень любите его.

— Да, да, — последовав за хозяином, громко ответил Макс. — Но что насчет вашей работы, Говард — вы телеграфировали мне, что знаете, как снять с Солнца покрывало?

Молин взял пенящийся стакан из рук Джослина.

— Все верно, Макс. Хотя моя теория нарушает весьма известный закон. Закон сохранения энергии...

Молин сдул пену с губ.

— Так что же? Материализовались глупые мечты, что у нас были в Вене?

— Не такие уж они и глупые. Особенно после того, как я довел их до логического заключения. Вся хитрость в потенциальной энергии. Вы знаете правило — «общая сумма работы, совершенной во всех частях системы, равняется общей сумме кинетической и потенциальной энергии во всех ее частях». Другими словами, нельзя получить больше энергии из того, что уже есть в системе.

— Ну, и?

— Широко известно, что электроны можно сбросить с их обычных орбит внешним воздействием — например, изменением температуры. И, когда электрон автоматически возвращается на орбиту с низкой энергией, мы получаем фотон, излучение, показывающее, что энергия изменилась. В фотонах я и нашел ключ к решению проблемы.

Молин расправился с первым стаканом пива и налил еще один. Его пронизательные глаза, не моргая, глядели на Джослина.

— Вселенная постепенно остывает, Макс, теряет энергию. Мы знаем это, приняли это за данность. Атомная энергия выпускается и преобразуется — рассеивается, потому что не может быть потеряна — в виде света, тепла и так далее. Ну, так вот в чем смысл моей теории: определенный тип созданного искусственно атома, по-видимому, может испустить энергии больше, чем у него есть!

ШВЕЙЦАРЕЦ ТИХОНЬКО присвистнул.

— Это безумие, Говард — вы сами должны понимать. Все ученые мира будут смеяться над вами. Я бы и сам посмеялся, но мои ранние эксперименты вели в том же направлении, к факту, что в атоме есть некий скрытый запас энергии — возможно, в ядре, или даже в фотонах. Но это слишком невероятно.

— Я все доказал на бумаге.

— Ну и что? Ведь вы же не нашли «х» — неизвестный фактор?

— Нашел, — ответил Джослин, и его худое лицо стало вдруг озадаченным. — Нечто, что я не могу объяснить, попадает в мои расчеты. Но оно не оказывает эффекта на их результат. Я знаю, что расчеты точны.

— А есть еще пиво? Оно помогает думать... Спасибо. Ну, если вы сможете сделать эту невозможную вещь — что потом?

— Этот мой «обратный атом» может обратить атомы, окружающие его, так же, как частица пороха взрывает соседние частицы. Мой план в том, чтобы создать такое вещество и отправить его на Солнце в космическом корабле, где оно преобразует атомы Солнца в подобные себе.

— Но, если вам это удастся, разве увеличенная солнечная радиация не убьет все на Земле?

— Как ни странно, но нет. Толстое покрывало, оставленное кометой, будет уничтожено, и высвободится огромное количество энергии, но, в основном, это будут безвредные эфирные волны. Макс! — Голос Джослина вдруг сделался напряженным. — Я должен рискнуть! Это наш единственный шанс. В моих расчетах могут быть пробелы, но я дважды все проверил, и результаты выглядят верными. Если правительство все устроит, этого же достаточно, да?

— В худшем случае, это быстрая смерть, — глянув на дверь, проворчал Молин. — Ты думаешь о сыне.

— И о человеческой расе, — поправил его Джослин. — Если мы не уничтожим солнечное покрывало, Земля обречена. Через несколько поколений наши энергоресурсы иссякнут, мы деградируем и превратимся в дикарей. Исчезнет вся культура, наука и цивилизация...

— Я помогу тебе, — проворчал Молин, — но с одним условием. Я не могу работать, когда хочу пить. Мне нужно много пива.

ПРОШЛО ЕЩЕ четыре месяца. Космический корабль «Ньютона» находился на космодроме в Вашингтоне, округ Колумбия, заправленный и готовый к взлету. Когда пилот корабля Терри Уэбб пролез через круглый люк, он не смог сдержать странное чувство, сжимающее горло. Это было не первым его путешествием за пределы земной атмосферы. Несмотря на свою молодость, Уэбб являлся опытным пилотом, а иначе его никогда бы не выбрали для этой работы. В корабле были установлены специальные двигатели, которые подадут на гравитационные пластины огромную мощность — чтобы «Ньютона» смогла вырваться из хватки солнечного тяготения, поскольку Уэббу предстояло провести корабль внутри орбиты Меркурия и углубиться в опасную зону.

Молодой космонавт пожал широкими плечами, когда осмотрел тесную рубку, проверил работу приборов. Он дрожал на холодном, колющем ветру, срывающемся через открытый люк. В обычное время у космодрома собралась бы огромная толпа, но этим ноябрьским утром пришло лишь несколько смельчаков.

Уэбб провел загорелыми пальцами по копне взъерошенных светлых волос и достал сигарету. Когда корабль загерметизируют, покурить уже не удастся, потому что вентиляционная система корабля не рассчитана на подобное издевательство. Потом, подняв голову, Уэбб увидел телеведущего Джо Макгоуна, спешащего к нему во рту с невероятно длинной, черной сигарой во рту.

Макгоун, один из самых проникательных репортеров, работающих на «Глоуб Пресс», был низеньким и темноволосым, с круглым пухлым лицом и хитрыми голубыми глазами.

— Все готово, Терри? — возбужденно спросил он.

— Да, — ответил Уэбб. — Молин и Джослин уже в лаборатории.

Космонавт нажал кнопку, закрывающую люк. Макгоун оседлал кресло и включил микрофон, который держал в руке.

— Взлет совсем скоро, ребята! — затараторил он. — Вы уже видели доктора Джослина и Макса Молина на своих телевизионных экранах, как и нашего пилота Тэрри Уэбба. Это мой последний прямой эфир. После того, как мы начнем путешествие к Солнцу, я продолжу вещание, но радиоволны не смогут пройти через слой Хевисайда*, как вы, наверное, и так знаете. За этим слоем располагаются целых три корабля «Глоуб Пресс», которые будут передавать мои сообщения ближайшим к ним обсерваториям с помощью

* Слой Хевисайда — один из слоев ионосферы, названный в честь английского ученого-самоучки Оливера Хевисайда (прим. перев.)

визуальных сигналов. Такова плата за дистанционное управление! Вы узрите все воочию!

Уэбб провел пальцами по панели управления. «Ньютона», без всякого ощущения движения, стала подниматься вверх, когда энергия оживила гравитационные плиты. Внутри корабля было трудно судить о силе компенсирующего гравитационного поля, и на мгновение экипаж оказался в невесомости, пока опытные пальцы Уэбба все не исправили.

— Полная мощность, ребята, — прокричал Макгоун, а его незажженная сигара запрыгала. — Мы мчимся к Солнцу. Уже совсем скоро мы окажемся к нему так близко, что можно будет начать важнейший эксперимент за всю историю Человечества. Учитывая расстояние... ну, это, знаете ли, не пятиминутная прогулка.

Почти сто миллионов километров! — усмехнулся Уэбб, несмотря на огромное ускорение, обеспечиваемое гравитационными плитами, путешествие будет довольно долгим. Но корабль уже вылетел за пределы земной атмосферы. Вспомнив о возможности провала, Уэбб внезапно посерьезнел. Джослин был очень точен на этот счет. А Уэбб пока что не хотел умирать, поскольку через два месяца собирался жениться. Но ни один пилот на Земле не упустил бы возможность стать капитаном «Ньютонии».

ПАРУ ДНЕЙ спустя, на Земле, в апартаментах Джослина, Питер сидел на полу перед телевизором. В ближайшем кресле бездельничал Махаффи, шофер Джослина, посвятивший свою жизнь прислуживанию ученому и его сыну. Из телевизора раздался голос ведущего, передающего сообщения Макгоуна.

— Мы возвращаемся вокруг Солнца, по орбите, гораздо более низкой, чем орбита Меркурия. Эксперимент проходит согласно плану. Обратные атомы Джослина должны достичь Солнца с минуты на минуту. Как я упоминал, их запустили незадолго до того, как завершился весь процесс, — вспомогательный отсек отделился от корабля и полетел к Солнцу, потому что мы не знали, как быстро идет процесс превращения атомов. Со мной в рубке сейчас трое остальных членов экипажа. Молин настроил спектроскоп. И мы направляемся обратно к Земле... подождите-ка минутку! Кажется, атомы Джослина только что проникли в хромосферу.

Питер посмотрел на Махаффи.

— Это произошло уже довольно давно, — заметил он. — Радиоволны движутся со скоростью...

Но память подвела его, и он снова повернулся к телевизору. Махаффи улыбнулся.

Тем временем, в космосе, «Ньютона» сильно дернулась. Молин изумленно глядел в спектроскоп. Его бросило на колени, когда

гравитация внезапно увеличилась. Всех четверых придавило к мягкому полу.

Терри Уэбб с трудом сел за пульт управления. Макгоун, лежа на спине, все еще сжимал в руках микрофон и кричал в него.

Корабль начал безумно вращаться. Уэбб сражался с рычагами. Он посмотрел на приборы, не поверил своим глазам и испустил несвязный вопль. Джослин, шатаясь, подошел к нему.

– Приборы просто спятили! – прокричал пилот.

По кораблю пронесся скрежещущий вой, но где находился его источник, сказать было невозможно.

Внезапно, без всякого предупреждения, наступила полная тишина. Восстановилась нормальная гравитация. Все четверо установились друг на друга.

Молин нарушил тишину.

– Энергия, – неуверенно пробормотал он. – Она настигла нас...

– Что вы хотите сказать? – спросил телевизионщик. – Что произошло?

– Все еще происходит, – махнув рукой в сторону приборов, сказал Молин. – Мы думали, что обратятся только атомы Солнца. Но это затронуло атомы всего *космоса*...

– Космос... я думал... это пустота... – сумел выдавить из себя Уэбб.

Лицо Джослина осунулось прямо на глазах.

– Плотность межзвездного пространства примерно один атом на десять кубических сантиметров, – сказал он со странным ужасом во взгляде. – Процесс нельзя остановить, Макс! Иначе и быть не может. Если даже пустота не в силах помешать процессу преобразования атомов, он охватит всю Солнечную систему... всю Галактику!

МАКГОУН СХВАТИЛ ученого за руку.

– И что случится?

– Лишь Бог знает. – Ученый сделал слабый жест. – Слишком много энергии..., выпущенная на свободу таким образом, она может сотворить все, что угодно. Например, искривить ткань самого пространства.

– Послушайте, – резко сказал Уэбб. – Вы хотите сказать, это может навредить Земле? – Он подумал о девушке из Вашингтона – девушке, на которой он собирался жениться.

– Эта энергия может уничтожить Землю, – прогремел Молин.

– Что? – Глаза Макгоуна округлились. – Послушайте, у меня жена в Голливуде...

– А у меня сын в Нью-Йорке, – с нервной резкостью сказал Джослин. – Но мы ничего не можем с этим поделать. Эта энергия продолжит увеличиваться... энергия, появившаяся из ничего...

Пилот грубо дернул рычаги.

– Не дай Бог, что-нибудь случится со Стеллой!

Последовавшую за этим тишину опять нарушил Молин.

– У меня нет семьи. Так что я не боюсь смерти.

Он подумал о необузданной энергии, – этом непостижимом Титане, – расходящейся от Солнца, охватывающей Землю, проносясь на скорости, преодолевающей световой год за световым годом с невероятной быстротой – чистой энергии, потрясающей основы материи и безумно искажающей и изменяющей законы природы...

В других местах люди тоже не сидели, сложа руки. В обсерватории Маунт Вилсон, например. Блестящий купол построили в 1985-ом, водрузив на занесенные снегом строительные леса из закаленной стали. С одной стороны белые горы, с другой – крутые склоны, города Пасадена, Глендэйл, Лос Анджелес и прохладная голубизна Тихого океана вдали. Ученые, астрономы, журналисты «Глоуб Пресс» находились под огромным куполом, ожидая сигналов с кораблей, бороздящих просторы космоса.

Весьма неожиданно обсерватория раскололась на две почти одинаковые половинки, словно разрезанная гигантским ножом. Половина гигантской полусферы была поднята и яростно брошена на север, рассекая атмосферу со скоростью, от которой снег на крыше мгновенно растаял. Через минуту чудовищная ракета мягко опустилась на прерии в тысяче километров от исходной точки, примерно на полпути между озерами Тахо и Рено. Эта половина обсерватории, казалось, осталась неповрежденной. Но все живые существа внутри нее погибли, будто пораженные электрическим током.

СТЕЛЛА ХАРТ, невеста пилота Терри Уэбба боролась с ледяным ветром, дувшим на Пенсильвания-авеню. Вашингтон занесло снегом. Купол Капитолия блестел белым. Стелла, весьма красивая девушка двадцати лет, дрожала, несмотря на старую шубу, в которую она завернула свою изящную фигурку.

Тэрри хотел купить ей новую, но она не позволила ему. Им были нужны деньги, чтобы купить домик в Мэриленде. Но Тэрри сказал, что, если он вернется из этого полета, им больше никогда не придется думать о деньгах. *Он не понимает*, подумала Стелла, *как сильно я беспокоюсь о нем.*

Телевизоры повсюду докладывали о последних новостях с «Ньютонии». Нервы Стеллы были надорваны от напряжения. Она упорно шла по заледеневшей улице, пытаясь избавиться от образа Терри – находящегося так близко, так ужасно близко к Солнцу.

Серый день и пронизывающий холодный ветер. Несколько спешащих фигур вдалеке, черные пятна на фоне монотонного снега. В

облачном покрове над головой просвистел невидимый самолет. А снег все продолжал идти, неторопливо, бесконечно...

Раздался ломкий, странным образом пронзительный треск, будто лопнула струна скрипки. Одновременно в воздухе, в метрах тридцати перед Стеллой, появилось несколько десятков огненных точек. Удивительно, но снежинки не скрывали их из виду. Маленькие, светящиеся пятнышки пламени. Они носились длинными дугами, вращаясь и словно танцуя.

ЧТО ЭТО? Мгновение назад они являлись живыми обитателями белого карлика, звезды-компаньона Сириуса. Необузданная энергия, искривляющая материю, сморщила ткань пространства, как можно смять лист бумаги, подобрала этих пламенных существ и выбросила их прямо на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне. Хотя они были живыми, даже атомная структура их мозга совсем не походила на человеческую. Их действия наносили огромный урон.

Пламенные пятна могли быть озадачены, испуганы, сердиты и, возможно, голодны. Недолго потанцевав среди снежинок, они стали кружиться по расширяющимся спиральным орбитам, мерцая, как крошечные звезды. Глядя на них, Стелла не сразу поняла, что наблюдает нечто большее, чем необычное проявление электричества. Она ощутила волну страха, когда одна из искорок задела каменную стену здания, и оно тут же обрушилось.

Как это могло произойти? Очень просто. Звезда-компаньон Сириуса обладает невероятной плотностью. Живые существа, обитающие на поверхности белого карлика должны иметь схожую атомарную структуру. Как палец человека рушит картонный домик, так и прикосновение сияющей звездочки развалило десятиэтажное здание, сложившееся внутрь с оглушительным, сотрясающим землю грохотом, в котором утонули крики жертв. Стеллу сбilo с ног. Она поднялась, к лицу пристал тонкий мех, на секунду ослепив ее. Она откинула его.

Облако пыли все еще поднималось, встречаясь с потоком снежинок, жутковато подсвеченных пролетающими звездочками, которые носились все быстрее и быстрее. Кирпичи и обломки камней лежали вокруг Стеллы, но, не считая маленького пореза на руке, она чудесным образом осталась невредимой. С паникой, подкатывающей к горлу, она развернулась, поскользнулась и грохнулась в слякоть. Раздались быстрые шаги.

Кто-то схватил ее за руку и грубо поднял на ноги. Таща Стеллу за собой, он побежал подальше от разрушенного здания. Потом звуки крушения стихли, и Вашингтон сделался удивительно тихим.

Задышавшись, с пересохшим горлом, двое остановились и оглянулись. Сквозь мерцающую вуаль снега был виден лишь слабый

блеск. Стелла глянула вбок и увидела, что ее спаситель оказался низким, пухлым человеком с запотевшими очками в золотой оправе и лысиной, быстро покрывающейся снегом.

Издаലെка раздался грохот падающих камней.

— Война, — расплывчато сказал низенький человек. — Какой-то новый вид бомб. Не знаю... — Затем его ноздри раздулись, а на розовом лбу выступил пот. — Надо выбираться отсюда... Моя жена и дети... они в Нью-Йорке...

Стелла не могла говорить. Дрожа от холода и страха, она побежала со своим спутником по Пенсильвания-авеню, подгоняемая неторопливым крещендо, становящимся сотрясающей мир симфонией страха, окутавшей Вашингтон.

— Куда? Где мы можем... — сумела выговорить Стелла.

— У меня вертолет!

Они добежали до посадочной площадки, еще не заполненной беженцами, которые скоро прибудут сюда. У Стеллы не было родственников в Вашингтоне. Она еще не могла понять весь размах катастрофы и съежилась в кабине, молча глядя на своего спасителя, пока тот работал рычагами. Дверь открылась, и в проеме показалась небритая личность, прокричала что-то неразборчивое, и, несмотря на возражения пилота, затолкнула в кабину низкую, толстую женщину с ребенком на руках.

— Заберете ее, да, мистер? Мария...

— Рамон! — Женщина попыталась затащить его внутрь. — Лети с нами!

— Нет... Я должен забрать отца... я найду тебя позже, Мария. И ребенка...

На платформе начала собираться толпа. Вертолет поднялся в воздух. Человек внизу махал рукой, по его щетинистым щекам текли слезы.

— Да поможет нам Бог!

Выглянув из окна, Стелла увидела, как взлетная площадка внезапно раскололась посередине. Махавшего рукой человека, эту маленькую черную фигурку, бросило в облака хаоса, и появились пламенные звездочки. Снизу донесся грохот рушащегося здания...

Пилот отчаянно боролся с потоками воздуха. Толстая мексиканка завопила, съежилась и прижимала к себе ребенка, пока тот не начал плакать от страха и боли.

— Кармелита... доченька... ох, ох! — рыдала женщина.

Стелла содрогнулась и попыталась понять, что произошло, отгоняя холодные, темные страхи, переполнявшие ее. Терри... Терри! Увижу ли я тебя снова? Мы не можем сейчас умереть, нет. Мы обязаны жить. Домик в Мэриленде... Боже, Боже, будь милостив! Терри!

«САМЫЙ БОЛЬШОЙ ГОРОДОК В МИРЕ», гласил плакат в начале Вирджинии-стрит в городке Рено. Он не сильно изменился за прошедшую сотню лет. Столицу штата перенесли сюда из Карсона, но бары и игорные заведения все еще процветали. Как и самый известный бизнес в Рено — разводы.

Иола Макгоун, жена телеведущего, воспользовалась преимуществом отсутствия мужа, чтобы поехать в Рено и начать процедуру развода. Она была крашеной платиновой блондинкой и вышла замуж за Макгоуна, своего четвертого мужа, почти год назад. И чувствовала, что он уже начал надоедать ей.

Поэтому Иола, после неприятно раннего визита в суд, прикончила отбивную из ягненка и пошла прогуляться по Вирджиния-стрит, размышляя, как скоротать время. Человек, которого она выбрала в качестве своего следующего мужа, к несчастью, задержался в Голливуде, работая над фильмом для киностудии «Саммит», оставив ее одну. Бросив взгляд на припорошенные снегом горы на западе, она быстро свернула в более теплое заведение, где ее тут же заинтериговали деловые щелчки колеса фортуны.

Даже в этот час заядлые игроки были на своих местах, несмотря на то, что туристы появлялись лишь ближе к вечеру. Иола нашла место рядом с высоким мужчиной приятной внешности, который играл с безрассудным пренебрежением к последствиям. Когда она сделала ставку, он глянул на нее сонным, оценивающим взглядом.

Может быть, Рено, в конце концов, окажется не таким уж скучным местом, подумала Иола. Мужчина был очень привлекательным.

— Делайте ваши ставки, — бесстрастно сказал крупье. — Все... ставок больше нет...

Раздался слабый, но удивительно пронзительный треск. Для наблюдателя с самолета, Рено совсем не изменился на эти тридцать секунд. Но на самом деле произошло невероятное. И это коснулось всех. В результате выброса огромной энергии, большинство жителей города за несколько секунд прожили пару десятилетий. Они состарились.

Но для некоторых из них время пошло вспять. Они помолодели. Автомобили с морщинистыми, беззубыми стариками врезались в уличные фонари и витрины магазинов. Губернатор, который в это время находился в своем кабинете в здании Капитолия, из дородного, румяного шестидесятилетнего человека превратился в полнощекого ребенка, проигнорировавшего собрание совета фермеров, чтобы поиграть с авторучкой, которой пользовался уже долгие годы. У фермеров, однако, возникли свои проблемы. Они стали, по

меньшей мере, восьмидесятилетними, и четверо сразу умерли от старости.

Иола поменяла мнение о привлекательной внешности своего соседа. Его лицо было слишком худым... и к тому же морщинистым. Боже правый! Оно походило на череп, обернутый морщинистым пергаментом с седой бородой, доходящей почти до колен. Но она видела его как-то расплывчато. В чем же дело? Подняв дрожащую руку, чтобы протереть затуманенные глаза, она замерла, пораженная видом невероятных ногтей на своей руке. Иола вскрикнула надломленным голосом...

А потом увидела свое лицо в ближайшем зеркале и милосердно упала в обморок.

В АПАРТАМЕНТАХ Джослина, Махаффи наливал себе скотч с содовой, слушая телевизор, вопивший в соседней комнате, где находился Питер. Парень подросток, заметил Махаффи. Он помнил, когда маленький Пит был по колено кузнечику. Ну, если станет таким, как его отец, то отлично. Док – замечательный человек.

Раздался слабый треск.

– Махаффи! – донесся голос Питера, в котором звучала паника. – Тут что-то...

Шофер поставил стакан и уже через секунду оказался в дверном походе. И выпучил глаза. Комната сошла с ума!

Она выглядела вполне знакомой – те же стулья и столы, шкафы и телевизор – пока Махаффи не посмотрел в дальний конец комнаты. Но вместо стены там было ... что-то непонятное! Поморгав, Махаффи покрутил головой. Глаза у него заболели. Грани... безумные краски...

Доктор Джослин, возможно, понял бы, что какой-то совершенно чуждый сегмент Вселенной вторгся в наш мир в тот момент, когда энергия вырвалась на свободу. Но Махаффи мог только пристально смотреть, каким-то образом чувствуя, что смотрит на нечто чудовищное... и очень опасное. Блеск невероятных цветов, от которого болели глаза, грани и кривые, безумно искаженные и изогнутые...

Махаффи рванулся вперед и схватил Питера, стоявшего рядом с телевизором и парализованного необъяснимым страхом. Повернувшись, чтобы убежать, Махаффи почувствовал угрозу. Он резко обернулся.

К нему приближалось Нечто, бурля и извиваясь в безумном полете, отрываясь от общего сверкания ярчайших красок. Оно имело серую, словно выделанная кожа, поверхность, и Махаффи встревожился потому, что не мог сфокусировать на нем взгляд. Контуры существа постоянно менялись. В одно мгновение оно было величи-

ной с человека, а в следующее превращалось в пятнышко, оказавшись уже в гостиной.

Махаффи подскочил к столу и выхватил из ящика пистолет. Не то, чем бы оно ни было, казалось, двигалось вперед, хотя уверенно сказать было нельзя. Все сошло с ума. Он не видел, куда целился. Просто выстрелил наугад.

Что-то ударило его, и шофер, крутясь в воздухе, полетел в одном направлении, а Питера отбросило в другую сторону, и он грохнулся в кресло. Махаффи почувствовал ужасную острую боль в груди. *Ребро сломалось*, подумал он. *А может и не одно. Мальчик-то в порядке? Да, шевелится. Хотя рука, кажись... сломалась. Ну, это его не убьет. Берегись, парень!*

Покрытое серой кожей существо быстро приближалось к мальчику. Махаффи вскочил на ноги и рванулся через всю комнату. Вцепился в существо. Тошнотворная, ужасная боль пронзила все его тело. Создание словно обернулось вокруг человека. Прикосновение его плоти обжигало, как кислота. Пистолет...

Махаффи расстрелял весь магазин в упор. Раздался бесконечный, раскалывающий голову вой. И затем, внезапно, серое существо исчезло, стена комнаты снова вернулась на место, все стало, как прежде. Питер все еще лежал, но дышал, как видел Махаффи. Крепкий малый, как и все дети. *Я умираю*, подумал Махаффи. *Это существо убило меня. Но что это была за чертовщина? Неважно... ее уже нет... так вот, как приходит смерть. Забавно, но мне не страшно. Не хуже, чем упасть в нокаут.*

До встречи, парень. Когда-нибудь увидимся, может быть... может быть... жаль, что я не могу попрощаться с твоим стариком, прежде чем сдохну... До встречи...

«ОПАСНОСТЬ ПОЗАДИ, СКАЗАЛ ДЖОСЛИН – УЧЕНЫЙ ВЕРНУЛСЯ И ЗАЯВИЛ, ЧТО ЭНЕРГИЯ ИСЧЕРПАНА

НЬЮ-ЙОРК, второе февраля – Доктор Говард Джослин сегодня заявил, что его так называемые «обратные атомы» больше не представляют угрозу, поскольку инструменты показывают, что избыток высвобожденной энергии рассеялся. После разрушения Кливленда прошлой ночью больше не было сообщений о подобных катастрофах, и мир искренне надеется, что доктор Джослин окажется прав. Считается, что загадочные огни, бушевавшие в Вашингтоне, исчезли...

СОЛНЦЕ СПАСЕНО!

ВЕРНУЛАСЬ ЕГО ПРЕЖНЯЯ ЯРКОСТЬ. Эксперимент Джослина признан успешным».

«НЬЮ-ЙОРК, третье февраля – Атомное покрывало, душившее Солнце столько месяцев, уничтожено. Доктор Говард Джослин сегодня объявил, что это произошло благодаря энергии его знаменитых «обратных атомов». Хрупкий баланс, необходимый для того, чтобы не дать веществу кометы рассеяться с поверхности Солнца был нарушен, и прежде неизвестный вид ионизации разбил атомные ядра поглощающего энергию покрывала. Ученые предсказывают открытие новых свойств материи при изучении частиц с огромной энергией...»

ВЕСНА ВЕРНУЛАСЬ на Землю.

Погибшие было поля начали давать урожай. Стада овец и крупного рогатого скота снова стали плодиться под воздействием жизненно-важного излучения перерожденного Солнца. Снег, покрывший почти весь мир, растаял и был забыт. А Джослин и Молин вернулись в лабораторию, помогая восстановить ущерб, нанесенный экспериментом.

Однажды Джослин вошел в лабораторию с широкой улыбкой на лице.

– Помнишь Терри Уэбба? – спросил он. – Пилота «Ньютонии»? Ну так вот, он женится. Я только что получил от него телеграмму. Мы приглашены на свадьбу.

– Ну, да! – проворчал Молин. – так и есть у нас время. Отправь ему мои соболезнования, такому дураку. Зачем ему жениться? Он теперь герой – все вручают ему медали и осыпают деньгами. – Швейцарец указал на десяток листов с расчетами, лежащих на столе. – Но послушай, Говард – я нашел ответ. Незвестную величину в наших расчетах. Все сразу стало на свои места.

– Что? – Джослин подскочил к столу и схватил бумаги. – Ты нашел недостающий фактор? – Его внимательные глаза пробежали по уравнениям.

– Да, – кивнул Молин. – Посчитал ты все правильно, но исходил из не совсем верных предпосылок. Ты получил энергию, очень много энергии – но как?

– Создав обратный атом, – медленно сказал Джослин. – Атом, испускающий больше энергии, чем содержит.

Молин громогласно провозгласил:

– Допустим. Но мы не заходили достаточно далеко. В этом нет смысла. Говард – мы же знаем, что, если взять два раза по два яблока, мы не получим пять яблок. А если получим, значит, лишнее яблоко появилось откуда-то еще. И вся эта энергия, которую мы получили якобы из ниоткуда, тоже должна откуда-то взяться.

– Из атомов.

– Не *из* них, а *через* них. Ты не создал энергию на пустом месте, а открыл новый источник. Поэтому ты получил правильные результаты, но источник энергии... тут мы оба ошиблись. Наверное, если можно так выразиться, мы высосали энергию из какого-то резервуара и передали ее атомам нашей Вселенной.

– Возможно, ты попал в точку, – возбужденно сказал Джослин. – Конечно! Но этот резервуар...

– Другой континуум. Другая Вселенная, отделенная от нас, вероятно, в пространстве и времени, наполненная потенциальной и кинетической энергией, как и наша Вселенная. При помощи обратного атома, Говард, ты просто создал мост между двумя мирами и передал энергию в нашу Вселенную, опустошив параллельную.

– Но как же так, Макс, – нахмурился Джослин. – Ты говоришь, что известные законы природы не были нарушены. Куда тогда делся излишек энергии? Не мог же он просто исчезнуть – ты же знаешь, что это невозможно.

– Не исчезнуть – преобразоваться. Энергия не пропала. Она ушла на искривление и искажение основ нашей Вселенной. Преобразовалась, рассеялась по всему нашему континууму, стала светом, теплом, возможно, материей. Теперь у нас гораздо больше потенциальной энергии, чем раньше, и эта Вселенная проживет дольше. Она прошла курс омоложения.

Джослин кивнул с некоторой печалью во взгляде.

– Энергия преобразовалась – ты прав, Макс. Изменилась, как из-за нашего эксперимента изменились и оборвались многие жизни. Махаффи...

НО МАХАФФИ уже не чувствовал ни боли, ни страха, лежа в двух метрах под землей. На могиле были цветы, и часть из них положил Питер.

Так много жизней... изменилось...

Толстая мексиканка, обыскивающая руины Вашингтона с бесстрастным лицом, трагедию которой выдавала лишь вечная печаль в глазах... Двое счастливых молодоженов в домике в Мэриленде, уже почти забывшие ужас последних месяцев... Женщина в Рено, горько рыдающая, глядя в зеркало на сморщенное лицо старухи... Телеведущий Джо Макгоун, получивший развод и собирающийся провести медовый месяц с известной актрисой...

Мир двигался дальше...

Reverse atom, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 11), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

10¢

ASTONISHING

STORIES

JUNE

STORM CLOUD ON DEKA

A "VORTEX BLASTER"
NOVELETTE
by E. E. SMITH, PH.D.

THE CRYSTAL CIRCE

by HENRY KUTTNER

OUT OF THE SEA

by LEIGH BRACKETT

ALFRED BESTER
R. M. WILLIAMS
AND MANY OTHERS

ХРУСТАЛЬНАЯ ЦИРЦЕЯ

Введение

СТРАТОПЛАН ИЗ КАИРА прилетал поздно ночью, и я задался вопросом, что лучше поможет скоротать время: кинохроника или пара стаканчиков? Начинались сумерки. За огромным изогнутым окном зала манхэттенского аэропорта я видел посадочную площадку с серебристым самолетом, катящимся по гудронированной дорожке, а за ним небоскребы Нью-Йорка.

А затем я увидел Арнсена.

Разумеется, это был Стив Арнсен. Без сомнения, он. Никто другой не мог бы похвастать такими широченными, как у Геракла, плечами. Десять лет назад мы вместе учились на Среднем Западе. Я вспомнил весельчака, повесу, красавчика Стива Арнсена, склонного попадать в неприятности, из которых его вытаскивал Дуглас О'Брайен, его сосед по комнате, таскавший за ним, как хвост за воздушным змеем. Бедняга Дуг! Он был полной противоположностью Арнсена, задумчивый, прилежный паренек с мечтательными темными глазами. Дуглас О'Брайен был идеалистом, как и его кельтские предки. Между этими двумя парнями существовала крепкая дружба — слияние веселья и мечтательности.

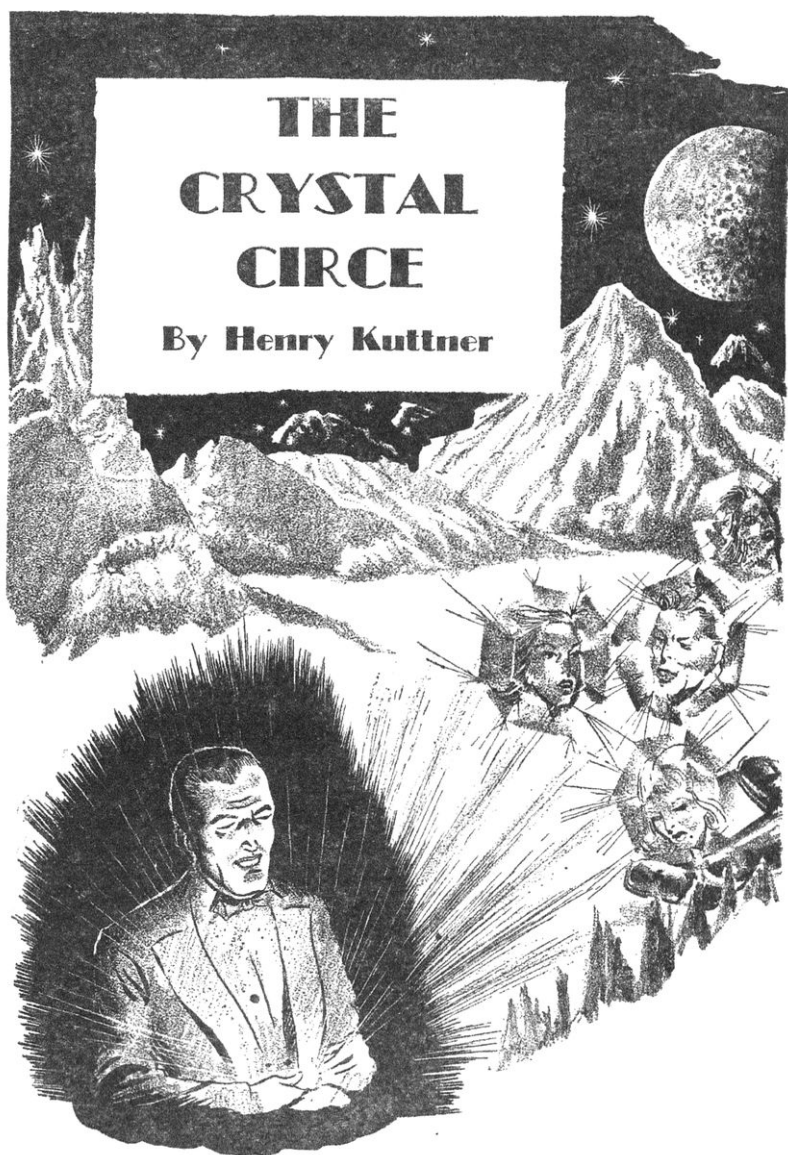
Арнсен стоял и почему-то напряженно всматривался в темнеющее небо. Затем он резко повернулся, подошел к столику, соседнему с моим, и сел. Достал из кармана какую-то коробочку и открыл ее с резким щелчком. Затем пристально уставился на какую-то вещичку, лежащую в его сложенных лодочкой ладонях.

Я взял свой стакан и подошел за столик к Арнсену. Сначала я увидел его круглый, мощный затылок. Потом он обернулся...

Если я когда и видел ад на лице человека, то именно тогда, на лице Арнсена. Ужасная тоска и не менее ужасная безнадежность, наверное, такое выражение можно увидеть на лице проклятой души, поднимающей глаза из ямы к вечно недостижимым сияющим вратам.

Опустошенное было лицо у Арнсена.

Жгучая печать каких-то ужасных переживаний лежала на нем, избородив морщинами щеки, заставив сжиматься губы и щурить болезненные глаза. Нет, это был не тот Стив Арнсен, парень, какого я знал на Среднем Западе. Молодость покинула его, а вместе с ней и надежда.

A Full-Length Novelette of Outer Space

– Вейл! – сказал он, криво улыбнувшись. – О, Господи, из всех людей!.. Садись и выпей. Что ты здесь делаешь?

Сев на стул, я замялся, подыскивая надлежащие слова. Арнсен секунду смотрел на меня, затем пожал плечами.

The weak ones fell back, the strong ones fought on—
toward the crossroads of the past and the future where
the crystal Circe waited to keep her dreadful tryst—"A
man and a jewel—but the man will die!"

— Можешь высказать это вслух. Я изменился. Да... И я прекрасно знаю об этом!

— Что случилось? Спросил я, чувствуя облегчение, что не придется юлить.

Его пристальный взгляд устремился мимо меня к темному небу под посадочным полем.

— Что случилось? А почему ты не спрашиваешь, где Дуг? Мы же всегда были вместе, разве не так? Странно, наверное, встретить меня одного...

ОН ЗАКУРИЛ сигарету, но тут же нетерпеливо раздавил ее.

— Знаешь, Вейл, я почему-то надеялся, что столкнусь с тобой. Внутри меня все кипит... в груди. Не могу сказать, что в душе. Никто не поверил бы мне. Никто, кроме тебя. Мы втроем многое пережили в былые времена.

— А что за проблема? — спросил я. — Могу я помочь?

— Ты можешь меня выслушать, — ответил он. — Я вернулся на Землю, думая, что смогу все забыть. Но ничего не вышло. Я жду авиалайнер, который увезет меня на Канзасский космодром. Полечу на Каллисто... на Марс... куда угодно. На Земле мне нет больше места. Но я рад, что мы встретились, Вейл. Наверное, я слишком напыщенно изъясняюсь. Я хочу, чтобы ты ответил на мой вопрос, и это буквально сводит меня с ума.

Я махнул официанту, и он принес мне еще порцию. Арнсен молчал, пока мы не остались одни. Затем открыл по-прежнему сложенные руки и показал мне маленькую коробочку из шагрени. Она щелкнула, открываясь. На синем бархате приютился кристалл, небольшой, но самый восхитительный из всех, что я когда-либо видел.

Свет вытекал из него, словно поток медленной воды. Интенсивность его пульсировала, становилась то ярче, то тусклее. А внутри кристалла был... Я, наконец, сумел оторвать от камня глаза и устался на Арнсена.

— Что это? Где ты нашел его? Ведь не на Земле?

Арнсен с болезненной безнадежностью на лице глядел на драгоценный камень.

— Нет, не на Земле. Он с небольшого астероида... где-то там, — он неопределенно махнул на небо. — Его нет на картах. Я не провел расчеты траектории. Так что я не смогу туда вернуться. Ну, не то, чтобы я не хочу. Бедный Дуг!

— Он мертв, да? — спросил я.

Арнсен как-то странно посмотрел на меня, затем закрыл коробочку и сунул обратно в карман.

— Мертв? Я сам не знаю. Подожди, пока не услышишь всю историю, Вейл. О счастливом талисмане Дуга, о снах и Хрустальной Цирее.

На его лице стал медленно проступать ужас от каких-то воспоминаний. Что-то произошло там, в космосе. *Должно быть, что-то ужасное, подумал я, раз оставило такие следы на Арнсене.*

– Ужасное? – он словно прочитал мои мысли. – Возможно. Но одновременно и прекрасное. Помнишь прежние времена, когда я вечно попадал в заварушки... – Он замолчал.

– Кто такая Хрустальная Цирцея? – спросил я после долгой паузы.

– Я так и не узнал ее имени. Она говорила мне, но мой разум был не в силах понять. Разумеется, она не человек. Я назвал ее Цирцеей в честь колдуньи, которая превращала своих любовников в свиней. – Он снова поглядел на темное небо. – Ну, все началось больше двух лет назад в Мэне. Мы с Дугом шли на рыбалку, когда нашли упавший метеорит. Ну, какая уж там рыбалка! Ты же знаешь, Дуг всегда был, точно ребенок, впервые читающий сказку. А тот метеорит...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Звездный камень

ОН ЛЕЖАЛ в кратере, образовавшемся при падении, в оплавленной ямке, ясно различимой на коричневой земле. Сумах и виноградные лозы уже начали восстанавливать поврежденную почву. Солнечный свет поздней осени косо падал сквозь кроны деревьев, когда Дуглас О'Брайен и Стив Арнсен шли к булькающему вдалеке потоку, думая только о предстоящей рыбной ловле. Ни один звонок не прозвонил внутри них, предупреждая о грядущей угрозе.

– Внимательней смотри под ноги, – сказал Арнсен, увидев яму.

Он пошел в обход, но, обернувшись, понял что О'Брайен застыл на месте.

– Идем, Дуг. Уже вечерет.

Загорелое лицо О'Брайена загорелось решимостью, когда он устался в яму.

– Погоди-ка немного, – рассеянно сказал он. – Ты видишь?.. Держу пари, что это метеорит!

– Ну, пусть будет метеорит. Но мы же здесь не за тем, чтобы искать метеориты, профессор. Они ведь, в основном, из железа. Были бы они золотыми – тогда другой разговор.

О'Брайен пошарил рукой в яме, затем отряхнул с пальцев грязь.

– Интересно, какой же он величины? Ты иди вперед, Стив. Я тебя догоню.

Арнсен вздохнул. О'Брайен со своим энтузиазмом по поводу всего сущего под солнцем, снова витал в облаках. Теперь его было не остановить, пока он не удовлетворит свое любопытство насчет метеорита. Ну, а у Арнсена была новая мушка, которую ему не терпелось испытать, пока не прошло время вечерней поклевки. Поэтому он развернулся и поспешил к ручью.

Мушка оказалась превосходной. За удивительно короткое время Арнсен наполнил пакет до предела. О'Брайен не появлялся, а го-

лод уже давал о себе знать. Поэтому Арнсен пошел назад той же дорогой.

О'Брайен сидел, скрестив ноги, у ямы, держа в сложенных чашечкой руках что-то странное. На первый взгляд Арнсен решил, что метеорит от удара раскололся на две части, каждая величиной с футбольный мяч, и подошел поближе, чтобы посмотреть, что держит О'Брайен.

Это был серый кристалл размером с яйцо, внутри которого было нечто, напоминающее застывший туман. Больше всего он походил на ромбовидный, многогранный драгоценный камень.

— Где ты его нашел? — спросил Арнсен.

О'Брайен буквально подпрыгнул, поворачивая к нему испуганное лицо.

— А, это ты, Стив. Он был в метеорите. Самая странная штука, которую я когда-либо видел. Я заметил, что вокруг метеорита тянется трещинка, поэтому ударил по нему камнем. Метеорит развалился пополам, а внутри оказался этот камень. Невероятно, не так ли?

— Дай-ка посмотреть, — сказал Арнсен, протягивая к камню руку.

О'Брайен замялся, выказывая странное нежелание расстаться с камнем, но затем, наконец, отдал его другу.

Камень оказался холодным, но все же приятным на ощупь. Его сильно кольнуло, словно слабым ударом электричества.

О'Брайен тут же выхватил у него камень. Арнсен удивленно поглядел на друга.

— Да не съем я его. Что...

— Это моя удача, Стив, — усмехнулся тот. — Моя удачнейшая удача. Я хочу просверлить его.

— Лучше сначала отнеси ювелиру, — посоветовал Арнсен. — А вдруг он ценный.

— Нет, я никому его не отдам. — О'Брайен сунул камень в карман. — Это же такая удача!

— Довольно, я хочу есть. А нам нужно еще разбить лагерь.

ПОСЛЕ УЖИНА, состоящего из жареной форели, О'Брайен снова принялся рассматривать свою находку, так пристально глядя в туманную глубину драгоценного камня, словно ожидая там что-то увидеть. Арнсену показалось, что он чувствует странный запах, исходящий от камня. Той ночью О'Брайен уснул, держа в руке свою драгоценную находку.

Спал он беспокойно. А Арнсен не мог уснуть, почему-то ему вспомнилось, как Дуг положил камень ему на ладонь, и как из того вырвалась короткая, как молний, вспышка света. Но, может, это была всего лишь игра воображения...

Луна уже зашла, когда О'Брайен зашевелился и проснулся. Арнсен почувствовал, как друг поглядел на него, и тихо спросил:

– Дуг?

– Да. Я как раз думал, спишь ты или нет.

– Что-то не так?

– Есть девушка, – сказал вдруг О'Брайен и замолчал, и лишь после паузы, показавшейся очень долгой, продолжал: – Помнишь, ты как-то сказал, что я никогда не найду такую совершенную девушку, которую смогу полюбить?

– Ну, сказал что-то такое, – проворчал Арнсен.

– Ты был неправ. Она как Дейдра*, как Фрейя**, как Ран***, богиня северных морей. У нее рыжие волосы, нет, скорее, красные, как заходящее солнце, и она, как и Дейдра, тоже богиня. Это о ней написал Соломон: «Ты безупречна, любимая... На тебе, как на солнце, ни пятнышка, ни изъяна...». Стив... – сказал он и внезапно голос его резко изменился. – Это был не сон. Я точно знаю, что не сон. Она существует, она где-то есть... – Он вздохнул и замер, и Арнсену показалось, что он снова устался в свой камень.

Что тут было сказать? Меж ветвей дерева мерцали морозным блеском звезды. Странное дыхание неземного, казалось, струилось из этой небесной пропасти, отчего у Арнсена стало холодно в груди.

И в тот момент он вдруг понял, что его друг околдован.

Суеверные глупости! Арнсен попытался выкинуть из головы эту мысль. Но вся кровь его северных предков вскипела в нем. Кровь викингов, которые верили в Королеву Океана Ран, в троллей, колдунов и водяных дев, охраняющих затонувшее золото.

– Ты спал, – упрямо сказал он громче, чем намеревался. – Сегодня возвращаемся в город. Мы пробыли здесь достаточно долго.

К его удивлению, О'Брайен согласился.

– Я тоже так думаю. У меня возникла идея, и я хочу поработать над ней.

И он замолчал, как моллюск, закрывшись в своей непроницаемой раковине. Очевидно, почти немедленно заснул.

Но Арнсен еще долго не спал. Звезды казались слишком уж близкими и какими-то... угрожающими. Из черной пустоты на него смотрели глаза – нечеловеческие глаза, несмотря на все их очарова-

* Дейдра – героиня кельтской легенды о Дейдре (прим. перев.)

** Фрейя – богиня любви, плодородия, урожая и жатвы. Жатвы бывают разными, и у Фрейи иногда бывают приступы, из-за которых ей позволительно собирать кровавую жатву (прим. перев.)

*** Ран – страшная богиня моря, сестра Локи (прим. перев.)

ние. Они были как темные омуты в самой темной ночи, и в глубине их сверкали звезды.

Как бы ему хотелось, чтобы О'Брайен не находил этот проклятый метеорит!

ГЛАВА ВТОРАЯ. Кристалл-приманка

О'БРАЙЕН С ТОЙ ПОРЫ изменился. Мечта не исчезла из его глаз, но теперь он трудился с такой интенсивностью, какая не замечалась в нем прежде. Ранее они оба занимали обычные места в огромной коммерческой организации. Но О'Брайен вдруг неожиданно уволился. Арнсен последовал за ним, чувствуя необходимость быть рядом с другом. Но в те дни он мало чем отличался от ненужной клады.

У О'Брайена были свои планы. Он взял все свои накопления, чтобы оборудовать небольшую лабораторию, и проводил там много времени. Арнсен помогал, чем мог, хотя это случалось не часто. Он плохо понимал, что пытается сделать друг.

Однажды О'Брайен сказал нечто странное. Они были вдвоем в лаборатории, ожидая результатов какого-то эксперимента, а Арнсен нервно расхаживал взад-вперед.

— Как жаль, что я не понимаю, что происходит, Дуг, — сказал он внезапно почти что с гневом. — Мы чем-то занимаемся тут уже много месяцев. Может, ты все же расскажешь, чего добиваешься? Вообще-то ты лишь рядовой физик.

— Драгоценный камень помогает, — ответил О'Брайен, достал свой камень из замшевого мешочка и уставился в его туманную глубину. — Я воспринимаю от него мысли.

Арнсен резко остановился. Лицо его исказилось.

— Перестань дурачиться! — рявкнул он.

О'Брайен залился краской.

— Ну, попробуй сам, — сказал он, протягивая камень Арнсену, который неохотно взял его. — Закрой глаза и попытайся очистить свой разум. Это иногда помогает.

— Ну, я... Ладно.

Арнсен крепко закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. И тут же что-то ужасное пронзило его — жуткая тоска, какой он никогда не испытывал. Так мог бы почувствовать себя убийца, лишенный волшебного зелья, кое должно было перенести его в Рай. Убийца, отверженный, заброшенный в космическую тьму.

И тут перед его мысленным взором всплыло лицо, прекрасное, странное и потрясающее вне всякого воображения. Арнсен глядел на него лишь секунду, а потом оно растворилось в каскаде искр,

разлетевшихся во все стороны, словно волшебные светлячки. И снова наступила темнота и, почему-то, ужасная тоска.

Арнсен выронил драгоценный камень, О'Брайен поймал его на лету и криво улыбнулся.

– Я вот думал, увидишь ли ты хоть что-нибудь. Ты видел ее?

– Ничего я не видел, – проворчал Арнсен, поворачиваясь к двери.

– И ничего не почувствовал.

– Но ты же испугался. Почему? Я вот не боюсь ни ее, ни камня.

– Ты просто дурак, – бросил Арнсен через плечо, выходя.

Он чувствовал слабость и тошноту, словно перед ним открылась уходящая в бесконечность перспектива. Не было никакого объяснения тому, что он почувствовал – по крайней мере, никакого нормального объяснения.

***И ЧТО ЖЕ ЭТО** такое может быть?* – думал он, бродя по двору и куря одну сигарету за другой. Телепатия, перенос мыслей? Он просто уловил то, о чем думал О'Брайен? Но это же ужасно, если Дуг испытывает любовь к девушке-богине, которой и вообще не существует.

О'Брайен со сверкающими глазами вышел из лаборатории.

– Дело сделано, – сказал он, пытаясь скрыть свое торжество. – Наконец-то у нас есть сплав. Последние опыты оказались успешными.

Арсен испытал неопределенное предчувствие. Он попытался поздравить О'Брайена, но сам услышал, как фальшиво звучат слова. Тот понимающе улыбнулся.

– Как мило с твоей стороны, что ты пытаешься обмануть меня, Стив. Теперь все окупится. Только... мне нужно много денег.

– У тебя будет много денег, – сказал Арнсен. – Немало компаний с радостью купят твоё открытие.

– Мне нужны деньги для того, – сказал О'Брайен, – чтобы купить космический корабль.

Арнсен присвистнул.

– Действительно, нужно много денег. Даже на космическую шлюпку. – Он внезапно прищурился. – А для чего тебе корабль?

– Я собираюсь найти Дейдру, – просто сказал О'Брайен. – Она живет где-то там, – он кивнул на небо. – И я отыщу ее.

– Космос довольно-таки большой, – осторожно заметил Арнсен.

– У меня есть проводник, – О'Брайен достал серый камень. – Он тоже хочет вернуться к ней. Он, знаешь ли, не совсем живой здесь, на Земле. И я мечтаю об этом, Стив. Как ты думаешь, зачем я придумал этот сплав – лучше пластмассы, более прочный, чем бериллиевая сталь, легче алюминия, проводник или диэлектрик в зависимости от соединения... Я, знаешь ли, придумал его не сам.

– Ты сам создал его, – возразил Арнсен.

О’Брайен погладил драгоценный камень.

– Он подсказал мне, Стив. Он живой, это не земная жизнь, но разумная. Я мало что сумел понять. И вот, наконец, создал этот сплав. Я должен был сначала сделать его, чтобы получить много денег и купить космический корабль.

– Но ты не умеешь управлять им. Ты же никогда не летал в космосе.

– Мы найдем пилота.

– Мы?

– Я возьму тебя с собой, – усмехнулся О’Брайен. – Ты не веришь в Дейдру. Но ты увидишь ее, Стив. Этот камень поведет нас. Он хочет вернуться домой, поэтому ответит нас туда.

Арнсен нахмурился и отвернулся, его широкие плечи напряглись от беспричинного гнева. Он уже ненавидел эту несуществующую девушку, созданную воображением О’Брайена. Дейдру! Его кулаки сжались.

Она не существовала. Большие планеты и спутники уже были исследованы. Населенные, на них не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминающего людей. Марсиане с громадными головами – чистый ужас на кривых ножках. Венериане были просто большими амфибиями, живущими еще в феодализме и ведущими между собой нескончаемые войны. Другие же планеты... каллистиане – птицы с полыми костями – больше других напоминали людей, но никакое воображение не помогло бы счесть их красивыми. Но Дейдра была красива. Воображаемая или нет, она была прекрасна, как богиня.

Будь она проклята!

Но ничего не помогало. О’Брайена нельзя было свернуть с его цели. Он запатентовал процесс получения своего сплава, продал его компании, предложившей самую высокую цену, и на вырученные деньги купил легкий космический катер. Затем он нашел пилота, крепкого, жующего табак космонавта с дубленой кожей по имени Текс Гастингс, который делал все, что ему велели, держал рот на замке и не задавал лишних вопросов.

О’Брайен изнывал от нетерпения, пока катер не стартовал с космодрома. Чем ближе он был к достижению цели, тем более росло его волнение. Большую часть времени он держал камень в кулаке. Арнсен заметил, что камень светился все ярче по мере того, как корабль углублялся в космос.

Гастингс бросал на О’Брайена насмешливые взгляды, но делал то, что ему говорили. Однажды он все же доверился Арнсену.

— Мы даже не руководствуемся картами, — сказал он. — Это странно, хотя я и не против. Только так не летают. Ваш друг просто указывает на очередной сектор и говорит: «Летите туда». Странно. — Он почесал щеку, уставившись блеклыми глазами прямо в лицо Арнсену.

— Знаю я все, — кивнул тот. Но это не мое дело, Гастингс. Я тут вместо балласта.

— Понятно. Но если вам понадобится какая-нибудь помощь, можете рассчитывать на меня. Я уже видел раньше космический психоз.

— Космический психоз! — фыркнул Арнсен.

Гастингс не сводил с него глаз.

— Не знаю, может быть, я не прав. Но что-нибудь может и произойти. Мы не на Земле, мистер Арнсен. Земные законы здесь не применимы. А также и логика. Мы на самом краю неизвестного.

— Никогда бы не подумал, что вы суеверны.

— Я и не суеверен. Вот только я много где полетал и много чего видел. Кристалл, который мистер О'Брайен постоянно таскает с собой... я еще никогда не видел ничего подобного. — Он помолчал, но Арнсен ничего не стал объяснять. — Ладно, послушайте, — продолжал космонавт после паузы. — Я видел много чего, летающего по космосу. Станные вещи, чертовски странные. Солнечная система напоминает Саргассово море. Она захватывает всякие обломки из других систем, может, даже из других вселенных, кто знает? Я хорошо изучил одно правило: если вы не можете даже предполагать, каков будет ответ, лучше всего — избегать его.

— А кто-нибудь вообще слышал какие-нибудь истории о подобных драгоценных камнях? — проворчал Арнсен, с замешательством глядя в иллюминатор, где ослепительно сверкали звезды.

Гастингс покачал коротко подстриженной головой.

— Нет. Но однажды я видел обломки корабля на Солнечной стороне Плутона — корабля, построенного не в Солнечной системе. Он был покинут, Бог знает, сколько столетий назад. Неизвестно, откуда он прибыл. Внутри все вообще было сделано не для людей. Разумеется, он прилетел Извне, а это чертовски растяжимое понятие. Вселенная, знаете ли, весьма велика. А теперь о камне... — Он откусил кусок от плитки жевательного табака.

— Так что о камне? — поторопил его Арнсен.

— Он выглядит, как вещь Извне. И ваш друг ведет себя, как ненормальный. Все это может создать проблему. Но может и не создать. Вот что я думаю — я буду держать глаза открытыми, а уши на макушке, и вам советую то же самое.

Арнсен вернулся на камбуз к яичнице-глазунье, сердясь на себя за то, что слушает рассказы Гастингса. Ему было весьма неудобно. На Земле проще было не верить во всякие там неизвестные силы, которыми может обладать серый камень, но здесь было все по-иному. Внутренние районы космоса были отделены всяким летающим мусором от загадочного Извне. Гигантский шаг науки, открывшей врата к межпланетным путешествиям, в каком-то смысле вернул человека в те далекие времена, когда он съезжился в пещере, боясь темноты, скрывающей неизвестные, таинственные джунгли. Космические полеты разрушили давно установленные барьеры. Они открыли двери, которым, быть может, лучше было бы оставаться закрытыми.

А на берега Внешнего Космоса были выброшены странные дрейфующие обломки. Пристальный взгляд Арнсена устремился через иллюминатор к красному шарiku Марса, блестящему Млечному Пути, загадочному темному Угольному Мешку*. Там могло таиться все, что угодно. Например, жизнь, возросшая не только не по земным, но даже и вообще не по трехмерным шаблонам. В космической матке Пространства могло лежать много чего ужасного.

Так они продолжали лететь день за днем, миновав орбиту Марса и погрузившись в дебри Пояса астероидов. Здесь была неизвестная страна, Саргассовое море останков взорвавшейся планеты, существовавшей много эпох назад. И в узких коридорах корабля раздались сигналы тревоги. Нервозность охватила всех троих. Но О'Брайен нашел утешение в сером кристалле. И глаза его сверкали торжеством победы.

– Мы приближаемся, Стив, – заявил он. – Дейдра уже не далеко.

– Проклятая Дейдра, – проворчал Арнсен, но сделал это не вслух.

Корабль продолжал лететь по курсу, указанному О'Брайеном. Гастингс в мрачном молчании лишь качал головой и учил пассажиров пользоваться скафандрами. У некоторых астероидов была даже атмосфера, и становилось все более очевидным, что место их назначения – именно астероид...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Поющие кристаллы

НАКОНЕЦ, ОНИ нашли его – зазубренный, медленно вращающийся камень, невероятно пустынный, точно шлак из печи какого-то солнца. Телескоп не обнаружил и признаков жизни. Еще будучи в жидком состоянии, шар не разлетелся в пространстве

* Угольный Мешок – темная туманность, гигантское скопление пыли, видимое на фоне Млечного Пути поблизости от созвездия Южного Креста (прим. перев.)

благодаря центростремительной силе, расплавленная порода почти мгновенно замерзла в ледяном космосе, образовав остроконечные гигантские скалы и сталактиты. Ни атмосферы, ни воды, ни какой жизни в любой ее форме.

Кристалл, который не выпускал О'Брайен, изменился. Теперь бледный свет настоящим потоком струился из него. Лицо О'Брайена было напряжено от нетерпения.

— Это он. Идите на посадку, Гастингс.

Пилот поморщился, но согнулся над пультом управления. Это была сложная задача, потому что сначала нужно было уравнивать скорость корабля со скоростью вращения астероида, описывая вокруг него сужающуюся спираль. Реактивные двигатели не созданы для подобных маневров. Их стихия — свободный космос, в котором можно нестись с ревом по прямой.

Но корабль все же сел, слегка ударившись о твердую, как железо, поверхность астероида, и Арнсен смотрел через толстый иллюминатор на безжизненную равнину, чувствуя, как внутри его уже все леденеет. Никогда здесь не было жизни. Этот мир, проклятый еще в самом процессе творения, являлся крохотным шариком, навечно осужденным на невыносимую ночь и тишину. Здесь были лишь темнота и свет. Из-за отсутствия атмосферы солнечные лучи делали резкий контраст между светом и тенями. Скалы казались жадными пальцами, словно тянущимися вверх в поисках тепла. Ничего угрожающего не было в их облике. Ужасна была лишь их полная безжизненность.

Астероид явно не предназначался для жизни. Арнсен чувствовал себя здесь незванным гостем.

О'Брайен встретился с ним взглядом и криво усмехнулся.

— Я понимаю, — сказал он. — Не очень-то многообещающее зрелище, не так ли? Но это то самое место.

— Ну, может, так оно и было... несколько миллионов лет назад, — скептически заметил Арнсен. — Но теперь здесь ничего нет.

О'Брайен молча сунул ему в руку кристалл.

И внезапно в Арнсене вспыхнуло какое-то непонятное торжество! Ликование! Оно прокатилось волной по всему его телу, смывая сомнение. Невидимо и неосвязаемо, драгоценный кристалл выражал свой восторг!

Он засветился еще ярче.

— Самое время поесть, — резко сказал Гастингс. — В космосе метаболизм интенсивнее. Мы не можем позволить себе пропускать обед.

— Я выхожу наружу, — помотал головой О'Брайен.

Но Арнсен поддержал пилота.

— Мы уже здесь. Ты можешь подождать еще часок. Я тоже проголодался.

На камбузе они открыли саморазогревающиеся банки и быстренько проглотили горячую еду. Корабль внезапно стал казаться тюрьмой. Даже Гастингса постепенно охватила жажда поскорее узнать, что ждет их снаружи.

— Мы много раз пролетели над астероидом, — с сомнением сказал он. — Здесь нет ничего, мистер О’Брайен. Мы же *видели* это.

Но О’Брайен поспешил обратно в рубку управления.

Скафандры были громоздкими даже при таком небольшом тяготении. Гастинг проверил кислородные баллоны. Утечка была бы фатальной в здешнем безвоздушном мире.

И, НАКОНЕЦ, они вышли из люка. Арнсен почувствовал, как предчувствие неведомого сжало ему сердце. Дыхание в шлеме звучало громко и резко. Автоматически поляризующееся стекло шлема защищало от ослепительных солнечных лучей, но не от зрелища ужасающе безжизненной сцены.

Мир, в котором никогда не было жизни, казался более ужасным, чем Йотунхейм*, где жили Ледяные Великаны. Тяжелые ботинки Арнсена ступали по голой поверхности. Здесь не было ни пыли, ни снега, ни малейших признаков эрозии, поскольку тут никогда не было атмосферы.

Кристалл в руке О’Брайена горел молочный светом, исхудавшее лицо было измучено нетерпением. Глядя на друга, Арнсен почувствовал вдруг ужасный гнев на демона, который поработил такого славного прежде парня.

Но он ничего не мог сделать, только идти за ним следом и ждать. Рука сама собой дотронулась до увесистой дубинки на поясе.

Арнсен смотрел, как постепенно угасает надежда в глазах О’Брайена, и нехотя произнес:

— Мы видим только поверхность, Дуг. А вот внизу...

— Верно, — воскликнул О’Брайен. — Возможно, где-то есть вход в подземелье. Однако, я уже не уверен... Мы могли опоздать на целые тысячелетия, Стив. — Его взгляд снова вонзился в кристалл.

А кристалл торжествующе пульсировал. Из него радостно извергалось бледное пламя. Он был живой, теперь Арнсен в этом не сомневался. Живой и счастливый, что снова оказался дома.

Они опоздали? Но не было ни малейших следов артефактов на этом безжизненном астероиде. Казалось, все однообразие космоса

* Йотунхейм в скандинавской мифологии — один из девяти миров, земля, населённая великанами-ётунами (прим. перев.)

сконцентрировалось в этом мирке без названия, по которому брели три человека.

Наконец, они вернулись в корабль.

Наступила короткая ночь этого крошечного мирка. Исчезла пылающая корона Солнца, на ужасающе черное небо выскочили звезды, больше напоминающие твердые драгоценные камни. Небо засверкало холодными огнями.

Безжизненный, чужой, странный мир на самом краю пропасти Неведомого.

Наконец, они уснули. Повышенный метаболизм требовал восстановления сил.

Несколько часов спустя Арнсен проснулся. Сев на койке, он первым делом подумал о том, что его разбудило. Выспавшимся он себя не чувствовал. И не мог даже сказать, видел ли какие-нибудь сны.

Напротив иллюминатора, на фоне сверкающих звезд, он увидел голову и плечи человека, большие, гротескно искаженные.

Они тут же исчезли, а перед глазами Арнсена все закрутилось в ведьмовской пляске. Синие, желтые, аметистовые цвета, все оттенки спектра и еще много других цветов, не имеющих названия, не существующих в знакомом человеку мире, плясали колдовскую сарабанду там, в безвоздушной темноте за стеклом иллюминатора.

И темнота поглотила Арнсена. Он заснул...

СОЗНАНИЕ ВОЗВРАЩАЛОСЬ медленно. Голова разламывалась, язык казался толстым и распухшим. Несколько секунд он мысленно ругался, пытаясь что-то припомнить.

Сон? Арнсен снова выругался, скинул с себя одеяло и встал с койки.

О'Брайена не было. Текс Гастингс тоже ушел. Два скафандра исчезли со стоек.

Лицо Арнсена скривилось, точно от боли. Теперь он понял, что было не так в его ночном видении. Человек, которого он мельком увидел на фоне иллюминатора, был не внутри корабля, а *снаружи*. Дуг? Или Гастингс? Это не имело значения. Ушли они оба. Он остался один на один с таинственным миром.

Арнсен проглотил сразу чуть ли не горсть таблеток кофеина, чтобы прояснилось в голове, потом снял со стойки скафандр. Уже надев его, он понял, что в иллюминатор льется солнечный свет.

Скоро он был готов, вышел из корабля, залез на него и осмотрелся. Кругом до самого близкого горизонта, были лишь пятна солнца и тени. И ничего иного.

На твердой, как железо, поверхности следов не оставалось. Пришлось искать просто наугад. Он спрыгнул с вершины корабля на

землю — при низком тяготении были доступны еще и не такие подвиги. Затем, стискивая дубинку, направился к самой высокой вершине, видной отсюда.

И ничего не нашел.

Хуже всего было угнетающее его ужасное одиночество. Арнсен слишком уж близко находился к краю Солнечной системы и окружавшей ее таинственной Неизвестности. И был он единственным живым существом в месте, которое и предназначено-то не было для человека. Ужасное однообразие астероида вонзалось в его голову, точно острый нож, пронзая неистовым холодом. В поисках не было никакого облегчения. Далекое Солнце с ясно видимой короной было слишком маленьким отсюда. Кроме него, небо было полно звезд, не мерцающих, как на Земле, а сияющих с дикой яростью, вечных и неустанных. В освещенных солнцем местах его жгло сквозь скафандр, в тени он дрожал от холода.

Но все же, чувствуя лишь тошноту и ненависть, искал то неизвестное, что забрало его Дуга.

Парень был поэтом, мечтателем, дураком, а потому простой жертвой для ужаса, который где-то таился на астероиде.

Исчерпав все силы, Арнсен пошел к кораблю. Воздух в скафандре кончался, а он так и не нашел ни единого следа Дуга или Гастингса. Он машинально шел к кораблю...

Корабль оказался дальше, чем он думал. Наконец, Арнсен увидел его у высокого сталактита, сияющего в солнечном свете, и ускорил шаг. Ну, почему он не подумал взять с собой запасные баллоны с кислородом?

Фиксатор люка скользил под его неуклюжими в толстой перчатке скафандра пальцами. Наконец, люк распахнулся. Арнсен прошел через воздушный шлюз, поднял стекло своего шлема и с наслаждением вдохнул свежий воздух. Кислородные баллоны стояли в специальной стойке рядом. Он сменил баллоны на спине и проглотил еще несколько таблеток кофеина.

Наверное, какой-то инстинкт заставил его обернуться и глянуть в иллюминатор. Снаружи, примерно в четверти мили от корабля, брела, шатаясь, фигура в скафандре...

Сердце Арнсена бешено заколотилось. Одним движением он застегнул скафандр, опустил стекло шлема и выскочил в шлюз. Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем он очутился снаружи и запрыгал, напрягая все силы, к человеку, который упал и беспомощно лежал, ярко освещенный Солнцем. Кто это? Дуг? Гастингс?

ЭТО ОКАЗАЛСЯ О'Брайен, с лицом, посеревшим от усталости и кислородного голодания. На мгновение Арнсону показалось, что

парень мертв. Он сунул одну руку под спину, легко приподнял его и он попытался открыть стекло его шлема, рука заскользила, и тогда он просто вырвал из опустевшего баллона О'Брайена кислородный шланг и соединил со своим запасным баллоном. В скафандр О'Брайена потек живительный воздух.

Ноздри парня дрогнули, и он сделал первый вдох. Арсенен глядя на него, оскалил зубы в безрадостной улыбке. Прекрасно! Щеки О'Брайена порозовели, глаза открылись и уставились на Арнсена.

— Не удалось найти ее, — прошептал он по радиофону. — Дейдру... Я не смог найти ее, Стив.

— Что произошло, Дуг? — спросил Арсенен.

О'Брайен глубоко вздохнул и покачал головой.

— Я проснулся... меня словно что-то толкнуло. Он... — он с трудом расстегнул перчатку скафандра и показал зажатый в руке молочно-белый кристалл. — Он почувствовал, что она близко. И я тоже почувствовал. Я проснулся, подошел к иллюминатору и увидел световые сигналы. И еще там был Гастингс. Я думаю, она позвала его. Он бежал за световыми всполохами... Я как можно быстрее натянул скафандр и тоже побежал. Но Гастингс бежал слишком быстро. Я преследовал, пока не потерял его из виду. Прошли часы. Затем я увидел, что уровень кислорода в баллонах угрожающе низкий. Тогда я попытался вернуться к кораблю... — Он с трудом улыбнулся. — Почему она позвала Гастингса, Стив? Почему не меня?

Арсену показалось, что его обдало холодом.

— Мы улетаем с этого астероида. Немедленно.

— Улетаем без Гастингса?

— Мы... Я поищу его сам. Здесь есть жизнь, злая жизнь. Чрезвычайно опасная.

— Не злая, нет, — тут же принялся спорить О'Брайен. — Она вне зла и добра. Я никуда не полечу, Стив.

— Полетишь. Если придется, я просто свяжу тебя.

Рука О'Брайена в перчатке стиснула молочно-белый кристалл.

— Дейдра! — прошептал он.

И в пустоте над ними появилось свечение.

Не нужно было никакого другого знака. Арсенен запрокинул голову, глядя на это невероятное зрелище.

Дейдра, подумал он. Затем в памяти у него всплыло само собой другое имя.

Цирцея*!

* В поэме «Одиссея» волшебница обратила в свиней спутников Одиссея, а его самого удерживала при себе в течение года. В переносном смысле Цирцея — коварная обольстительница (прим. перев.)

Цирцея из Колхиды, богиня, превращающая мужчин в свиней! Цирцея – богиня, а не человек!

И та, что появилась из сияния наверху, тоже не была человеком. Она выглядела прекрасной девушкой, нагая, плывущая в пустоте, с разметавшимися во все стороны волосами цвета заходящего солнца. Ее тело было совершенной красоты, живое и доброе. Глаза прикрывали длинные ресницы.

Нежным было ее лицо, но одновременно чуждым и совершенно неземным. Прекрасное, но это была не человеческая красота.

И одеянием ее служили кристаллы всех цветов радуги.

Большие кристаллы и маленькие, многогранные драгоценные камни танцевали и мерцали на фоне черного неба и белого тела Цирцеи. Лунно-желтые, янтарно-золотистые, голубые, как море у Капри, зеленые, как покрытые соснами склоны земных гор, яростно-алые и ослепительно-зеленые, как чешуя дракона!

Каким-то дальним кусочком сознания Арнсен понял, что ни одно живое существо не может существовать без защиты на этом ледяном, лишенным воздуха астероиде. Но одновременно он видел, что девушку окружают и тепло, и воздух.

Ее защищали кристаллы. Каким-то неведомым образом он понял это.

О’Брайен принялся биться у него в руках. Он тоже увидел девушку и пытался освободиться, чтобы отправиться к ней. Арнсен изо всех сил удерживал его.

Тогда О’Брайен нанес удар по лицевому стеклу шлема друга. Его бронированная перчатка попала по металлической пластине шлема. Полуоглушенный, Арнсен сделал шаг назад, не отпуская О’Брайена. Тот выскользнул из его ослабевших рук. Арнсен почувствовал, как что-то оказалось в его ладони, и стиснул кулак.

О’Брайен освободился, мгновенно сорвал с плеч Арнсена кислородный баллон, и зашагал к девушке. Она была уже далеко и уплывала...

Арнсен зашатался. В голове запульсировала боль. Слишком поздно он понял, что во время драки заело его воздушный клапан. Неуклюжими пальцами он попытался его исправить – и упал.

Шлем ударился о твердую поверхность астероида. И наступила темнота...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Цирцея бессмертная

Когда Арнсен очнулся, было темно. Кислород поступал в его скафандр – все же, в последний миг перед падением ему удалось исправить клапан. Над головой, на фоне звездного неба, горело увенчанное короной Солнце. А у скалы лежал корабль.

И не было никаких следов О'Брайена.

После этого Арнсена накрыло что-то сродни безумию. Снова ужасное космическое одиночество сдавило его горло. Дуг исчез, как и Гастингс. Где же они?

Арнсен искал их много дней подряд. Измученный, обессиленный, одуревший от стимуляторов, он раз за разом, с перерывами на сон, надевал скафандр и выходил на поиски. День за днем он обыскивал этот крохотный мирок, всматриваясь в залитые солнцем места, шаря наощупь по черным теням, выкрикивая имя О'Брайена попеременно с горькими ругательствами, звеневшими у него в ушах. Время тянулось и тянулось. Ему казалось, что он провел здесь уже вечность. Он уже не помнил те времена, когда не приходилось натягивать опостылевший скафандр и тащиться по астероиду, выискивая металлический блеск скафандров пропавших, или танцующих в черной пустоте огней, окутывавших стройное белое тело...

Но не было ничего.

Кто же она такая? *Кем* она являлась? Не человеком – нет! А кристаллы... что такое они?

Однажды, возвращаясь к кораблю, опустив голову, Арнсен оказался на том месте, где прежде видел девушку. И что-то бросилось ему в глаза на голой поверхности астероида. Жемчужно-яркий драгоценный камень.

Воспоминания молнией пронеслись в голове. Он боролся с О'Брайеном, пытаясь не дать ему уйти, и этот камень сам собой оказался у него в перчатке.

Драгоценный камень. Он пролежал здесь, незамеченный, много оборотов астероида.

Арнсен поднял его и стал всматриваться в молочную глубину. Какой-то импульс кольнул в руку и по ней перетек в голову. Импульс тоски...

Девушка появилась, когда О'Брайен позвал ее.

Может, это сработает снова? Никакой другой надежды все равно уже нет.

Но Арнсен не мог назвать ее Дейдрой. Он крепко стиснул кристалл и мысленно позвал, громко, мощно и повелительно:

– *Цирцея!*

Камень в руке дернулся. В пустоте над Арнсеном засияла радуга сверкающего света. Кристаллы... и окутанная ими девушка!

Она не изменилась. Прекрасная и неземная, висела она в пустоте, а вокруг танцевали, кружились сияющие драгоценные камни, и ресницы все еще скрывали загадочную глубину ее глаз. Арнсен шагнул вперед.

— Где О'Брайен? — резко спросил он. — Будь ты проклята! Где он? Девушка даже не взглянула на него. Тело ее, казалось, начало отступать, сияющие камни закружились еще быстрее.

Арсен пошатнулся. В голове у него, казалось, пылал костер. Он хрипло выкрикнул какое-то ругательство и пошел к девушке.

Однако, она с той же скоростью улетала назад.

Арсен не мог догнать ее. Это было как гоняться за огнями Святого Эльма*. Но он не отрывал горящего взгляда от девушки. Несколько раз Арсен упал. Он знал, что она уводит его от корабля. Но это не имело значения. Ничего не имело значения, если она приведет его к Дугу.

Что она сотворила с ним? Арсен ненавидел ее, ненавидел ее нечеловеческую жестокость, ненавидел ее невероятную красоту. Ее улыбку, блеск окружающих ее кристаллов. Оскалившись, с горящими глазами, Арсен продолжал эту безумную гонку по безжизненной поверхности астероида.

Казалось, миновали часы, когда она вдруг исчезла в черной тени от высокой, обугленной горы. Арсен последовал за ней, полумертвый от усталости, ожидая, что вот-вот налетит на каменную стену. Но впереди была лишь непроницаемо темная пустота. Он почувствовал, что идет уже под уклон. И внезапно сбоку полился свет.

Бледный, теплый, рассеянный свет струился из наклонного прохода в скале. Проход шел куда-то вниз. Впереди Арсен увидел облако танцующих кристаллов, показывающих местонахождение девушки. Он бросился туда.

Он шел все вниз и вниз, а проход не кончался. Потом Арсен свернул за угол — и замер, ослепленный и ошеломленный.

КОГДА ГЛАЗА привыкли к свету, Арсен увидел огненный столб, поднимающийся из пола к потолку открывшейся перед ним пещеры. Но все же это был не огонь. Это было нечто за пределами человеческих знаний. Возможно, чистая энергия, выделенная из самого сердца атома, беззвучно грохочущая и изливающаяся, точно гейзер. И столб этот дрожал. Он дрожал и раскачивался, холодно-белый, блестящий, точно живое существо, сияющее неимоверным блеском.

Стены, пол и потолок пещеры были покрыты корой из драгоценных камней. Кристаллы всех цветов радуги были сцеплены вместе,

* Огни Святого Эльма — электрическое свечение, которое порой окружает высокие, заостренные объекты, при приближении грозы (прим. перев.)

тысячи и тысячи, крошечных и громадных. Они все усталились на Арнсена.

Они были живыми.

Девушка стояла перед Арсеном. Кристаллы жались к ней, влюбленно ласкались. Ресницы так и оставались опущенными, глаза не смотрели на Арнсена. Потом девушка подняла руку.

Арсен почувствовал, как в его стиснутом кулаке бьется что-то живое. Он и забыл о камне, который все это время стискивал в руке. И вот теперь этот молочно-белый камень ожил, он рвался, стараясь освободиться.

Арсен разжал кулак, и камень рванулся к Цирцее. Она подхватила его и бросила в дрожащий столб пламени.

Кристалл исчез в этом сиянии, пламя на мгновение притухло, но тут же вспыхнуло вновь. И извергло камень обратно.

Но больше он не был молочно-белым. Он сверкал фантастическим блеском! Энергия жизни потоком струилась из него, он кружился и танцевал, радостно, от чистого восторга. Он походил на внезапно разбуженного спящего.

Он вращался вокруг Цирцеи и бешено пульсировал, словно опьяненный жизнью.

Девушка без малейших усилий взмыла в воздух, словно здесь не было никакого тяготения, и полетела через пещеру к зияющему в стене устью прохода. Кристаллы, мимо которых она проплывала, оживали и дрожали. Некоторые срывались со стен и присоединялись к ее эскорту.

Она исчезла в проходе. И тут же с Арнсена словно спали держащие его чары. Он бросился за девушкой, но было поздно. Ее уже не было. А в проходе плавали в воздухе только кристаллы, яркие, сверкающие, живые.

Внезапно Арнсена обхватили сильные руки. Перед ним появилось лицо О'Брайена. О'Брайен был уже без скафандра, усталый, измученный, но с искрящимися весельем темными глазами. О'Брайен смеялся.

— Стив! — голос его дрожал. — Значит, ты последовал за мной. Что ж, я рад. Входи, все в порядке.

Силы покинули Арнсена. Он бросил один взгляд на пустой проход и последовал за О'Брайеном по пещере в небольшую комнатку, вырубленную в твердой скале. Там он ощутил, как чьи-то пальцы отстегивают его шлем и снимают скафандр. Опасения внезапно вернулись к нему.

— Кислород...

— Здесь есть воздух. Это чудесное место, Стив!

Да, воздух здесь был. Прохладный, свежий и сладостный, он наполнил легкие Арнсена. Тот огляделся. Небольшая пещерка была пуста, лишь на стенах висели десятки радужных кристаллов.

Они словно настороженно глядели на людей.

О'Брайен протянул руку, схватил один кристалл и сделал какой-то быстрый жест. Кристалл оторвался от стены, сам собой поплыл по воздуху и повис у лица Арнсена. Арсен почувствовал, что губы его омочила вода, и принялся с благодарностью пить, уже неспособный чувствовать даже изумление.

– Теперь тебе нужно поспать, – сказал О'Брайен. – Все в порядке, Стив. Все в порядке, уверяю тебя. Ты все узнаешь, когда проснешься. Времени у нас будет достаточно. И ты увидишь Дейдру.

Арсен попытался сопротивляться.

– Я не буду здесь спать...

Но О'Брайен снова сделал рукой какой-то жест. По воздуху поплыл еще один драгоценный камень. Он был окутан облаком сладкого, усыпляющего запаха. Запах этот забил ноздри Арнсена...

И он уснул.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Раса кристаллов

Когда Арсен проснулся, в помещении ничего не изменилось. О'Брайен сидел рядом, скрестив ноги, и глядел в пустоту. Лицо его стало совсем иным, зрелым и умиротворенным.

Услышав, что Арсен зашевелился, он обернулся.

– Проснулся? Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. По крайней мере, достаточно хорошо, чтобы услышать объяснения, – сказал Арсен, чувствуя, как вспышкой молнии пробуждается его память. – Я чуть с ума не сошел, ища тебя по всему этому проклятому астероиду. А может, я все же сошел с ума?

– Могу себе представить, – хмыкнул О'Брайен. – Я чувствовал то же самое, пока кристаллы все мне не объяснили.

– Кристаллы *что*?

– Они живые, Стив. Возможно, они вообще окончательный продукт развития разума. Совершенные машины. Они могут почти что все. Ты уже видел, как кристалл создал тебе воду. Ну, а теперь взгляни сюда.

Неподалеку в воздухе плавал кристалл. Из него вылетел сноп пламени, красный и яркий. О'Брайен махнул рукой, и кристалл отплыл подальше.

– Они могут преобразовывать материю в энергию, и даже наоборот. Все очень логично, если забыть о бедной земной науке. Вся материя состоит из энергии. Она просто заперта в определенной

матрице. Но внутри атома – основы материи – есть только энергия. И эти кристаллы могут строить из энергии нужные матрицы.

– Не понимаю, – покачал головой Арнсен.

Голос О’Брайена сделался более глубоким и сильным.

– Давным-давно, в иной галактике, за множество световых лет отсюда, существовала цивилизация, намного опередившая в развитии нашу. Дейдра – дочь той расы. Это была могущественная цивилизация. Она миновала уровень нашей культуры и ушла далеко вперед. Она развивалась до тех пор, пока перестала нуждаться в машинах. Вместо них эта раса создала кристаллы-супермашины, кристаллы-суперроботы, с заключенными в них невероятными способностями. Они удовлетворили все потребности расы Дейдры.

– Ну, и что дальше? – спросил Арнсен.

– Этот астероид не принадлежит к нашей Солнечной системе, – продолжал О’Брайен. – Он из иной системы в соседней галактике. Думаю, он залетел сюда совершенно случайно. Я не знаю точно, как он появился здесь. Может, последовал за какой-то блуждающей кометой или планетой, а потом притяжение Солнца оторвало его от них. Не знаю. Но, в итоге, он остался на определенной орбите в нашей Системе. Дейдру это не волновало. Ее разум не походит на наш. Кристаллы создавали ей воздух, еду и воду. И все, что она пожелала.

– И сколько времени это будет продолжаться? – спросил Арнсен.

– Возможно, вечность, – очень тихо ответил О’Брайен. – Я думаю, Дейдра бессмертна. По крайней мере, она – богиня. Помнишь кристалл, который я нашел в метеорите?

– Разумеется, помню.

– Он прибыл отсюда. Это один из слуг Дейдры. Каким-то образом он был потерян и долго летал в одиночестве. И пока он вертелся по орбите вокруг Солнца, на нем скопилась космическая пыль. Так продолжалось, наверное, многие тысячелетия, пока не образовался метеорит с кристаллом внутри. Потом метеорит упал на Землю, я нашел его, освободил от корки, ему захотелось домой, к Дейдре. И он сказал мне об этом. Я воспринял его мысли. Это он привел меня сюда, Стив!..

Арнсен содрогнулся.

– Невероятно. И эта девушка – не человек?

– Ты видел ее глаза?

– Нет...

– Она не человек. Она – богиня.

Тут у Арнсена возникла новая мысль.

– А где Текс Гастингс? – спросил он. – Тоже здесь?

– Я его не видел, – ответил О’Брайен. – Не знаю, где он.

– Понятно. И что ты делал?

– Она привела меня сюда. Кристаллы заботятся обо мне. А Дейдра... – Внезапно он вскочил на ноги. – Она зовет меня. Жди, Стив. Я вернусь.

Арнсен поднял было руку, чтобы задержать его, но не успел. О'Брайен уже скрылся в проходе. Десяток кристаллов последовал за ним.

АРСЕН ТОЖЕ пошел, отказываясь признать даже себе, что ему просто хочется еще раз увидеть эту девушку. Он шел по проходу следом за О'Брайен, пока тот не исчез из виду. Арнсен ускорил шаг, а потом остановился на пороге пещеры, где бил к потолку столб пламени.

Ему показалось вдруг, что столб этот грохочет, но это было не так. Он бил из пола в абсолютной тишине, дрожа и колеблясь от переполнявшей его энергии. Стены покрывали кристаллы. Теперь Арнсен увидел, что некоторые из них были тусклыми, серыми и неподвижными – мертвыми. И таких было множество среди живых камней.

Он снова увидел впереди О'Брайена... и внезапно появилась стоящая спиной к Арнсену Цирцея, с ласкающими ее драгоценными камнями. Она подняла руки, и О'Брайен повернулся к ней.

Арнсен увидел, как на его лице внезапно отразился невероятный голод. Девушка не шевельнулась, но О'Брайен сам ринулся к ней в объятия.

Ее движение было настолько быстрым, что Арнсен не уловил его. Просто внезапно Цирцея оказалась в паре шагов в стороне, и ее тонкие руки толкнули О'Брайена прямо к огненному столбу!

Он потерял равновесие, взмахнул руками, но тут вращающиеся вокруг Цирцеи кристаллы разом сорвались с мест, полностью обнажая ее тело, и ударили О'Брайена в спину, толкая вперед. Арнсен что-то крикнул и рванулся вперед, но было поздно...

О'Брайен упал прямо в огненный столб. И поток пламени поглотил его.

Одновременно с дальней стены пещеры сорвался серый, мертвый камень и ринулся по воздуху к столбу, метнулся в его сияющую сердцевину и исчез.

Столб опал, но тут же снова, пульсируя, взметнулся к потолку пещеры. А из его глубины появился преобразованный драгоценный камень.

Сверкающий, сияющий бесконечными оттенками цветов, он полетел к Цирцее и принялся ласково тереться о нее.

Он был живой!

Арнсен вскрикнул и бросился вперед. И тут Цирцея повернулась к нему лицом. Глаза ее были по-прежнему закрыты, а лицо нечеловечески прекрасно.

Кристалл подтел к Арнсону и сам оказался в его руке. Волна безумного восторга полилась в его сознание.

Это был Дуг... Да, этот кристалл и *был* Дуг! Застывший от ужаса, Арнсен не шевельнулся, в то время, как в него вливались мысли разумного кристалла.

— Этот серый кристалл... — с трудом шевеля языком пробормотал Арнсен и глянул на стену пещеры, где среди ярких живых выделялись тусклые, мертвые кристаллы.

— Машины, Стив, — получил он мысленный ответ. — Еще не включенные роботы. Только одно может служить им питанием — жизненная сила, энергия жизни. Столб пламени делает это при помощи атомарного превращения. Это не земная наука — она развивалась в иной галактике. Там у расы Дейдра были живые люди, способные передавать кристаллам энергию.

— Дуг, она убила тебя...

— Но я не мертв, Стив! Я жив! Я более живой, чем прежде! Здесь все кристаллы были когда-то обычными существами — марсиане, венериане, существа из других звездных систем и галактик, которые посещали этот астероид в его бесконечно долгом полете. Дейдра взяла их к собой. Она и Гастингса взяла. И меня! Теперь мы служим ей...

Камень вырвался из руки Арнсена и ринулся обратно к Цирцее, облетел ее, коснувшись губ, погладив волосы. Множество других кристаллов танцевали вокруг девушки, словно зачарованные, влюбленные.

АРНСЕН ПО-ПРЕЖНЕМУ стоял, чувствуя отвращение и тошноту. Теперь он понял все. Кристаллические машины были слишком сложны чтобы работать сами по себе, если их не питает энергия жизни. Цирцея же забирала разумы живых существ и держала их в плену в телах силикатных роботов.

При этом они не чувствовали негодования и были счастливы служить ей.

— Будь ты проклята! — выплюнул Арнсен и шагнул вперед, сжимая кулаки.

Пальцы его жаждали сомкнуться на хрупкой шее девушки, сломать ее одним резким движением.

Ресницы Цирцеи резко взметнулись вверх, и глаза уставились на него.

Они были черными, как сам космос, с плененными в их глубинах звездами. Совершенно нечеловеческие глаза.

Теперь Арнсен понял, к чему был вопрос О'Брайена, видел ли он глаза Дейдры. Глаза были ее секретом и ее силой. Одного ее человеческого облика было бы недостаточно, чтобы очаровать и поработить существа из сотен миров. Потрясающая душа, неземная, нечеловеческая сила глянула на него из глаз Цирцеи.

Ее глаза были темными окнами, через которые Арнсен увидел Внешний Космос. Он увидел невероятно огромные провалы Ничто, лежащие между звездами, но не убоился их, потому что рядом была богиня-Цирцея.

Она была над Человечеством, вне Человечества. Открылся невероятный провал, лежащий между нею и Человеком, бездна бесчисленных витков эволюции и миллионов световых лет пространства. Но что-то потянулось через этот провал, потянулось и вцепилось в Арнсена, и он потрясенно понял, что это была душевная тоска по Цирцее.

В этом и крылась ее сила. Она могла управлять эмоциями так же, как управляла своими кристаллами, и мощь ее мыслей достигла Арнсена, скрутила его, смяла, лишила здравого рассудка. Лишь внешне она была немного похожа на человека. Арнсен рядом с нею был как животное, и управлять им можно было так же легко, как животным.

Она сияла перед ним, как пламя. И Арнсен забыл О'Брайена, Гастингса, Землю и смысл своей жизни. Он был беспомощной игрушкой во власти Цирцеи.

Потом ее власть ослабла. Цирцея, уверенная в своей победе, могла позволить себе поиграть с пленником, как кошка с мышью.

Разум Арнсена вернулся после долгого дрейфа в межзвездном провале обратно в пещеру с кристаллами и богиней... И Арнсен очнулся.

Не полностью, не окончательно. Теперь никогда уже не бывать ему прежним. Он ощутил рядом с собой столпотворение бесчисленных пленников в кристаллах, которые прошли тем же путем, на который ступил и он сам, они были опьяневшие от эмоций, лишенные имени, пожертвовавшие своей личностью и даже не сознающие чего лишились. Все они были брошены в вечность прихотью этой богини...

Она отвернулась, и сознание вернулось к Арнсену. Она подняла свою прекрасную белую руку, и кристаллы окутали ее, лаская и питая своей энергией. Она даже не заметила, как Арнсен сделал шаг вперед.

Действовал он бессознательно, без единой мысли. Все мысли утонули в океане ее эмоций. Он лишь знал, что должен сделать, и сделал это – машинально, механически, не думая, как и зачем.

Стиснув зубы, Арнсен шагнул вперед и толкнул Цирцею в столб пламени...

С потолка пещеры тут же сорвался серый кристалл. Огненный столб на секунду остановил пульсацию. Кристалл прыгнул в него, а когда вылетел обратно, Арнсен схватил его трясущимися пальцами. Он почувствовал, как рыдания потрясают все его существо. Он крепко держал кристалл, гладил его пальцами, прижимал к губам.

– *Цирцея!* – шептал он, уставившись в пустоту слепыми от слез глазами. – *Цирцея...*

Эпилог

АРНСЕН ДОЛГО МОЛЧАЛ. Через окно я увидел катящийся по полосе стратоплан из Каира. И за ним сияли желтые огни Нью-Йорка.

– Вот так ты и вернулся, – сказал я.

– Да, так я и вернулся, – кивнул он. – Я надел скафандр и вернулся на корабль. Кристаллы даже не пытались остановить меня. Казалось, они чего-то ждали. Даже и не знаю, чего. Я стартовал и направил корабль к Солнцу. К тому времени я уже немного научился управлять им. Долгое время спустя я принялся посылать сигнал SOS, и меня подобрало патрульное судно. Вот и все.

– Дуг...

– Я думаю, он все еще там. Вместе со всеми остальными. Вейл, зачем я это сделал? Прав ли я был?

Не ожидая ответа, он положил коробочку на ладонь, но не стал ее открывать.

– Нет, – продолжал он, – ты не можешь дать мне ответ, да и никто не может. Цирцея вынула у меня душу, я теперь лишь пустая оболочка. Нет мне покоя ни на Земле, ни в космосе. А где-то там, на безжизненном астероиде, ждут кристаллы – ждут возвращения Цирцеи. Но она никогда не вернется. Она останется со мной до самой моей смерти, а затем будет похоронена со мною где-нибудь в космическом пространстве. Видишь ли... Цирцея не нравится здесь, на Земле. Поэтому я собираюсь улететь в космос. Возможно, когда-нибудь я верну ее на тот безымянный астероид, из которого забрал. Не знаю...

По радио прозвучало объявление о начале посадки на стратоплан до Канзаса. Арнсен встал, жалко и криво улыбнулся мне и пошел, не сказав ни слова.

Больше я никогда не видел его.

Думаю, он полетел в космос, подальше от Земли, куда-нибудь за орбиту Плутона, за пределы Солнечной системы, направляя корабль, возможно, в темноту Угольного Мешка. Они оставались вдвоем – человек и кристалл. Человек рано или поздно умрет, но не думаю, что даже после смерти его рука выпустит этот светящийся камень.

А корабль так и будет лететь в черноту, у которой нет даже имени.

The Crystal Circe, (Astonishing, 1942 № 6), пер. Андрей Бурцев

THRILLING DEC.
WONDER
STORIES

15¢

PHALID'S FATE
An Amazing Novelet
By JACK VANCE

EARL
SIMPSON

I AM
Eden
A Complete
Fantastic Novel
By HENRY KUTTNER

THE END
An Astonishing Novelet
By MURRAY LEINSTER

A THRILLING
PUBLICATION

Я – ЭДЕМ

ГЛАВА I. Напуганный голландец

НАД коричневыми водами Паримы дул теплый ветер. Он вбирал в себя сладкий, липкий запах жимолости и заносил его на веранду. Взглянув в лицо голландцу Груту, Фергюсон почувствовал странную тревогу.

Ноздри Грута пошевелились. Толстой рукой, покрытой каплями пота, он поднял стакан. Но на этот раз не стал пить джин залпом. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза и по его рыхлому, крупному телу пробежала дрожь.

– Этот запах там тоже был, – сказал Грут. – Деревья сина-сина – у них большие, страшные шипы... возможно, они были хуже всех. Но *все* цветы смотрели. И пахли.

Фергюсон мрачным взглядом скользнул по бамбуковым панелям в задней части веранды. Ему показалось, что он увидел какое-то движение, и предупреждающе махнул рукой. Все замерло. К счастью, Грут слишком напился, чтобы быть подозрительным, иначе мог бы услышать за панелями тяжелое дыхание.

– Цветы сильно пахнут, – заметил Фергюсон. – Впрочем, ты, наверное, уже привык к запахам Амазонки.

Грут поставил стакан и вытер смуглое лицо.

– Грехи бывают разные, – сказал он. – Да, я уже нарушал заповеди. Но в этот раз все было по-другому. Я боялся всю дорогу, но на обратном пути ощущение стало еще хуже. Доктор проявлял научное рвение, – он смотрел на нее, как на образец. Но, тем не менее, тоже встревожился. А я... я почувствовал, как лес *замер*, когда мы поймали ее.

– Индейцы? – предположил Фергюсон.

Грут презрительно махнул рукой.

– Какие там индейцы! О, нет – это были не коричневые дикари. Их-то я знаю. Они не могут напугать меня так, чтобы я вспотел, а сердце ушло в пятки. Это было похоже на то, как жизнь замирает, когда убиваешь человека. Только в тот раз она не совсем замерла.

Несущий густые ароматы ветерок снова пролетел по веранде, Грут опять содрогнулся. Фергюсон пополнил стакан голландца.

– Спасибо. Послушай, – ты же ученый. Я-то нет. Я просто слоняюсь по Бразилии, путешествуя там и тут. У меня нет образования.

Ferguson raced after the girl and Jacklyn who were running like the wind toward the entrance of the valley

I AM EDEN

By HENRY KUTTNER

In a fabulous Brazilian Valley, Jim Ferguson and Dr. Cairns battle against walking rocks and cannibal plants in their strange quest of a mysterious and fascinating girl goddess!

Но я не суеверный. Говорят, что некоторые участки леса населены призраками – ну, я там был, но ничего такого не увидел. Только индейцы предпочитают молчать об этом месте, они не ходят туда. Хотя двадцать лет назад они спокойно там жили. Внезапно что-то произошло. – Грут нервно заерзал. – Я больше не хочу ни говорить, ни думать об этом. Я боюсь, и у меня чувство, что я должен вернуться и помочь девушке. Этот грех камнем лежит на моей душе. – Он поднялся на ноги. – Пойду в гамак. Больше никакого джина. Мне хватит.

ФЕРГЮСОН МОЛЧАЛ. Грут медленно пошел к лестнице. Затем повернулся.

— Камни дрожали, — сказал он. — Я чувствовал, как земля ползает под ногами. А цветы...

Закусив губу, он умолк, покачал головой, пожал плечами и спустился с веранды. Джим Фергюсон наблюдал, как он уходит к поселку. Он допил джин и нахмурился, отвлеченный всепоглощающим сладким запахом мадресильвы, речной жимолости, растущей вдоль берегов Паримы. Наконец, Фергюсон почесал небритый подбородок.

— Выходи, — окликнул он. — Ты чуть было не спугнул голландца своим шумом, а когда он ушел, ты словно заснул. Боишься, что я пойду на дело без тебя?

Из-за бамбуковых панелей появился Том Пэрри, стройный, жилистый, улыбающийся человек со шрамом на щеке.

— Может быть, — ответил он. — Я никогда не доверяю джентльменам. Такая уж у меня привычка.

— Я польщен, — наполняя стаканджином, сказал Фергюсон. — Где Сэмпсон?

— Тут, — выходя следом за Пэрри, отозвался Сэмпсон.

Сэмпсон был коренастым, смуглым человеком, который мало говорил, но, видимо, все слышал. Он отодвинул кресло и сел, сразу потянувшись к бутылке.

— Ну? — Голубые глаза Пэрри пристально посмотрели на Фергюсона.

Тот ухмыльнулся.

— Что «ну»? Из Грута мы больше ничего не вытянем. Он просто талдычит одно и то же.

Пэрри скорчил гримасу.

— Чего мы тогда ждем?

— Ничего. Можем поплыть вверх по реке, если хочешь.

— Как насчет свинцовых костюмов?

Фергюсон пожал плечами.

— У доктора Кэрнса есть парочка. Он, наверное, знает чего ожидать. Ткань со слоем свинца — это важно. Но теперь нам нельзя мешкать. На то, чтобы добраться до Манаоса и вернуться обратно, уйдут недели, кто-нибудь может начать задавать вопросы. Используем свинцовые костюмы Кэрнса.

— А они защитят нас от радия?

— Да, — ответил Фергюсон и снова ухмыльнулся. — Впрочем, ничем не помогут против других излучений, — в населенном призраками лесу Грута может оказаться какой-нибудь необычный вид радиации.

— В любом случае, радий там точно есть, — коротко сказал Сэмпсон.

– Да, – подтвердил Пэрри. – Если Грут не ответит нас туда, думаю, девушка все же согласится. С чего бы вдруг голландцу бояться... призраков?

– Советь, – сказал Фергюсон. – У всех есть своя ахиллесова пята. Так получилось, что у меня она заключается в другом, но...

– Так вот почему ты торчишь в Бразилии с парочкой таких плохих парней, как мы, вместо того, чтобы стать крупным металлургом в Нью-Йорке, да? – злобно спросил Пэрри.

Но его колкость не достигла своей цели. Фергюсон обратил спокойный, мрачный взгляд на Пэрри.

– Все верно, – согласился Фергюсон. – Вам повезло, что я знаю, как выглядит радий.

– Десять тысяч, – сказал Сэмпсон.

– Мы можем достать десять миллионов, – проворчал Пэрри. – Кроме того, Грут отдал материал на хранение местному священнику. В джунглях это безопаснее, чем банк. Нам лучше и не прикасаться к нему.

Да, это было не опасно. Фергюсон предупредил священника, чтобы тот держал радиоактивную руду в свинцовом ящике. Почему Грут не спустился по реке до Манаоса или Рио заставляло задуматься. Это было почти, подумал Фергюсон, как если бы какой-то невидимый трос все еще привязывал голландца к этой странной, фантастической части леса, где он нашел... то, что нашел.

Фергюсон вздохнул и посмотрел на медленно текущую реку. Где-то там, выше по течению, жил доктор Эндрю Кэрнс, обладатель секрета, который Грут не сумел открыть, потому что голландец пережил шок, нанесший психологическую травму, он перешел через порог неизвестного, и на некоторое время оказался в совершенно чужом мире. Там, где земля ползает под ногами, камни дрожат, а цветы наблюдают.

Никто не мог плотно закрыть дверь в прошлое. Хотя Фергюсон странствовал по Амазонке уже пять лет, без амбиций и без надежды, сейчас к нему отчасти вернулось прежнее любопытство. Радиевые залежи, описанные Грутом, стоят невероятных денег, но богатство стояло в сознании Джима Фергюсона на втором месте, уступая ощущению непостижимой тайны, хранящейся выше по течению. Он просто плыл вперед, подталкиваемый знакомым ветром, который дул к берегам мистической загадки.

А навстречу постоянно дул горячий ветер Бразилии, влажный от тошнотворного запаха цветов.

– Мы возьмем оружие, – внезапно сказал Фергюсон.

ПЭРРИ УДИВЛЕННО уставился на него.

– Возьмем. Но зачем? Начинать волноваться?

– Не знаю, – вновь ощутив грызущую тревогу, разбуженную словами Грута, прошептал Фергюсон. – Всякое может случиться, Пэрри. Всякое. Как видишь, Грут не рассказал нам все, что видел или... чувствовал. Я не психолог, но это понятно даже мне. Часть его разума не *позволила* ему увидеть кое-что из того, что там произошло. И, пока эти вещи не повлияют на него непосредственно, он не будет обращать на них внимания.

Пэрри был озадачен.

– Я не понимаю.

Фергюсон кивнул на голубые затуманенные гряды Серры Пакарануа, закрытой облаками стены за джунглями.

– Если эти горы вдруг встанут, пройдут мимо нас и исчезнут за горизонтом, это будет настолько невероятно, что твой разум не даст тебе признать, что ты только что увидел. Потому что, если действительно поверить в то, что горы ходят, можно сойти с ума. Автоматический защитный механизм подсознания.

– Горы ходят! – презрительно произнес Сэмпсон. – А джин разговаривает.

Тем не менее, в голубых глаза Пэрри появилось слабое, но отчетливое беспокойство.

– Как ты думаешь, что Грут там увидел? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Фергюсон. – Не знаю. Может быть, как ходят горы...

* * *

Пять дней на каноэ, три пешком, и они достигли места назначения, оказавшись у подножия могучих вершин Серры Пакарануа. Грут был с ними. Фергюсон подумал, что подсознание Грута вынудит его вернуться. Теперь Грут говорил редко. Его тяжеловесное лицо заметно похудело, а нервное напряжение сделало раздражительным. Странно, но тот же самый недуг оставил отпечаток и на докторе Эндрю Кэрнсе, и это направило размышления Фергюсона в другое русло.

Кэрнс жил на обломках экспериментальной станции, которая тут когда-то была. Аборигены перестроили ее, и результат оказался даже лучше, чем Фергюсон мог ожидать. Но сейчас над постройкой висело тяжелое молчание, а привычного тихого бормотания индейцев не было слышно. Пэрри тоже почувствовал это и достал пистолет. Сэмпсон упрямо шел впереди, глыбистый, полностью лишенный воображения человек, который не чувствовал напряжения, витавшего в воздухе над поляной. По лицу голландца градом катился пот.

Дверь открылась, на пороге показался высокий, седой человек в рабочих джинсах и майке, с винтовкой в руках. Узнав пришедших, он расслабился, как показалось Фергюсону, но напряженная осматрительность Кэрнса исчезла не до конца.

Он ждал на пороге, пока маленькая группа шагала к нему.

– Доктор Кэрнс, – нерешительно сказал Грут. – Я вернулся... там что-то было...

Они обменялись взглядами.

– Она все еще тут, Ян, – сказал Кэрнс.

– Доктор, у вас не было... проблем?

Кэрнс внимательно посмотрел на Грута и внезапно опустил винтовку так, что дуло стало смотреть в землю.

– Пойдем внутрь, – сказал Кэрнс. – Тут прохладнее. Позови своих друзей, Ян... и представь нас.

Внутри было темно и так прохладно, как и ожидалось. Кэрнс ука- зал на кресла и занялся наполнением стаканов. Фергюсон просле- довал за взглядом Грута и увидел тяжелую дверь с мощным засо- вом и навесным замком, новеньким, совсем недавно повешенным.

– Льда нет, – сказал Кэрнс. – Двадцать лет назад был генератор, но индейцы его давным-давно разобрали. Между прочим, они убе- жали на прошлой неделе, Ян.

– Итак. Ну... это мистер Фергюсон, мистер Пэрри и мистер Сэ- мпсон. Они... они попросили меня показать им дорогу... – Тут Грут запнулся.

В глазах доктора появилось некоторое веселье.

– Кажется, я был слишком щедр. Если бы я не дал тебе тот обра- зец радия... но я чувствовал, что ты заслужил его...

– Вы правы, доктор, – сказал Пэрри. – Вы не подскажите, есть ли еще радий там, где вы достали этот кусок?

– Да, есть. И я не присвоил себе этот участок.

– А почему? – спросил Сэмпсон.

Кэрнс не ответил. Голландец указал волосатым пальцем в сто- рону запертой двери.

– Она там?

– Да, Ян, – кивнул Кэрнс. – Я даю ей снотворное с тех пор, как ты ушел.

– Она? – спросил Фергюсон. – Мне любопытно. Кто такая она?

КЭРНС ПРОТЯНУЛ длинную руку и взял плоский металли- ческий ящичек. Он открыл его, – внутри оказался медицинский на- бор, профессиональный медицинский набор.

– Я рад, что вы пришли, – сказал Кэрнс. – Я толком не спал не- сколько дней. Потому что я не смею позволить ей проснуться.

Он толкнул ящичек Фергюсону, который машинально взял его.

– Убить ее? – спросил Фергюсон, а Пэрри поддакнул ему.

– Я покажу, как использовать шприц... Я давал ей апоморфин, большими дозами.

– Я знаю, как, – сказал Фергюсон.

– Хорошо, – совсем не удивившись, пробормотал Кэрнс. – Наполните шприц вот до сюда... и всякий раз, когда станут видны признаки пробуждения... не дайте ей проснуться. Мне нужно немного поспать.

Внезапно чисто физическое истощение, казалось, высосало жизнь из доктора. Он бессильно плюхнулся в кресло, словно лишь сила воли не давала ему заснуть.

– Доктор? – позвал Грут.

– Позже, – прошептал Кэрнс. – Все расскажу... позже. Только... Ян, не рискуйте зря. Держите ее в отключке. Последний раз... ошибка... Не... – Его голос стих.

Он заснул.

– Это настоящее безумие, – заметил Сэмпсон.

Фергюсон рассматривал бутылочку.

– Он использовал почти весь запас бензедрина, – сказал Фергюсон. – Интересно, сколько он не спал?

– Да какая разница? – сказал Пэрри. – *Мне* интересно, есть ли тут еще радий. Вот!

Он быстро подошел к бессознательно развалившемуся доктору и начал шарить у него по карманам.

– Он не стал бы держать радий при себе, – проворчал Фергюсон.

– Нет, а вот ключ к той комнате – вполне возможно.

– Ключ в замке, – заметил Грут.

Он стоял у двери с замком, пристально глядя на толстую деревянную панель, словно надеясь проникнуть через нее. Когда Пэрри повернул ключ, Фергюсон ожидал, что голландец начнет возражать, но Грут даже не шевелился, хотя по его крупному телу пробежала дрожь.

Пэрри распахнул дверь, перешагнул через порог... и его шаги замерли. А потом он крикнул:

– Что за черт! Сэмпсон... Фергюсон! Сюда!

ГЛАВА II. Побег

ОНИ ВСЕ ворвались в тесную пустую комнатку. Там почти ничего не было. Через грязное окно едва пробивался свет. А на армейской койке лежала девушка, завернутая в старый фланелевый банный халат. Ее изящные запястья и лодыжки цвета слоновой кости были связаны тонкими, но прочными веревками.

Она спала. Крошечные отметины на ее голой руке подсказали Фергюсону, куда входила игла шприца.

Это была не индейская девушка. Ее волосы сияли чистым серебром, но не от возраста, поскольку были шелковистые и гладкие, но с прохладным блеском полированного скрученного металла. Непринужденность ее позы указывала на полное расслабление, даже несмотря на связанные руки и ноги. Ее кожа блестела белым, с едва заметным темным оттенком – как слоновая кость на свету.

– Вы чувствуете это? – шепотом спросил Грут.

– Чувствуем что?

– Что... бы это ни было. Я не знаю! Что-то не так. Она не должна тут находиться. Грех было вытаскивать ее из леса. – Грут тяжело шагнул вперед и уставился на девушку. – Грех, – произнес он. – Земля – это ее мать... мы отняли ее у земли. Просыпайся! – ухватившись большими руками за плечи девушки, внезапно закричал он.

Голландец нежно потряс ее.

– Просыпайся! Ты лежишь, как мертвая, – я не вынесу этого.

Закрытые ресницы задрожали. Все люди в комнате инстинктивно отшатнулись – из-за звука, раздавшегося снаружи. Он был ужасно похож на человеческий крик, но Фергюсону уже приходилось слышать, как рычит *ягуар*.

Что-то врезалось в дверь дома. Раздался скребущий, рвущий звук, а затем снова тот же самый яростный вопль. Быстрым, легким движением Сэмпсон метнулся в соседнюю комнату, – он уже не казался нескладным и неуклюжим. Схватив винтовку Кэрнса, он пропал из поля зрения Фергюсона.

Глаза девушки открылись. Они были насыщенного черного цвета. Зрачки сливались с угольно-черной радужной оболочкой.

Дверь опять содрогнулась, душераздирающий вопль повторился.

– Пэрри! – закричал Сэмпсон. – Приближается еще пара больших кошек!

Выстрел винтовки. Громкий удар в дверь заглушил предсмертный крик ягуара.

– Обычно они себя так не ведут...если их не спровоцировать, – сказал Пэрри.

Он пристально посмотрел на девушку, помешкал, выругался и умчался в другую комнату.

Прекрасная девушка равнодушно ждала. Грут беспомощно сжал кулаки. Фергюсон уставился на него.

– Ян! Ну же. Надо отогнать этих кошек.

Грут схватил Фергюсона за плечо.

– Все без толку. Она лишь позовет еще.

— Ты сошел с ума!

— Я не знаю, что делать, — нерешительно сказал голландец. — Она... она убьет нас всех... это она призывает сюда *ягуаров*.

— Как это возможно?

— Спросите его, — ответил Грут и указал на дверь. — Спросите его. Он знает!

Там стоял доктор Кэрнс с сонными глазами, а в его руке был наполненный шприц. Его зубы оскалились в невеселой улыбке.

— Я заснул не вовремя, — сказал он... и снаружи взвыл ягуар, когда выпалила винтовка Сэмпсона.

Фергюсон молча смотрел. Кэрнс быстро подошел к койке. Девушка не глядела на него, пока он прокалывал складку ее кожи и утапливал иглу в руку цвета слоновой кости.

— Ты убьешь ее! — воскликнул Фергюсон.

— Нет, — ответил Кэрнс. — Не *ее*. Она просто опять заснет. А пока она бодрствует, мы в опасности. Смотри и слушай.

Снова громыхнула винтовка, потом раздался более резкий звук выстрела пистолета. Вопли больших кошек слились в единый, яростный вой. Тяжелое тело ударилось в дверь так, что затрещало дерево.

Через некоторое время крики стихли.

Фергюсон посмотрел на девушку. Угольно-черные глаза закрылись.

— Мы победили зверей! — закричал Пэрри. — Они сматываются отсюда!

— Она заснула, — хрипло сказал Грут.

— Это происходит уже в третий раз, — объяснил Кэрнс.

— Но кто она? — нахмурившись, спросил Фергюсон. — *Что* она?

— Зовите ее Цирцея, — сказал Кэрнс.

Шатаясь, он вышел из комнаты, свалился на койку и снова заснул.

Даже ни разу не пошевелившись, доктор проспал шесть часов подряд. Фергюсон ждал, держа медицинский набор наготове, но ничего не случилось. Однажды ему показалось, что он услышал шум за запертой дверью, и сходил проверить, но девушка лежала все в том же положении. Пэрри и Сэмпсон ненадолго прилегли поспать, а Грут исчез в ночи, бормоча какие-то непонятные фразы.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ, в свежей серой прохладе, Кэрнс с Фергюсоном выпили крепкого кофе и завели разговор. Пэрри и Сэмпсон все еще лежали на койках, но Фергюсон не верил, что они спят.

— Я рад, что вы пришли, — признался Кэрнс. — Один я, наверное, сошел бы с ума с ней. Что насчет травмы, о которой ты говорил?

Фергюсон рассказал свою теорию психической блокировки Грута.

— Да, это возможно. В лесу, действительно, происходит нечто очень странное, мне и самому кажется, что я не помню всего.

— Грут говорил о цветах... и камнях.

— Да, — сказал Кэрнс, — кажется, так. Моя собственная теория...

— Он замялся. — Это сложно объяснить. Более двадцати лет назад группа ученых... приехала сюда... построила эту станцию... чтобы экспериментировать с атомной энергией. У них ничего не получилось, и они вернулись домой. Но один остался, физик по имени Брюс Джеклин. Его жена приехала сюда, чтобы присоединиться к нему. И, через какое-то время, они с несколькими индейцами ушли дальше в лес. Но так и не вернулись.

— Думаешь, Джеклин нашел... чем бы это ни было?

— Нет, — ответил Кэрнс, — думаю, он создал его. Даже сегодня мы мало что знаем об атомной энергии. Длины волн, колебания, кванты — мы можем связать их с радиоактивностью и жизненной энергией. Я считаю, Джеклин наткнулся на что-то, действительно, невероятное. Понятия не имею, что это могло быть... или может быть. Но я видел некоторые результаты. Сила, что создает созвездия, жизнь — или развивает ее — способна творить чудеса. Мистер Фергюсон, вы знаете, что вызывает мутации?

— Ну, это может делать радиация.

— Она воздействует на зародышевую плазму. Но представьте нечто в миллион раз более мощное, активирующая сила, замкнутая в сердце атома, волшебная палочка, создающая мутации не только среди людей, но и... — Доктор замолчал.

— Растений? — тихо спросил Фергюсон.

— Камней, — сказал Кэрнс, его глаза были ясными и одновременно слепыми. — Я не помню... сейчас — но когда-то помнил. Когда-то видел. Сверхраса... но не совсем такая... не знаю. — Его глаза потухли. — Я нашел дневник Джеклина. Он оставил его тут, когда ушел в лес со своей женой. Многого там не говорится. Но кое-что есть. Его жена ждала ребенка.

Фергюсон глянул на запертую дверь.

— Вы думаете?...

— Она не индианка. Я уже даже не уверен, что она человек. Возможно, мутант, самый развитый человек, когда-либо родившийся на Земле. Вы видели, какой властью она обладает над зверями. Думаю, сверхчеловек как раз и должен иметь такую способность.

— Впрочем, она не может управлять людьми.

– Нет. Хотя... может, немного. Весьма незаметно. Не раз я чувствовал почти непреодолимое желание отпустить ее. Частично я накачивал ее снотворным именно из-за этого – я не доверяю себе.

– Нельзя вечно держать ее тут. Кроме того, как насчет законов? Не говоря уже о морали.

Кэрнс насупился.

– Если я сейчас отпущу ее, она больше не вернется. Мы с Грутом сумели поймать ее только потому, что она не ожидала этого. Дважды такое не получится. Фергюсон, я не могу тебе объяснить, какими еще способностями она обладает, – ты просто мне не поверишь. Преступлением было бы отпустить ее.

– Может быть, преступление – держать ее тут.

Кэрнс словно не слышал.

– Если я смогу вернуть ее к цивилизации, увести подальше от лесных друзей и научить английскому, мы смогли бы многое узнать. Я уверен, она весьма умна. Что бы Джеклин не обнаружил, это не должно быть потеряно для мира. Способ искусственных мутаций... новая раса сверхлюдей, возможно... евгеника станет *реальной* наукой. Если вы найдете миллион тонн... нет, если найдете Фонтан Молодости, ведь вы же не захотите, чтобы о нем узнал весь мир?

– Может быть, – ответил Фергюсон. – Вы не помните, что там было?

Доктор потер лоб.

– Я не уверен. Я... а, ну... – Он встал. – Пожалуй, нужно найти Грута. Увидимся позже.

Он ушел.

– Чокнутый, – сказал Сэмпсон.

Фергюсон улыбнулся.

– Думаешь? Вот, выпей кофе. Хватит уже притворяться дрыхнувшим опоссумом. Что ты надеялся подслушать?

Сэмпсон и Пэрри поднялись с коек и взяли чашки с кофе, предложенные Фергюсоном.

– Док образованный человек, также, как и ты, – сказал Пэрри. – Я подумал, тебе он расскажет больше, чем нам, вот и все.

Сэмпсон повертел в руках пистолет.

– Эти ягуары проголодались. Они учуяли еду.

Но Пэрри казался менее уверенным на этот счет.

– Послушай, Фергюсон. Думаешь, в том, что сказал Кэрнс, есть хоть доля правды?

– Откровенно говоря, я не знаю. Он даже не может описать то, что видел. Может быть, нечто настолько невероятное, что подосознание не дает ему вспомнить.

– Думаешь, он знает, что нам нужно?

ФЕРГЮСОН УЛЫБНУЛСЯ и кивнул.

– Разумеется, – сказал он. – Кэрнс не полный дурак. Его просто не интересует радий. Это не его профиль.

– То есть, никаких... проблем не возникнет?

– Не с Кэрнсом. В этом я уверен.

– Как и я, – вернув пистолет в кобуру, сказал Сэмпсон.

Но его рука все же лежала на поясе, когда доктор Кэрнс с побелевшим лицом вбежал в комнату.

Доктор сразу же подбежал к запертой двери и открыл ее. Пэрри обменялся с Фергюсоном озадаченными взглядами. Затем они встали и пошли за Кэрнсом. Сэмпсон остался на месте, внимательно наблюдая за происходящим холодным взглядом.

Кэрнс, наконец, вошел внутрь. Через его плечо Фергюсон увидел койку – пустую – а на одеяле свернулись разрезанные веревки. Окно было открыто.

Силы оставили Кэрнса. Фергюсон увидел, как тот начал падать. Он протянул руки, но доктор все же устоял на ногах, скривив губы.

– Чокнутый голландец! – выдавил Кэрнс.

– Что случилось? – спросил Фергюсон, который и так уже все понял.

– Когда я был снаружи, то заметил, что кто-то открыл окно, – объяснил Кэрнс. – Грут, наверное, сделал это прошлой ночью. Девушка проснулась. – Доктор повернулся. – Если он ушел без защитного костюма, то он труп. Чертов идиот!

Кэрнс вышел в общую комнату. Пэрри придвинулся к Фергюсону.

– Получается, голландец смылся, да? Вместе с девушкой?

– Похоже на то.

– И кто же нас теперь поведет?

Ничего не ответив, Фергюсон пошел за Кэрнсом. Доктор открыл высокий шкаф и стал рассматривать висящие там свертки темной материи.

– Он все-таки взял один костюм. Я не позволю ему сделать это! Величайшее открытие, на пороге которого стоит Человечество... и сентиментальность одного человека может выбросить на ветер такую возможность! Ну, уж нет!

Кэрнс вытащил один из бесформенных плащей и стал сворачивать его в аккуратный сверток.

– Что вы собираетесь делать? – тихо спросил Пэрри.

– Я иду за ним, – резко ответил Кэрнс. – Я верну девушку!

– Лучше возьмите с собой снотворное, – взяв аптечку, порекомендовал Сэмпсон.

— Да, — сказал Пэрри. — И не забудьте, что у Грута есть оружие.

— У меня тоже, — прорычал Кэрнс.

— Не возражаете, если мы пойдем с вами? — спросил Пэрри. — Вам может понадобиться помощь.

Доктор замешкался, в его глазах появилась нерешительность.

— Послушайте, — наконец, сказал он, — можете идти, если хотите. Радия там полно. Мне он не нужен. Меня интересует только девушка. Но это будет опасно. Материала хватит, чтобы сделать костюмы для всех, но радиевые ожоги — не единственная опасность, которая будет подстерегать вас. Вам придется решить, готовы ли вы пойти на такой риск.

Фергюсон взглядом обвел всех находящихся в комнате. На лицах Сэмпсона и Пэрри читалась только жадность и осторожность. Но лицо Кэрнса обвело глубокий страх, прикрытый желанием все исправить. Из всех четверых, только Кэрнс бывал в этих неизведанных землях. Но и он не мог вспомнить все, что видел там.

— Если мы быстро догоним их, Грута будет задерживать девушка, — сказал доктор. — Она еще не скоро восстановится после последнего укола, который я дал ей. Но как только она окончательно проснется, станет сложнее. — Он взял аптечку. — Вы определились?

— Конечно, — ответил Сэмпсон и встал.

Пэрри просто кивнул. Кэрнс посмотрел на Фергюсона.

— А ты?

— Я тоже пойду, — сказал Фергюсон.

Но мышца в уголке его рта продолжала непроизвольно подергиваться.

Пока они собирались, он раздумывал. У него слишком богатое воображение, вот в чем была проблема. Годы бесцельных странствий не полностью заглушили первоначальный энтузиазм, Фергюсон все еще оставался ученым и мечтателем. В безопасной изолированной среде лаборатории мало оставалось места для неизвестного. Могло не доставать части уравнения или какого-нибудь химического элемента, но в лаборатории у вас всегда все под контролем. Здесь же, на мрачной окраине мира, все происходит само по себе, подобно мощным рекам, берущим свое начало на заснеженных вершинах Анд, и текущих через бескрайние джунгли без всякого вмешательства со стороны.

Да, Фергюсон боялся того, что они могли найти. Но любопытство уже не позволяло ему отступить.

Они взяли только легкие полевые рюкзаки. И пошли на север, к высоким голубым вершинам Серры. Но не догнали Яна Грута.

ГЛАВА III. *Мир чудес*

КОГДА ОНИ, наконец, нашли его, он уже был не Яном Грутом. Наступило утро второго дня, Кэрнс становился все более беспокойным, как человек, приближающийся к тому, что его мудрое подсознание не дает ему отчетливо вспомнить.

— Я не уверен, — сказал он наутро после того, как они собрали лагерь и пошли по едва различимой тропинке, идущей через джунгли. — *Думаю*, мы уже почти на месте. Но больше я ничего не могу вспомнить. Мне казалось, что я узнаю дорогу, но все такое размытое. — Он покачал головой.

Сэмпсон лишь упорно шел вперед, а Пэрри окинул доктора холодным, подозрительным взглядом. Здесь, в джунглях, Фергюсон начал понимать своих спутников лучше, чем мог это сделать на станции. Здесь они были простыми искателями приключений, не особо переживающими из-за этики, поскольку этика являлась ненужным багажом в амазонских джунглях. Пэрри обладал хорошим воображением и, следовательно, потенциально был более опасен, Сэмпсон имел непоколебимое прямодушное упорство.

Будь ставки поменьше, Фергюсон, может, принял бы меры предосторожности, но их ждало состояние, которого бы хватило на сотню человек. Он продолжал гадать, достаточно ли тут радия, чтобы наполнить импровизированные, покрытые свинцом контейнеры, сделанные им на скорую руку. Даже если заполнить их только наполовину — этого хватит всем!

К тому же, этот элемент не нужно было извлекать из уранинита. Грут сказал, что радий лежит прямо на камнях целыми пластами. Фантастика — но Фергюсон видел радий, который голландец принес с собой.

В глубине его сознания начало пульсировать возбуждение. С тех пор, как он пустился в приключения, ему впервые представилась реальная возможность разбогатеть. На этот раз удача улыбнется Фергюсону.

Кэрнс как-то спросил его об этом, и Фергюсон нарушил долгое молчание.

— Вы занимались исследованиями, доктор. Когда-то у меня тоже была работа. Но больше ее нет. Меня интересует радий, и ничто не помешает мне добраться до него.

— Ничто? Ты искушаешь судьбу.

— Я узнал, насколько важны деньги, — медленно сказал Фергюсон и стиснул зубы. — Более важны, чем все остальное. Я встречаюсь с дьяволом, если будет нужно. Я собираюсь вернуться в Нью-Йорк и... ну, еще много всего. Но это будет позже.

— Ты же инженер — металлург. Ты должен знать, насколько, на самом деле, неважны такие институты, как экономическая система, Фергюсон.

— Не для меня. Уже нет. Сейчас для меня богатство — это все.

Дальше они шли молча, смотря по сторонам, чувствуя на себе взгляд джунглей. Следящий взгляд. Это было очень странное ощущение. Фергюсон никогда прежде не испытывал его — словно деревья и камни, мимо которых он проходил, обладали почти что разумом, словно все джунгли знали, куда они идут и зачем, и джунглям это не нравилось.

Фергюсон и раньше слышал, как чувствительные люди жалуются на всеобъемлющую, бесчувственную безразличность леса к страданиям людей. Но он никогда не думал, что пойдет через лес, чьи угрозы будут почти осязаемы, по дикой местности, наблюдающей без глаз и прислушивающейся без ушей за теми, кто идет по ее тропам.

Запах дикой жимолости стал очень сильный.

И Кэрнс нашел Грута.

Здоровяк лежал поперек тропинки, наполовину завернутый в удушающие лианы и листья так, что они вполне могли пройти мимо, если бы пронизательный взгляд ученого не заметил под листьями проблеск голубой рубашки голландца.

Они попытались освободить его, хотя по тому, как перекатывалось тело, когда его тащили, уже поняли, что он мертв. Лианы не отпускали его.

— Он связан, — сказал Сэмпсон. — Она скрутила его лианами и ушла.

— Связала лианами? — спросил Кэрнс. — Нет. Смотри.

И он отогнул несколько листьев большой лианы.

Все посмотрели, и Фергюсон тихо присвистнул, а Пэрри, который не верил в подобное, отвернулся и отступил на пару шагов.

Потому что Грута словно раздавил боа-констриктор, одна из самых больших змей Амазонии, которая может не спеша обвиться вокруг человека своими чудовищными кольцами и переломать ему все кости. Но убили Грута все же зеленые кольца лиан. Это можно было сказать наверняка. Как стеблями толщиной с запястья, так и крошечными усиками тоньше травинки, лиана заключила тело в свои смертоносные объятия и сдавливала, сдавливала, пока дыхание не прекратилось, а кости не сломались, и лиана глубоко впилась в тело Грута, убив его...

КЭРНС отпустил руку мертвеца.

— Еще теплая, — заметил он. — Должно быть, это произошло совсем недавно. Не больше часа назад, даже с учетом такой жары.

— Он умер еще до того, как это произошло, — глядя на побагровевшее лицо Грута, медленно проговорил Сэпмсон. — А как иначе?! Как эта штука могла вырасти вокруг него, если... если он был бы жив?

— Надеюсь, этого вы никогда не узнаете, — почти буднично ответил Кэрнс.

Фергюсон взглянул на него.

— Вас это не сильно удивляет. Это часть того, что вы... забыли?

— Может быть. — Кэрнс встал и начал осматривать лес. — Да, может быть.

— А их тут много? Эти штуки... падают с деревьев? Нам нужно знать, где таится опасность!

— Все зависит от того, как близко мы к долине. Не думаю, что нам уже стоит беспокоиться. Такое происходит только рядом с ней. — Губы доктора напряглись, когда он посмотрел вниз. — Бедный сентиментальный дурак! Я говорил, чтобы он не доверял ей.

Пэрри вернулся к телу.

— Смотрите, — внезапно сказал он. — Лиана...

Лиана двигалась. Фергюсон выхватил пистолет чуть ли не раньше, чем лиана тихонько прошуршала в первый раз, так ужасно, словно Грут медленно возвращался к жизни среди колец растения, убившего его.

Но стрелять было не во что. Это шевелилась сама лиана. По тонкому стеблю поднималось скопление зеленых бутонов, медленно, плавно, будто змея. Среди листьев показались и другие бутоны. Люди молча наблюдали.

Один бутон начал раскрываться, обнажив голубую бахрому внутри зеленого шарика. Затем раскрылся еще один бутон, и еще. Лиана расцветала, пока они стояли, не зная бежать или нет. Весь процесс занял не больше десяти минут от первого шороха до последнего раскрывшегося цветка. Лиана лежала и смотрела на них скоплениями голубых цветков с белыми кольцами, словно голубыми глазами. Голубыми глазами Грута...

Фергюсон почувствовал, как по ребрам стекает пот. У него было неприятное, нелогичное ощущение, что если глаза Грута были бы коричневыми, то эти цветы тоже бы имели коричневую середину.

— Мерзость! — воскликнул Пэрри.

Он пнул по корню растения. Листья увернулись от его тяжелых ботинок, а несколько усиков начали распрямляться и слепо ощупывать воздух, как антенны.

Shrieking like a lost soul, Perry leunched himself at the dread flow on the wall of crystal

Фергюсон нашел то место, где коричневое растение уходило под землю. Он грубо оттолкнул Пэрри в сторону и двумя ударами мачете разрубил корень. Лиана извивалась, как змея под острым лезвием. А отрезанная, ослабела практически моментально. Листья свернулись, голубые цветы медленно закрылись. Глядя, как эти не-

объяснимо знакомые глаза навечно закрываются, Фергюсон смутно почувствовал, что это он, а не лиана, убил Грута.

Они закопали голландца рядом с тропой.

— Вы все еще хотите идти дальше? — спросил затем Кэрнс.

Они сказали, что да, и продолжали пробираться через джунгли. Люди, жадные до богатства, могут быть очень упрямы...

— Вот они, — остановившись у входа в маленькую долину и придерживая раскачивающуюся ветвь, загораживающую обзор, сказал Кэрнс на третий день. — Вот ворота. За ними ваш радий и моя... моя девушка.

В его голосе звучали ненависть и страх.

Они спустились по узкой расщелине и медленно пошли по травянистому склону, не зная, чего ожидать. Змееподобных лиан, падающих с деревьев? Рычащих ягуаров, выпрыгивающих из леса? Других неизведанных угроз, таящихся сразу за входом?

Тем не менее, ничего такого не произошло. Низкая линия холмов стала началом, оставив арочный вход во внутреннюю часть долины. Через короткий туннель виднелась зелень и солнечный свет.

— Долина Джеклина? — спросил Фергюсон.

Кэрнс кивнул.

— Да. Это я помню. Здесь все так, как и было. Джеклин с женой обнаружили это место и установили станцию неподалеку. Тогда тут были дикие джунгли. Как и сейчас... с некоторыми изменениями. — Доктор нервно поежился. — Нет, все-таки я мало что помню. Но я должен идти дальше. Если кто-нибудь из вас хочет передумать, сейчас самое время.

Кэрнс не стал дожидаться ответа. Он поправил рюкзак на плечах и зашагал вперед с почти сомнамбулической прямоотой. Фергюсон держался рядом, хотя его желудок крутило от нервного ожидания, а кожа сделалась ненормально чувствительной, словно пытаясь со всех сторон вырастить зрительные клетки. Но человек может иметь тысячу глаз и, тем не менее, не быть в полной безопасности.

ШИРОКАЯ, ХОРОШО заметная тропа вела из пещерного прохода через зеленые деревья к стоящему вдалеке домику, частично скрытому листвой. Долина, видневшаяся с другой стороны туннеля, плавно уходила вниз и затем, образуя гигантскую чашу, поднималась к дальней линии холмов, окатывая их прибоем джунглей. Кроме дорожки и домика, признаков человеческого присутствия нигде больше не было. Но сама долина выглядела странно. Фергюсон поморгал. Что-то казалось неправильным. Он присмотрелся. Ветра не было, но джунгли шевелились, едва заметно, волнообраз-

ными движениями, которые даже легкий бриз не мог бы полностью объяснить.

К тому же, из этого леса доносились звуки, звуки, которые Фергюсон никогда раньше не слышал.

Тонкие, приятные, звенящие голоса, тихое бормотание, которое казалось мелодией. И один раз раздался глубокий, резонирующий, гулкий звук, прокатившийся через джунгли так, что задрожала под ногами земля. Это мог быть рев ягуара, но казалось, словно сама планета заговорила гулким голосом, отзвуки которого проходили через все пустоты под землей.

– Что это? – резко спросил Пэрри.

– Эхо, – сказал Фергюсон, когда Кэрнс не ответил. – Может быть, большая кошка.

– Ты с ума сошел, – возразил Пэрри. – Я знаю, как рычит ягуар. И это не он.

Фергюсон пожал плечами. Кэрнс поднял руку, куда-то указывая.

– Вот там стояли мы с Грутом, – сказал он. – Теперь я вспомнил. Это тропа, по которой мы шли, когда нашли... ее. Джеклин построил этот дом и тропу. Он и его индейцы, много лет назад. Она, наверное, ждет нас.

– Откуда она знает, что мы идем за ней? – вглядываясь в отдаленно стоящий дом, спросил Фергюсон.

– Откуда ты знаешь, когда ударяешься обо что-то ногой? – проворчал Кэрнс. – Долина... девушка – ее часть. Я помню! – Его голос изменился. – Она может призывать зверей откуда угодно. Ближе к этому месту – здесь – она может разговаривать с деревьями и лианами. А в долине...

Доктор бросил на Фергюсона странный, слепой взгляд и пошел по дорожке, не закончив предложение.

Фергюсон последовал за ним, размышляя о мутациях. Ученый Джеклин, работая с силами слишком огромными, чтобы их можно было удержать под контролем, высвободил неизвестное излучение, которое, наверное, пронизало джунгли, как тепловые волны, ударяясь в окружающие холмы и отражаясь обратно, пока вся долина не пропиталась силой, способной свести зародышевую плазму с протопанных временем путей и создать... что? Что угодно. Все, что угодно. Разумные лианы... или... или растения-животные!

Что стало с Джеклином, его женой и индейцами? Жесткое излучение способно убивать. Может, ребенок, девочка, выросшая в середине пылающего котла неуловимых волн, стала единственным выжившим человеком? И, если это правда, какие невероятные изменения произошли с ней благодаря этим силам? Не только с виду

— ее волосы, глаза и кожа цвета слоновой кости были весьма странными — но внутри, в сознании и Бог знает, где еще?

Небольшое животное прыгнуло с дерева и прошмыгнуло вперед по тропе, странным образом ничего не боясь.

Оно выглядело, как белка, хотя, когда ветер взьерошил его коричневую шубку, под шерстью показалась зеленоватая шкура.

Сэмпсон, который был ближе всего к краю дорожки, выхватил револьвер и мгновенно выстрелил в маленького зверька.

— Свежее мясо, — коротко сказал он.

Пуля попала зеленоватому существу в верхнюю часть тела. По инерции оно перелетело через голову и прокатилось по тропе.

Затем — глаза Фергюсона выкатились — животное поднялось, тряхнуло хвостом и побежало дальше, не обращая никакого внимания на людей, оставшихся позади. Ошарашенные, они остановились и увидели, как создание бросилось на лиану, кольцами идущую через дорогу. Сверкнули острые зубки. Зверек прогрыз верхний слой лианы, и брызнул густой молочный сок. Белка стала жадно пить.

Лиана судорожно изогнулась, и из маскирующего подлеска вырвалось толстое кольцо, схватившее белку зеленой, змеиной хваткой. Наступила минута яростной драки. Когда она закончилась, лиана лежала ленивыми, победными кольцами вокруг животного, а ветка с цветками в форме чашек ползла вперед, чтобы присосаться к пушистому телу.

Люди осторожно подошли ближе. Лиана немного пошевелилась, но на этом все кончилось. Сверкнуло machete. Фергюсон нагнулся. По его позвоночнику пробежала дрожь, но он заставил себя дотронуться до шкуры зверька.

И отпрыгнул, ловя ртом воздух. Разумеется, это было невозможно!

Пэрри уставился на него.

— В чем дело?

— Трава, — нервно сказал Фергюсон. — Клянусь, это трава — не мех.

КЭРНС НЕВЕСЕЛО рассмеялся.

— Я вспомнил, — сказал он. — Видите хвост существа? Это тоже не мех, а папоротник. Или выглядит и наощупь такой же, как большой пучок папоротника, каким-то образом адаптировавшийся к такому существованию. Во всяком случае, это не белка. Даже не животное. Это словно перекасти-поле, эволюционировавшее через несколько миллионов лет. Растение, питающееся соком других растений... когда ему везет. Неудивительно, что пуля ничего ему не сделала! У него нет нервной системы. Бог знает, как оно вообще устроено.

– Давайте, пойдем к домику, – мрачно предложил Фергюсон.

Окруженное деревьями строение в конце пути казалось очень тихим. Домик был каменный, как они увидели, когда подошли ближе. Столбы из белого камня поддерживали крошечный портик, а стены представляли собой мощные каменные плиты. Самым странным во внешнем виде дома были искусные резные листья, усики и цветки, оплетающие столбы и украшающие стены и оконные рамы тонкими каменными узорами.

– Индейская работа? – спросил Пэрри. – Резьба, я имею ввиду?

Кэрнс грубо усмехнулся и что-то пнул.

– Смотри, – сказал он. – Вот еще... резьба!

Его ботинок снова нанес удар земле.

Через тропинку шла длинная гирлянда каменных цветов. Кэрнс потоптался по ней и отпнул расколовшиеся обломки в сторону.

– Оно *растет*, – пробормотал он.

– Растет? – переспросил Фергюсон. – Нет... это же камень.

– Знаю. Камень мутировал в растение, или, может быть, растение в камень. Но оно точно растет. Мы с Грутом...

Он внезапно прервался и стал вглядываться в одну точку. Фергюсон посмотрел туда же и почувствовал в груди удушающую тесноту. На это не было настоящей причины. И это был не совсем страх.

Потому что в двери дома, под аркой каменных цветов стояла девушка и пристально смотрела на них яркими черными глазами.

ГЛАВА IV. Поющие растения

ЕЕ ВЗГЛЯД был удивительно пустым. Она видела их, но на деревьях и тропу она смотрела с такой же безразличной неохотой. И тут, в своем жилище, она... изменилась, едва заметно увеличились ее странности, которое Фергюсон почувствовал с первого взгляда.

Волнистые серебристые волосы превратились на солнечном свете в белый огонь. Поза изменилась, словно ее мышцы могли течь, как вода. Фергюсону пришел на ум ягуар, расхаживающий по клетке, и та же кошка, но уже в естественной среде обитания. Тут определенно было такое же различие, хотя девушка ничуть не походила на кошку.

Легкость – вот качество, которое наблюдал сейчас Фергюсон. Абсолютная, безмятежная самоуверенность, не нарушаемая мелкими невротами, которые атакуют как цивилизованных, так и не цивилизованных людей. Это могло быть выражением лица богини, неуязвимой богини, обладающей мощью самого Юпитера.

Она была не Цирцея – нет. Поскольку эту девушку не заботили люди. Она бы поленилась превращать человека в свинью. Когда эти холодные, спокойные черные глаза встретились со взглядом Фер-

гюсона, он подумал о том, что девушка даже не считает его человеком или даже то, что они, вообще, принадлежат одному виду. Она и не принадлежала к тому же виду, что и он. Ни один человек не может находиться в единении с лесом и самой землей, в уверенном единстве, молча, но отчетливо висевшем в мертвом тихом воздухе.

Это был дом богини.

Кэрнс медленно двинулся вперед, его лицо было таким же белым, как и лицо девушки. Она посмотрела на него так, словно он был похожим на белку существом, быстро бегущим на зеленых, бесчувственных лапках. Девушка неторопливо вышла из двери, ее руки скользнули по дверным косякам, будто погладили оплетенные камнем колонны, и Фергюсон безумно подумал, что дом почувствовал ее прикосновение и ответил.

Она направилась в джунгли. Предупреждающий крик Кэрнса остановил Пэрри, когда тот начал погоню.

– Берегись! Вспомни, что случилось с Грутом.

– К дьяволу девушку, – проворчал Сэмпсон. – Нам нужен радий.

Но Кэрнс уже открывал рюкзак.

– Шприц, – сказал он. – Помоги мне, Фергюсон. На этот раз у меня получится. Я выясню... – Его голос стих.

– Что выясните? – спросил Фергюсон.

– Не знаю. Странно. – Доктор озадаченно посмотрел на Фергюсона. – Я думал, что знал, но теперь, когда я снова тут, мой разум запутался. Я точно что-то забыл. – Его челюсть напряглась. – Но мне нужно вытащить девушку из долины! Во всяком случае, в этом я уверен!

Руки Кэрнса занимались наполнением шприца снотворным. Когда все было готово, девушка уже превратилась в яркое пятно блестящих волос среди деревьев. Но ее все еще было видно. Кэрнс безрассудно побежал за ней, а остальные последовали за доктором, но уже более осторожно. Фергюсон рассердился и встревожился.

Она увидела, что они приближаются, и ненадолго остановилась. Затем тоже побежала, быстро, легко, а деревья сами расступались перед ней.

– Подожди! – закричал Кэрнс. – Подожди!

Она засмеялась тонким, приятным, нечеловеческим смехом, похожим на звук воды, падающей на камни. Но услышав ее смех, лес зашевелился.

Лес... проснулся!

У Фергюсона осталось лишь мелькающее, кошмарное впечатление, что деревья тяжеловесно пытаются преградить ему путь. Широкая полоса земли перед ним медленно и намеренно поднималась, словно жидкая волна, образовав гребень, через который было

невозможно перелезть. Стена, охраняющая девушку. Земля содрогнулась под ногами, будто шкура гигантского зверя, пытающегося стряхнуть их.

Фергюсон упал с бешено колотящимся сердцем, горло пересохло от паники, и он оказался в куче листьев и хлещущих ветвей, царапающих лицо. Он ударился о землю и остался лежать, но лежать спокойно не получалось. Земля тошнотворно раскачивалась.

Через некоторое время все прошло. Лес снова замер. Фергюсон протянул руку и осторожно дотронулся до влажной земли. Потом встал.

Кэрнс стоял невдалеке, а Пэрри и Сэмпсон с бледными и недоверчивыми лицами неуверенно поднимались на ноги. Лес что-то шептал. Он не шевелился, но были слышны тихие звуки, пронзительные, мурлыкающие звуки, вой и рычание среди листьев.

Фергюсон сел на камень и дрожащими пальцами достал сигарету. Пока двойные струйки дыма не вырвались из его ноздрей, он ничего не говорил.

– Землетрясение? – спросил он Кэрнса.

Ученый осматривал шприц, чудесным образом оставшийся неповрежденным.

– Мне нужно найти ее, – тупо сказал он.

– Это было землетрясение? – повторил Фергюсон.

Кэрнс резко развернулся, а его глаза вспыхнули.

– Откуда мне знать? – прорычал он. – Думаешь это просто, быть неспособным вспомнить, какие еще ужасные вещи могут тут произойти, думаешь просто – действовать вслепую? Я дал вам шанс вернуться! Возвращайтесь сейчас, если хотите – все вы!

СЭМПСОН ЧТО-ТО пробормотал.

– Вы уже были тут и смогли отсюда выбраться, – сказал Пэрри. – Я стану держаться за эту соломинку.

Фергюсон посмотрел на сигарету.

– Он выбрался. Да. Но потерял воспоминания. Мы не знаем, что случилось в тот раз.

– Итак, это было землетрясение, – сказал Сэмпсон. – Что насчет радия?

Пэрри встревоженно пошевелился.

– Не знаю. Не знаю. Может быть...

– Вероятно, мы уже не сможем отсюда выбраться, – сказал Фергюсон.

Кэрнс смотрел на лес из-под ладони.

– Я знаю, куда она делась. Она... да, она ушла туда в первый раз. Я помню. У холмов есть пещера. Думаю, Джеклин устроил свою

лабораторию там, под землей. Не знаю, что внутри, но у входа там повсюду радий. Она была... — Доктор замешкался. — ...она была там, когда мы с Грутом пришли сюда.

Фергюсон встал. Возможно, он больше, чем кто-либо другой, чувствовал всю сверхъестественность происходящего. Он знал, что окружающую опасность нельзя было оценить, поскольку она основывалась на неизвестных явлениях. И понимание этого, казалось, укрепило Фергюсона. В одном он был уверен на сто процентов — в холодной мрачной, самоотверженной целеустремленности ученого. По крайней мере, пока оно тоже не подведет его.

— Ладно, — тихо сказал Фергюсон. — Джунгли прекратили бушевать. Может быть, мы сможем добраться до пещеры.

— Да будь там хоть горы радия, — сказал вдруг Пэрри.

— Что?

— Я не пойду. — Голос его надломился. — Даже если там находится весь радий в мире. Я ухожу отсюда. Камни — смотрите!

Пэрри указал на камень, с которого только что встал Фергюсон.

Камень был низкий, серый и круглый, покрытый темно-алыми линиями, опутывавшими его поверхность, как вены. И, пока они смотрели, камень лениво двинулся вбок, освобожденный от веса Фергюсона, а тяжело пульсирующие вены начали темнеть. Камень очень медленно, но дышал.

Сэмпсон схватил Пэрри за руку.

— Радий, — сказал он.

— Я не пойду!

Бесстрастное лицо Сэмсона потемнело.

— Мы держимся вместе. Сейчас нас четверо. И это лучше, чем трое.

— Отпусти мою руку! — прорычал Пэрри.

Сэмпсон не пошевелился.

— Я уже очень долго выполняю твои приказы. И продолжу это делать... если ты успокоишься. Мы идем за радием.

Пэрри вырвался из хватки приятеля.

— Дурак, — резко сказал он. — Ты слишком тупой, чтобы понять, что тут происходит. Землетрясение — ага, как же! Я буду рад выбраться отсюда живым!

— Делайте, что хотите, — сказал Кэрнс. — Я иду за девушкой. — Он отвернулся.

Фергюсон ждал, а Сэмпсон и Пэрри пристально смотрели друг на друга.

Затем Пэрри, опустив плечи, побрел за Кэрнсом.

— А как насчет тебя, Фергюсон? — спросил Сэмпсон. — Тебе тоже что-то пришло на ум?

– Да много чего. Но, думаю, ты мыслишь правильно. Четверо лучше, чем трое. Если будем держаться вместе, у нас будет больше шансов выжить.

– Тогда пойдем.

Они медленно зашагали вперед.

– Думаю, – сказал Кэрнс, пока они осторожно пробирались через рычащие джунгли с сильным сладким запахом дикой жимолости, – что я, возможно, ошибался насчет того, как тут протекают мутации. Вы видели странную смесь животного с растением и растения с камнем. Я считал это случайным развитием, разбушевавшимися мутациями. Теперь я начинаю верить, что это все не просто так. Джеклин, возможно, преследовал какую-то цель в своих действиях. Ответ может находиться в пещерной лаборатории.

Фергюсон что-то проворчал.

– Например, синтез, – продолжал Кэрнс. – Попытка соединить растение, млекопитающее и камень в один организм. Если бы он добился успеха, кто знает, что могло бы получиться.

– Зачем он делал это? – спросил Фергюсон. – Он что, был сумасшедшим? В таких экспериментах нет смысла.

– У меня есть один вариант. Прекращение борьбы между видами. Ты, вообще, понимаешь, что жизнь на планете это непрекращающаяся война: зверя против человека, человека против лесов, растений против самих камней? В этом нет... нет никаких закономерностей. Все происходит случайно. Лавина может снести целую деревню, но ни один человек не способен взорвать гору. Корни расщепляют камни. Но если осуществить синтез, если животное, растительное и минеральное царства будут жить в мире, как ты думаешь, что это будет значить?

– Мир? – саркастически спросил Фергюсон. – Эта белка с папоротниковым хвостом вовсе не раскуривала трубку мира со змей-лианой, которая ее убила. И как насчет Грута?

УЧЕНЫЙ МРАЧНО кивнул. Он понял силу замечания.

– Я не говорю, что эксперимент полностью удался. И... ну, Грут был посторонним, лишним. Но ты заметил, как спокойна девушка? Она *знает*, что ей ничто не может навредить.

– Затишье перед бурей, – неожиданно сказал Пэрри. – Я уже видел такое – временное перемирие. Когда начинается потоп, животные иногда остаются на островах, но они не убивают друг друга. Тапиры, анаконды, дикие свиньи – все в безопасности друг от друга, пока не спадет вода.

– Если она не убьет их раньше, – сказал Кэрнс. – Интересно, вода тут тоже опасна?

— Для нас? — спросил Фергюсон и издал короткий смешок. — Не забывайте, что вы сказали. Мы тут чужие. Лишние ноты в симфонии.

— Стать одним целым с камнями, деревьями и животными — это невозможно! — воскликнул Пэрри. — Это значит пойти против Бога!

Кэрн пожал плечами.

— В целом, это все одно и то же — наборы электрических импульсов. Думаю, правильно было бы экспериментировать с основой — атомной структурой. И, если Джеклин сделал это...

Предложение так и осталось незаконченным. Они продолжали идти, а джунгли смотрели, как они шли, поднимая цветы, словно глаза среди листьев, цветы, поворачивающиеся на стеблях, когда люди проходили мимо.

— Гомотропия, — подумал Фергюсон с кривой ухмылкой. — Или антротропия? Так или иначе, они наблюдают за нами.

Он прислушивался к глубокому, но тихому, почти за порогом чувствительности, рычанию, которое двигалось вместе с ними. Они не видели ничего, что могло бы вызывать такие звуки.

— Мне кажется, она наблюдает за нами, — сказал Кэрнс.

Пэрри подпрыгнул.

— Она убила Грута. Она... она может и нас так же убить, верно?

— Наверное, да, — согласился Кэрнс. — Но мы не можем предугадать ее реакцию. Она не совсем человек. Когда я верну ее в лабораторию, то попробую выяснить это.

— Почему ты рискуешь жизнью, чтобы вытащить ее оттуда, где она родилась? — спросил в лоб Фергюсон.

Ученый резко замедлил шаг.

— Я... знал. Но сейчас уже не уверен. Моя память...

— Ускользает? — быстро спросил Фергюсон.

— Нет. Я бы сказал, что она возвращается.

Крик сзади прервал размышления доктора и Фергюсона. Пэрри вскочил и пристально смотрел на какое-то дерево. Странно, но в его голос было возбуждение, а не страх.

— Посмотрите на это! — позвал он. — Посмотрите на... дерево.

Они медленно и осторожно отошли назад. Пэрри пытался допрыгнуть до ветки над головой. Подняв голову, Фергюсон увидел, до чего хотел дотянуться Пэрри.

На высоком, тонком дереве с бледными ветками висели невероятные фрукты. Они были как огромные скопления яркого света, соединяющегося с солнечными лучами, превращающие их в огонь. Фрукты были драгоценными камнями, большими чистыми самоцветами, дрожащими белым огнем, как алмазы, изумрудные, как зеленые прозрачные занавески, и красные, отражающие свет сердец ослепляющих рубинов.

Пэрри поймал ветку с алмазами и с силой дернул вниз, чтобы оторвать ее. Дерево покачнулось и согнулось, все сверкающее великолепие драгоценных камней ослепительно засверкало, и ветвь с треском сломалась. Скопление фруктов-драгоценных камней осталось в руке Пэрри. Из оторванной ветви вырвался алый, кроваво-красный сок.

Пэрри выронил драгоценности и, ругаясь, отскочил.

— Отойдите! Это кислота!

Они как можно быстрее вытерли лицо и руки от сока. Он еще и пах, как кровь. Пэрри стиснул зубы от боли. Сэмпсон посмотрел на него слегка презрительным взглядом.

— Нам нужен радий, — сказал он. — Алмазы не растут на деревьях. Это приманки. По-другому и быть не должно.

— Кровь обычно тоже не течет внутри деревьев, — сказал Фергюсон. — Так что не знаю.

Он закончил стирать красный сок с кожи Пэрри, заметив, что кое-где остались белые пятнышки, холодные и твердые наощупь.

— Не болит, — посмотрев на свою руку, сказал Пэрри.

— В соке есть кислота, — рискнул предположить Кэрнс. — Обычный рост ткани все исправит. Но лучше прекрати ломать ветки. Что будешь делать со своими... бриллиантами?

Пэрри сердито посмотрел на Сэмпсона.

— Это алмазы.

— Похожи на них. Но я бы не был так уверен.

— Пойдемте, — хрипло сказал Сэмпсон. — Мы теряем время.

Итак, они продолжали идти, а цветов вокруг становилось все больше и больше, пока они приближались к дальней стене долины. Великолепные цветы с толстыми лепестками, похожими на живой бархат, таких форм и размеров, которых никто никогда раньше не видел. Они свисали гирляндами с веток, коврами лежали на земле и огромными светящимися простынями обматывали толстые стволы деревьев, стоящих по обе стороны тропы, по которой шли люди.

Сладкий, надоедливый аромат никуда не делся, но слегка изменился. Почувствовалась горечь, тончайший след запаха, который Фергюсон ощущал небом и горлом. Противный, сладкий запах, слишком сильный, как запах крови.

Бабочки мелькали в зеленом воздухе, летая за облаками запаха. Насекомые или мутировавшие цветы, это невозможно было сказать наверняка.

И как только Фергюсон услышал очень тонкую, сладкую трель из кустов внизу, он опустил взгляд на группу крошечных орхидей, растущих на ветвях, чьи пятнистые шейки пульсировали. Пере-

понка, растянувшаяся между их шеями, и издавала эту пронзительную музыку.

Цветы пели и смотрели на людей, пока те шли дальше.

ГЛАВА V. Человек, который видел слишком много

ПЕЩЕРА ПЕРЕД ними выглядела большим темным овалом в склоне холма. Внутри она казалась темной, но не такой непроницаемой, как ночь. Слабое свечение тускло освещало вход в пещеру и ее стены.

— Радий? — спросил Фергюсон. — Но это опасно!

— Надевайте свинцовые костюмы, — приказал Кэрнс. — Да, это радий. Я уже проверил его и немного дал Груту. Ты видел этот образец.

Они натянули гибкую, импровизированную броню, и, закутанные толстой материей, неуклюже пошли вверх по склону холма к пещере. Все, что они видели, было немного искажено освинцованным стеклом шлемов, но это могло оказаться и не простым оптическим искривлением, заставлявшим шевелиться саму скалу, пока они приближались.

И точно, подумал Фергюсон, земля под ногами чуть-чуть качалась медленными, ритмичными волнами, похожими на дыхание. И хотя здесь не было растений, через камни пробивались крошечные хрустальные цветы, а некоторые узоры из светлого камня, подобные тем, что были у дома Джеклина, оплетали скалы резными листьями и лианами.

У входа в пещеру, безразлично глядя на людей, стояла девушка.

Бледный, сверхъестественный блеск радия подсвечивал ее незащищенную фигурку призрачным сиянием, а волосы светились сами по себе. Когда люди подошли слишком близко, она развернулась и медленно отступила в пещеру.

— Кэрнс, ты прав, — сказал Фергюсон. — Она не человек. Жесткая радиация уже давно бы убила ее, будь она человеком.

Кэрнс не слышал. Он переступил через порог пещеры.

— Кэрнс! — позвал Пэрри. — Подождите! Что там?

— Не знаю, — не повернув головы, ответил Кэрнс. — В тот раз мы не заходили так далеко.

Из темноты перед ними раздалось низкочастотное урчание. Все четверо людей уже слышали этот звук, когда стояли у внешних ворот в долину — низкий рев, который, казалось, выходил из пустот под землей.

Теперь он стал неизмеримо громче, таким громким, что мощный звуковой поток проносился мимо них, как неосязаемая река, почти сбивающая с ног. И это был не животный звук, теперь они

это знали, но не понимали, почему так уверены. Никакое существо не могло издать даже что-то похожее на этот гулкий, вибрирующий, низкий звук.

Он стал ужасным крещендо – нечеловеческим – мощный, раскатистый голос, безмолвно отражающийся от стен долины, пока не заполнил пещеру, долину и все небо. И снова стих, превратившись в шепот и исчезнув совсем, оставив стены пещеры вибрировать даже после того, как опять наступила тишина.

Фергюсон пристально смотрел через искажающее стекло шлема. Лицо Кэрнса напряглось и побледнело.

Фергюсон задал безмолвный вопрос, и Кэрнс ответил на него, наклонив голову в шлеме и продолжив медленно шагать вверх по наклонному полу пещеры. Фергюсон не понимал, какая сила заставляет его неохотно следовать за ученым. Возможно, это было обычное человеческое любопытство, сила, которая уже не раз в человеческой истории сдвигала горы. Он знал, что не сможет просто стоять на пороге того, что, вероятно, окажется величайшей загадкой, когда-либо существовавшей на поверхности Земли и внутри нее.

Так что Фергюсон медленно пошел за Кэрнсом, а Пэрри и Сэмпсон побрели следом, боясь оставаться у вибрирующей пасти пещеры с холодным светом радия, дрожащим вокруг них.

Коридор медленно поднимался в темноту. Фергюсон шел за Кэрнсом, двигаясь между светящимися бледными пятнами, благодаря которым было видно, куда ставить ноги. Если девушка и шла впереди, купаясь в смертоносном излучении, он сейчас не видел ее.

Свет впереди достиг Фергюсона прежде, чем тот сумел заметить его источник. Розоватый свет волнами лился по склону, как чистая вода. Неуклюжая фигура Кэрнса исчезла. Фергюсон свернул за угол и встал вместе с молчащим доктором на краю огромной каменной чаши, потолок которой терялся в ярком свете, а не в темноте. Фергюсон даже не мог глядеть на это ослепительное сияние.

Огромная блестящая стена перед ним изгибалась к нему и вверх, теряясь в сиянии над головой. Она была полупрозрачной, но свет, казалось, исходил из чистого, почти драгоценного камня, а не из какого-то источника за ней. И стена была алмазная. Она обладала безукоризненной прозрачностью, одновременно и темная, и светлая, невероятно сложная структура хрустальных лучей пылающих ослепительным сиянием.

ИЗ ХРУСТАЛЬНОЙ стены, как из скопления листьев и высоких, нераскрывшихся бутонов, рос огромный цветок. Двухметровый живой цветок, из живого хрусталя. Он разинул свое чудовищ-

ное горло, а его самый верхний лепесток свернулся, как верхняя губа смеющегося золотого рта.

Цветок был раскрашен, как тигр, и покрыт словно густым, мягким мехом, а не лепестками. Это и был мех – тигр-цветок, растение и животное, смешавшееся в единое прекрасное красивое, ужасное, удивительно богатых расцветок целое. И, глядя на него, Фергюсон увидел движение в глубине богато разрисованной горловины цветка. Движение... и звук.

По пещере пронеслось тихое эхо раскачивающего землю рева. Как крошечные орхидеи в джунглях певали свои пронзительные песенки, так и этот титан хрустальной пещеры тихо подпевал им бормотанием далекого грома, ревом гигантского тигра, вырывающимся из этого цветка.

Меховые лепестки задрожали. Свет в пещере закачался. А девушка, стоявшая у основания гигантского цвета, содрогнулась всем телом цвета слоновой кости, ее светящиеся волосы заколебались, словно звук был ветром, шевелившим их металлические нити.

И она медленно пошла к цветку.

Цветок знал о ее приближении. Он узнал ее. Цветок опустился на толстой ножке, и самый нижний лепесток коснулся пола. Девушка поставила ногу на образовавшуюся ступеньку.

Лепестки собственнически закрылись вокруг нее, она вошла в середину огромного цветка и на мгновение пропала из виду, когда лепестки тигровой расцветки обхватили ее.

Когда они открылись, она уже лежала в сердце цветка, ее голова покоилась на лепестке, а серебристые волосы ниспадали с него. Черные глаза были закрыты. Вокруг нее изгибалась насмешливая губа самого верхнего лепестка. Она была белой тычинкой в огромной чаше тигровой раскраски. Она и цветок стали единым целым.

Цветок и блестящие алмазные стены тоже. Хрусталь, цветок и дева слились воедино... живя, наблюдая, все понимая!

Через пещеру пронеслось мощное, сотрясающее землю гудение. Когда оно стихло, губы девушки разомкнулись. Ее голос сказал Фергюсону больше, чем любой невообразимый синтез, с которым он тут сталкивался. Поскольку это говорила не только девушка. Ее голос имел неживой, бесстрастный тон, с каким мог говорить цветок с мускусным запахом дикой жимолости, и в нем было что-то более ясное, холодное и пламенное, чем может быть в человеческом или цветочном языке – то, что к триумвирату добавил хрусталь.

Цветок, пылающий хрусталь и женщина, как единое целое, заговорили с урчанием скрытого звериного рева в этом чистом, тихом голосе.

— Мы едины, — сказал голос.
— Мы знаем это. Но все равно поговорим с вами, как никогда прежде не разговаривали с разумными существами. О чем вы нас просите?

— Ни о чем, — сказал Кэрнс невнятным, дрожащим голосом. — Мы уйдем.

Цветок задрожал.

— Вы никуда не уйдете.

— Христа ради, что это, вообще, такое? — вскричал Пэрри.

— Я — Эдем, — ответил голос.

Возникла пауза, и голос повторил свои слова.

— Я — Эдем, — сказал он. — Новый Эдем. И мир еще не знает о нашем существовании. Здесь, в этой долине, берет начало новая раса, следующий шаг навстречу главной цели Земли. Но этот шаг еще не завершен, хотя в нашем тройном уме уже заключена вся мудрость. Ваша раса попытается уничтожить нас, если узнает, что мы существуем.

— Нет, они не станут этого делать! — воскликнул Кэрнс.

— Тогда зачем вы пришли сюда?

Наступило долгое молчание.

Цветок немного сжался вокруг девушки, скрыв ее под бахромой золотых лепестков. Затем открылся снова, обнажив тычинку цвета слоновой кости, которая была его языком.

— Почему вы хотите уничтожить свое собственное творение?

Фергюсон услышал вопрос лишь смутно. Ярчайший свет хрустали почти ослепил его, и ошеломление еще не прошло. Но он почувствовал вдруг недоверие.

- Ваше собственное творение? – повторил цветок.
- Я... я не... создавал тебя, – прошептал Кэрнс.
- Ты что не помнишь? – спросил голос.

ХРУСТАЛЬНАЯ СТЕНА снова вспыхнула. И, когда огонь стих, голос Кэрнса раздался снова, дрожащий, странно изменившийся.

– Я... помню. Да, теперь я все помню. Все. Но я все равно уничтожу тебя. Я знаю, что я наделал. Мир еще не готов. Я сразу уничтожил бы тебя, если бы мог.

– Джеклин! – выдохнул Фергюсон. – Ты... Брюс Джеклин!

Кэрнс кивнул, но не ему, а цветку.

– Да, так меня зовут. Там, снаружи, я все забыл. Я и сейчас все еще многого не помню. Силы, которые я выпустил в долине, были слишком могучи. Я получил психическую травму. Но сейчас... – Его голос окреп. – Да, я создал тебя. Я сделал все, чтобы ты могла существовать. Третий элемент триумвирата – мое собственное дитя. И я уничтожу всех вас.

Тишина. Стена переливалась островками свечения, огромный цветок раскачивался на стебле, и девушка очень плавно качалась вместе с ним, ее волосы тоже следовали движениям цветка. Фергюсон практически прекратил дышать.

Затем цветок чуть шевельнулся, и в его горле просвистело дыхание. Громкое дыхание, очень громкое. Цветок раскачивался в ритм своему голосу, цветок *смеялся*.

После этого Фергюсон уже не мог вспомнить, как они выбежали оттуда, неуклюже пробираясь в тяжелых свинцовых костюмах через смертельное излучение стен, сияющих со всех сторон, и мощные взрывы смех цветка, подталкивающие людей в спину, как порывы ветра.

И только снаружи они остановились, глядя друг на друга, слушая глубокий, нечеловеческий смех, все еще доносившийся из пещеры.

В конце концов, они вернулись к каменному домику, который принадлежал Джеклину. Кэрнс – который и был Джеклином – молчал, только тряс головой, когда Фергюсон попытался достучаться до него. Сэмпсон и Пэрри были слишком поражены увиденным, но разум Фергюсона горел от вопросов. Его древнее, почти утраченное научное рвение вернулось с неожиданной силой, и он на секунду забыл даже о ради, в тревожном нетерпении желая познать все секреты этой затерянной земли. Секреты, которые Кэрнс – нет, Джеклин – должен знать.

«Зачем ты хочешь уничтожить собственное творение?»

Этот нечеловеческий, чужой голос вернулся к Фергюсону, когда тот шел через наполненный запахами лес. Вокруг дышали джунгли,

шевелился непрекращающимися, самопроизвольными движениями, хотя не дуло ни малейшего ветерка. Глаза на цветочных стебелях смотрели на них со всех сторон, уши, которые были камнями и лианами, слышали их слова и, возможно, понимали их. Сказать наверняка было уже невозможно.

Это не казалось таким уж невероятным. Эти глаза являлись просто эволюционировавшими фоточувствительными пятнами ткани, и даже обычные растения могут быть фототропическими – могут реагировать на солнечный свет, лунный и другие излучения. Что касается передвижения, многие растения имеют ограниченную подвижность. Но камни – совершенно другое дело. Здесь были камни, которые двигались!

Подумав о кристаллах, которые строят сами себя неровными, экзотическими формациями для достижения определенных целей, Фергюсон наполнился трепетом.

Скоро наступит ночь. К счастью, было полнолуние. Собирать материал для костра будет сложно, возможно, даже опасно, в лесу, где деревья кровоточат кислотным соком. Но у них были фонарики с зарядными устройствами. Что касается еды, ее хватало на всех, рюкзаки буквально ломились от нее. Даже ручки, питавшие запретную долину могли оказаться... другими.

Так, все еще под давящей ношей безмолвия, они подошли к каменному домику и осторожно остановились на пороге. Фергюсон прикоснулся к пистолету, вглядываясь во мрак впереди.

– Кэрнс... хочу сказать, Джеклин.

Ученый всполошился.

– Да. В чем дело, Фергюсон?

– Внутри может быть что-нибудь опасное?

Джеклин провел рукой по притолоке и резко отдернул ладонь, словно не ожидал найти камень вместо дерева.

– Не знаю. Здесь повсюду опасность. – Джеклин перешел через порог, и Фергюсон пошел за ним, поморгав, когда его глаза привыкли к полумраку внутри.

– Все так же, как было, когда я покинул это место много лет назад, – пробормотал Джеклин.

Тут было спокойствие, тишина и знакомые вещи, словно бурлящая суматоха жизни, сошедшей с ума в долине, не посмела ворваться в каменный домик. Грубо сколоченный стол, тряпичные кресла, разбросанные книги, тарелки и кастрюли. Через дверной проход Фергюсон увидел детскую кроватку, одеяла все еще валялись на полу рядом с ней. И увидел кое-что еще.

С резким вдохом он вошел в комнату и осторожно дотронулся до одеял.

Они были каменные.

Джеклин не пошел за ним. Фергюсон слышал шаги, а также тяжелую поступь Сэмпсона. Фергюсон вернулся. Пэрри все еще стоял на пороге – силуэт на фоне яркого света снаружи.

– Ничего не изменилось, кроме того, что все превратилось в камень, – сказал Джеклин. – Как и тогда, когда я ушел. Посмотрите на это.

Фергюсон подошел. Джеклин указал на открытую библию, лежащую на каменном столе.

– Моей жены, – сказал он. – Когда-то давно она читала ее.

Он попытался перевернуть страницу, но книга тоже стала каменной.

Тем не менее, текст легко читался.

– Небеса откроют его зло, и земля поднимется против него, – еле слышно произнес Джеклин. – Земля поднимется! – прошептал он и сел на кресло, когда-то тряпичное, сейчас каменное. – Так и случилось, Фергюсон. Так и случилось. Я помню...

Голос ученого стих и зазвучал снова, но уже громче.

– Даже Адам не видел то, что видел я. Поскольку Бог создал Адама на шестой день, после того, как создал небесный свод, землю и воду... Но я видел... Создание!

ГЛАВА VI. *Мраморный человек*

КАМЕННЫЕ узоры в виде лиан и барельефы цветов покрывали все стены. Фергюсон подумал, что эти каменные цветы следили за ними. И что-то – возможно, сами стены – подслушивало. Пройдя по толстому ковру, он сел, но Сэмпсон и Пэрри продолжали стоять, глядя на изможденное лицо Джеклина.

– Три... триумвират, там, в пещере, вернул мне память. Я не знаю, как. Он... они... обладают странными силами.

– Вы создали это существо? – дрожащим голосом спросил Пэрри.

– Я никогда его раньше не видел. Но да, я в ответе за него. Я выпустил силы, которые его создали. Здесь, в долине, много лет назад... – Уставший голос стал тише. – Когда мы с Моной только приехали сюда, это было чудесное место. Ничего не предвещало беду. Индейцы заботились о нас, а я занимался экспериментами, и все шло хорошо. Я нашел ключ к тому, чего человек пытался добиться годами – контролируемый распад атома. Здесь был элемент, который не мог существовать больше нигде на Земле, элемент с молекулярной структурой такой большой и простой, что при определенных условиях ее можно было изучать. Я искал основной шаблон, универсальный ключ, и то, что я нашел, оказалось новой си-

лой. Это была энергия, настолько мощная, чтобы проходить сквозь любую материю и усиливать рост энтропии.

– Я не понимаю, – сказал Симпсон, но Джеклин продолжал, не обращая на него внимания.

– Мона ждала ребенка. Я хотел отвезти ее вниз по реке к Манасу, но она не согласилась. Если бы пришлось, я бы отправил ее туда насильно, но ребенок родился до срока. Я ничего не мог сделать, кроме как импровизировать. Все же у меня был диплом врача. Ребенок выжил, и Мона тоже... ненадолго. Но я нашел универсальный ключ. Это место я помню не очень отчетливо. Возможно... триумвират не хотел, чтобы я вспомнил это. Сейчас я бы не смог повторить эксперимент, даже если бы захотел. Достаточно того, что однажды я открыл двери Создания. – Лицо Кэрнса побледнело. – Это было, как пламя, пронесшееся через долину. Невидимое пламя. Я пошел на охоту, когда все случилось. Воздух задрожал. Земля закачалась под ногами. Я... я почувствовал, как первобытная, хищная энергия вырвалась из своего очага, словно Бог наклонился и коснулся пальцем этой проклятой долины. Это и было Создание. Сначала – хаос. Лес задрожал, земля задрожала, и небо тоже задрожало. Я увидел... нечто, у чего нет названия! – Содрогнувшись, ученый прижал ладони к глазам. – Одно я помню. Как Мона бежала ко мне, и земля разверзлась, будто пасть, и... поглотила ее... После этого – тьма. Моя память стерлась. Наверное, я каким-то образом выбрался из долины. И какие-то скрытые воспоминания, глубоко в моем сознании, видимо, привели меня обратно, годы спустя, хотя я не совсем понимаю, почему, и могу объяснить это несколькими способами. Но, после всех этих лет, именно потерянная память снова привела меня сюда. И в течение этих лет моя дочь жила здесь, в Новом Эдеме. Но первичная радиация, которую я выпустил на свободу, повлияла на мою дочь, изменила ее. Я помню, что планировал установить связь между всеми видами материи. Ну так вот, я преуспел. Камень, растение и человек слились воедино, и в пещере вы видели продукт этого невероятного синтеза. Триумвират. Три в одном. Единое целое, состоящее из трех. И из-за этого основного принципа, не только три. А Эдем целиком. Весь Эдем – одно огромное, живое существо, объединенное в единое целое, синтез камня и других видов материи. Земля под ногами – живая. И является такой же важной частью Триумвирата, как и моя дочь. – Джеклин сделал паузу прежде, чем сказал громким, напряженным голосом. – Но это адское *нечто* должно быть уничтожено!

Фергюсон ничего не сказал. Он пристально смотрел на ковер, лежащий на полу. И, внезапно, понял, что это больше не ковер. Что-торосло прямо из каменного пола. Травой оно тоже не являлось.

Это был мех, такой, как может расти на шкуре какого-нибудь огромного хищника.

— Ты с ума, Джеклин сошел, — заявил Пэрри. — Уничтожить это создание? Да оно может убить нас в два счета.

— Мы пришли за радием, — проворчал Сэмпсон. — И сильно сгруппировались, что не взяли его, пока были в пещере.

Фергюсон взглянул на него.

— Я не уверен, что нас получилось бы. Те каменные стены двигались. Они живые. Возможно, они не позволили бы нам копать в них.

Сэмпсон и Пэрри посмотрели на Джеклина, надеясь услышать его мнение.

Но Джеклин все еще был погружен в свои размышления.

— Эдем! Да, это Эдем. Но даже в первом Эдеме был Змей.

— Змей? — переспросил Фергюсон.

— Тот, который уничтожил результат первого эксперимента по созданию Человечества прежде, чем его закончили. Змей — рептилия — создание, чей народ правил миром, возможно, до того, как появился Человек. Сейчас Землей правим мы. Мы — люди. Но до нас, вероятно, был змей. Через две тысячи лет спустя, возможно, возникнет аллегория об *этом* Эдеме, аллегория, которую будет читать уже не человеческая раса, а раса, развивающаяся сейчас в этой долине. Синтез. Триумвират.

— И что?

Джеклин направил задумчивый взгляд на Фергюсона.

— Змей был послан, чтобы проверить первых людей. А мы, возможно, были посланы, чтобы испытать Триумвират. Теперь мы хуже в Эдеме, представители старой расы.

— Что толку от оружия? — спросил Пэрри. — Мы не можем сражаться с этим чудовищем. Оно слишком сильно для нас.

«Змей был самым коварным зверем в природе» — подумал Фергюсон.

Да, Триумвират тоже обладал силой. Но, кроме силы, есть и другое оружие. А в этом Эдеме — чем они хуже Змея?

Люди молчали, пока медленно наступала ночь. Пэрри то и дело ощупывал белые пятна у себя на руке и лице, там, куда попала красная кровь растения. Пятен становилось все больше. Они были твердыми, белыми и холодными, а зоны, где они сливались, совершенно лишились чувствительности.

Наконец, люди заснули, а лес за окном тоже вздрагивал во сне. Их ничего не тревожило, хотя каменные цветы на стенах, возможно, смотрели на них всю ночь, а несколько мотыльков, испускающих запахи роз, периодически влетали в окна. Возможно, подумал Фергю-

сон, огромный цветок в пещере тоже спал, а девушка, как в люльке, качалась в чаше тигровой расцветки. Возможно, даже хрустальная стена спала, в своем смутном сходстве с живыми существами.

Но, когда настало утро, пробуждение принесло страх.

В долине ничего не изменилось. Настал красивый рассвет, полный света и прохладных цветов. Деревья вытягивали ветки, как просыпающиеся растения, а цветы зевали по всему лесу.

Фергюсон проснулся первым. Джеклин дежурил, но сидел ко всем спиной и смотрел в проход. Фергюсон взглянул на спящего Сэмпсона, а затем на Пэрри. Посмотрев в открытые глаза Пэрри, он замер.

Они изменились. Они больше не были темными, а стали ясными, бесцветными и пугающе яркими. Эти глаза встретили взгляд Фергюсона ярким, безразличным взглядом.

— Пэрри! — воскликнул Фергюсон.

От его крика проснулся Сэмпсон, а Джеклин повернул голову. Они тут же увидели перемену. Пэрри встретил их напряженные взгляды без всяких эмоций. Он, кажется, даже не понял, что с ним произошло.

— Он... он побелел, — прошептал Сэмпсон, указывая дрожащей рукой на мраморно-белое, твердое лицо и пестрое тело в тех местах, где порванная рубашка обнажала кожу. — Оно распространяется! Он...

— Даже глаза... как драгоценные камни, — сказал Фергюсон. — Пэрри! Ты нас слышишь?

Пэрри моргнул бесцветным, но ослепительно ярким взглядом. Его лицо было цвета камня, даже брови и ресницы стали белыми, а волосы — сплетением мраморных хребтов, как волосы статуи. Но его лицо осталось поразительно гибким. Он моргал каменными веками, которые вообще не должны были двигаться!

— Конечно, слышу, — сказал он странным, ровным голосом. — В чем дело?

И они услышали, как его каменный язык со стуком касается каменных зубов.

— Ты превратился в камень, — полуистерически прокричал Сэмпсон. — Отойди от меня... не трогай меня! Ты стал каменным!

Пэрри в недоумении посмотрел вниз. Он поднял белые руки и пошевелил негнушимися пальцами, продолжая пристально глядеть. Затем, резким движением, сорвал рубашку, и все увидели мраморное тело, как у хорошо отполированной статуи. Повсюду были пятна человеческой плоти, так же, как вчера виднелись пятна мрамора. И площадь обычной кожи становилась заметно меньше с

каждой секундой, пока неумолимый мрамор продолжал ползти по Пэрри и прорастать сквозь него.

Он поднял алмазный взгляд на других людей, и за ослепительной ясностью его глаз стал полыхать дикий блеск ужаса.

— Это все то дерево! — закричал он. — Дерево с драгоценными камнями! Это все его сок.

— Неудивительно, что цветок смеялся, — тупо сказал Джеклин. — Он знал. Никто не может войти в долину и жить как прежде. Зараза распространяется. И ты первый, Пэрри. Но не последний!

Ученый провел взглядом по всем людям, всматриваясь в лица, и каждый невольно посмотрел на соседа, ища предательские пятна на коже.

— Ничего не трогайте, — сказал Сэмпсон. — Не трогайте Пэрри. Не трогайте никакие ветки и вообще ничего.

— Оно может достать нас из-под земли, — сказал Джеклин. — Так и будет. Так и будет.

— Кто оно? — Пэрри охрип, словно каменный язык начал терять подвижность. — Кто сделал это со мной?

— Думаю, Триумвират, — сказал Фергюсон. — Нечто, которое говорит через огромный цветок. Даже если долина — одно гигантское существо, цветок — его голова.

ПЭРРИ поднялся на ноги.

— Цветок! — сказал он хриплым, ровным голосом. — Цветок сделал это! Превратил меня в камень.

Он развернулся и побежал к выходу, что-то крича голосом, таким же каменным, как и его плоть.

Сэмпсон в ужасе отскочил с пути Пэрри. Но тот исчез уже через секунду, белая фигура в рваной одежде, неуклюже пробирающаяся через джунгли.

— Но если он нападет на цветок... нам надо его остановить! — сказал Джеклин. — Цветок это мозг, он находится в самом центре долины.

— Ладно, — холодно бросил Фергюсон. — Именно поэтому я и сказал Пэрри идти туда. Может быть, мы не способны нанести цветку вред, но Пэрри-то почти каменный. Сомневаюсь, что цветок представляет для него угрозу.

— Ты заставил Пэрри думать, что это цветок сотворил с ним такое, — заметил Сэмпсон.

— Это же правда. Не забывай этого. И Пэрри все равно умирает. Или будет жить вечно в каменном виде. Таким образом, если он убьет цветок, то, возможно, обретет легкую смерть. И, думаю, он хочет этого.

Джеклин уже вышел из домика.

— Цветок — не единственная часть Триумвирата. Еще есть кристалл и моя дочь. Он может ее убить.

Фергюсон забыл об этом. Теперь, даже зная, что девушка уже не человек, он инстинктивно последовал за Джеклином и Сэмпсоном. Прежде чем выбежать из дома, Фергюсон задержался, чтобы взять кое-какое снаряжение.

Они бежали очень быстро. Это был кошмарная погоня через пробуждающиеся джунгли. Белая фигура Пэрри мелькала впереди. Лианы периодически падали с деревьев, чтобы затруднить их продвижение, но Пэрри ничего не досаждало.

— Теперь он часть долины, — пропыхтел Джеклин. — Лес больше не нападает на него.

Они продолжали бежать, ранний солнечный свет пестрел на тропе впереди, а просыпающиеся деревья начинали бормотать нечеловеческими голосами. Но, в конце концов, когда перед ними появилась пасть пещеры, неизменно сияющая смертельным излучением, они успели увидеть мраморную фигуру, исчезающую в недрах горы, как раз, чтобы услышать эхо гулкого крика Пэрри.

Фергюсон схватил Джеклина за плечо и оттащил назад. Ученый дернул плечом, чтобы высвободиться.

— Радий! — крикнул Фергюсон. — Нам нельзя идти туда без...

— Я взял костюмы, — раздался сзади голос Сэмпсона.

Он бросил два свинцовых костюма Фергюсону, и даже Джеклин понял, что войти в пещеру без защиты будет просто самоубийством. Он немного помешкал, но через секунду капюшон уже покрыл его голову, и он снова погнался за Пэрри.

Один костюм остался в руках у Сэмпсона.

— Забудь о нем, — мрачно сказал Фергюсон. — Пэрри он больше не понадобится.

— Ага, — согласился Сэмпсон.

Держа в руке свинцовый ящик, он вошел в пещеру вслед за Фергюсоном.

Они не опоздали.

На сияющем пороге внутренней пещеры они остановились рядом с Джеклином, который пристально смотрел вперед. Огромный цветок тигровой расцветки качался на стебле на уровне середины хрустальной стены. Светловолосая девушка стояла прямо под ним и смотрела, как к ней мчится каменный человек.

— Пэрри! — крикнул Джеклин.

Свет в пещере задрожал. Ноги Пэрри громко стучали по каменному полу, пока он бежал. Цветок наклонил чашу вниз, и из его полосатого горла раздался рев, когда Пэрри слепо ринулся вперед.

Он поднял обе руки вверх, словно собираясь нырять, и прыгнул в зияющую пасть цветка, прямо в чудовищное, режущее горло.

ГЛАВА VII. Эдема больше нет.

ДАЖЕ КОГДА уже все кончилось, Фергюсону казалось, что ему приснился кошмарный сон. Он увидел, как огромные полосатые лепестки закрылись вокруг белого тела Пэрри, как захлопнулась пасть. Фергюсон услышал сдавленный рев, яростно отражающийся от стен. Девушка закричала.

Закрывшийся цветок дико раскачивался на стебле. Крики Пэрри слились с тигриным ревом. Затем понеслись рвущие и чмокающие звуки, потом меховые лепестки внезапно раздулись и разделились. Полилась золотистая кровь. Показались каменные руки Пэрри, разрывающие плоть тигрового цветка.

Рев стал громче, настоящие яростные завывания. Затем под большим цветком что-то пошевелилось, и высокий, закрытый бутон наклонился на листьях и начал медленно разворачиваться. Первый цветок позвал на помощь наследника.

Открывающийся цветок нагнулся к Пэрри. И тут паралич отпустил Фергюсона. Он выхватил револьвер из кобуры и, выстрел за выстрелом, разрядил весь барабан в новый цветок.

Тот ненадолго отпрянул назад. Но уже начал открывался другой бутон.

Голос Пэрри – уже больше не человеческий голос, а гулкий, пустотелый крик камня, – раскатывался громче, чем пронзительные вопли разорванного цветка. И этот крик тоже призывал на помощь.

Он не остался без ответа. Поскольку, как бутоны открывались друг за другом и наклонялись к Пэрри, открыв пасти, звук позади Фергюсона заставил того резко обернуться. Он увидел, как Джеклин отскочил вбок, увидел, как Сэмпсон, крупный и неуклюжий в свинцовой броне, отпрыгнул назад, и в зал влетела рука белого резного камня, движущаяся каменная лиана.

За ней появилась другая, а затем еще одна, огромные извивающиеся руки, вползшие в зал, как змеи. Живые камни Эдема отвечали на призывы, пока плоть, сделанная из камня, кричала каменным лианам, чтобы те помогли ей в борьбе с врагом.

Огромные мраморные руки рванулись вперед. Они были менее гибкими, чем тигровые цветы, но зато обладали тяжестью камня. Одна рука обвилась вокруг гигантского наклонившегося бутона и стиснула открывающиеся лепестки мраморной хваткой, пока другие каменные лианы, извиваясь, скользили к режущим цветам, которые нагнулись, чтобы встретить их.

Так и не отпуская Пэрри, большой, изодранный цветок пронзительно кричал, проливая золотистую кровь. Фергюсон прижался к дрожащей стене, бесполезный пистолет все еще был в руке. Нечеловеческие вопли болью отзывались в ушах. Раненный цветок звал на помощь всю долину джунглей.

И джунгли ответили.

Снаружи пещеры глубокий, ужасный, громоподобный рев пронесся по всему Эдему. В подземный зал ворвались кучи лиан, их цветки-глаза, сидящие на извивающихся усиках, напоминали змеиные. Алые, лазурные, фиолетовые и аметистовые, цветки сердито глазели с кучи зеленых стебельков и белых прутиков, яростно развешивающихся в сражении – цветки кричали более пронзительно, чем огромный раненный цветок, не отпуская каменное тело Пэрри.

Через всю эту суматоху, Джеклин что-то прокричал своей дочери, замершей и неподвижной, чудесным образом нетронутой развязавшейся дракой.

И девушка слышала. Впервые она, казалось, почувствовала человечность внутри себя, услышала человеческим ушами, а не неодушевленными ушами Триумвирата. Она повернула голову, и в ее черных глазах была жизнь, страх и мольба.

Девушка что-то нечленораздельно выкрикнула, но Фергюсон почувствовал изменение в ее голосе. Теперь он стал человеческим, мгновенно освободившимся от бесстрастного правления растения и камня. И она легко побежала к людям через суматоху сражающихся змееподобных организмов.

Джеклин расстегнул свинцовый плащ и завернул в него девушку как можно плотнее.

– Фергюсон, – настойчиво сказал он. – Помогите мне! Мы должны выбраться отсюда! Мы должны вытащить *ее* отсюда!

– Пэрри! – закричал Сэмпсон. – Мы не можем оставить его тут!

Но пока он говорил, огромный цветок тигровой расцветки, в котором все еще боролся Пэрри, поднялся на своей ножке, как змея, готовящаяся к броску. Цветок поколебался, завис... и затем с ревом ударил по хрустальной стене.

Каменные конечности Пэрри разбились о кристалл.

Хрустальная стена закричала!

Длинные извилистые трещины, словно молнии, покрыли сверкающую поверхность. Она начала разрушаться. Кристаллы посыпались сияющим дождем.

На тигровые цветы падали куски алмазной стены.

СТЕНЫ ДРОЖАЛИ, двигались, вдыхали и выдыхали. Фергюсон оторвал замороженный взгляд. Что-то выкрикнув, он толкнул

Джеклина в сторону выхода. Вместе с Сэмпсоном они побежали через жилистые, извивающиеся лианы, которые все еще боролись с отростками бушующего камня.

Затем люди оказались на свету. Пока они бежали, весь холм сотрясаясь мощными, ритмичными вздохами. Спотыкаясь, пошатываясь, они продолжали нестись, слыша за собой крики сражающихся нечеловеческих существ, в которых камень, плоть и листва сцепились друг с другом в приступе ужасной ярости.

Джунгли впереди превратились во что-то непонятное. Тройной мозг совершенно перестал управлять ими, и хрупкий баланс Эдема развалился. То, что не должно было быть живым, разрывалось и рассыпалось в слепом ответе на безрассудные крики Мозга в разрушенной пещере. Разваливающийся Мозг, последние остатки Триумвирата, все еще издавал безумные, алые, яростные мысли, и джунгли бушевали в ответ.

Потеряв Сэмпсона, Фергюсон резко остановился. Он развернулся и увидел, что фигура в свинцовом костюме все еще находится у входа в пещеру, пробираясь через извивающиеся лианы, держа блестящее долото в одной руке, а свинцовый ящик – в другой. Желудок Фергюсона подпрыгнул, когда он увидел, что делает Сэмпсон.

Долото бешено вгрызлось в сияющий радий, покрывающий стену пещеры.

– Сэмпсон! – закричал Фергюсон, а его голос потерялся в вое деревьев Эдема. – Дурак! Не трогай это.

Сэмпсон продолжал работать, не обращая внимания. Возможно, он не замечал, как каменная стена вздрагивает под ударами острого долота. Возможно, он не понимал, что сам камень был живым и... мог чувствовать.

Вход в пещеру задрожал. И... начал закрываться!

В этот момент Сэмпсон увидел опасность. Он выронил долото и побежал, но лианы, по которым он ступал, замедляли его продвижение. Он споткнулся!..

Пасть пещеры захлопнулась с криком раскалывающегося камня.

С тошнотой и головокружением, Фергюсон развернулся и увидел сброшенный Джеклином свинцовый костюм, лежащий на тропе. Он быстро избавился от своего, затем помчался следом за ученым и его дочерью, частично оглушенный воем леса. Повсюду вокруг Фергюсона дышащие камни сражались с живыми лианами. Каменные щупальца проливали густую фиолетовую кровь.

Деревья сомкнули ветви в воздушной драке, вытаскивая друг друга из земли, и корни их кричали.

Одно дерево с коричневой корой оторвало длинную ветку у своего противника, и Фергюсон увидел, что ветка была совсем, как

человеческая рука, он даже увидел белую сломанную кость, торчащую из-под коричневой коры. К нему моментально пришел безумный ответ на вопрос, куда делись индейцы Джеклина.

Фергюсон догнал Джеклина и стал помогать ему тащить задыхающуюся девушку. Земля под спотыкающимися ногами ходила волнами. Скопления цветов вытягивали жадные, чмокающие рты. Но большая часть джунглей потерялась в своем же самоубийственном бешенстве, разрывая себя на части по всей Кричащей долине.

Наконец, люди добрались до расщелины в скале, все в синяках, в рваной одежде, почти бездыханные и кровоточащие, но живые. Узкое ущелье дышало, как и все камни в долине, судорожно и тяжело. Узкий проход то сужался, то вновь расширялся.

Фергюсон взглянул на девушку. Она задыхалась, словно суматоха в Эдеме оказывала влияние и на ее разум.

Голос Фергюсона нельзя было расслышать сквозь шум джунглей и камней, но он указал на расщелину. Джеклин кивнул. Девушка попыталась вырваться. Фергюсон обхватил ее за талию и потащил вперед.

Скалы с обеих сторон стонали. Они сдвигались. Фергюсон почувствовал, как камни коснулись его плеч, пока он протискивался через них последние метры.

Ущелье позади него с грохотом захлопнулось.

Потом снова открылось, камни закричали, и Фергюсон обернулся.

И в последний раз... он увидел Эдем.

Джеклин видел сотворение Эдема, а Фергюсон – его конец.

Земля разверзлась.

В центре Эдема разрастался провал, поглощая лес, кричащие камни и всю эту невероятную землю, где обрела жизнь и смерть новая раса. Пропась охватила всю долину.

И Эдем поглотила сама Земля.

ИЗ БЕЗДНЫ раздался звук катастрофического взрыва, громopodobного грохота, словно от столкновения миров, и к небу взметнулся столб яркого алого пламени.

Ущелье в скале захлопнулось. И больше не открывалось.

Фергюсон шатаясь, прошел еще несколько шагов и увидел Джеклина с девушкой. Она изменилась. Нечеловеческая бледность исчезла с кожи, чуждая темнота оставила ее черные глаза.

– Она человек, – произнес Джеклин. – Фергюсон, она вернулась. Оказывается, радиация изменила ее не так сильно, что она... она не смогла бы восстановиться.

Но Фергюсон смотрел на пылающий, медленно темнеющий на фоне неба столб за каменной преградой. Его губы беззвучно зашевелились.

– И изгнал Он Адама, и поставил на **востоке** у сада **Эдемского** Херувима и пламенный **меч** обращающийся, чтобы охранять **путь** к дереву **жизни**.

(Быт. 3:22-24)

I am Eden, (Thrilling Wonder Stories, 1946 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

15¢

Thrilling WONDER Stories

DEC. 1937

THRILLING

WONDER

STORIES

DEC.

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

ROCKETS
By **WILLY LEY**
World's Foremost Authority

THE MIND MAGNET

A Novelette of
the Stratosphere
By **PAUL ERNST**

A MONTH A MINUTE

A Space-Time Novelette
By **RALPH
MILNE FARLEY**

БЕСКРОВНАЯ ОПАСНОСТЬ

КАРТА мира была занята кровью. В Берлине, Париже, Нью-Йорке и Токио высокие здания лежали в руинах, усеянных трупами. На равнинах Аргентины и Дакоты людей и скот поразила смерть, вызванная грибными спорами, которые дождем летели вниз с боевых аэропланов.

Мировая война! Борьба не на жизнь, а на смерть между белой и желтой расами по всему земному шару.

На востоке командным центром был Токио. Окруженный стенами людей и машин, защищенный таким мощным электронным панцирем, что энергетические ресурсы Востока утекали в него, как вода через прорванную дамбу, в то время как военачальники перемещали булавки на картах, и миллионами гибли люди.

На Западе командный центр располагался в Чикаго. И там, вечером третьего апреля 1988 года, собрался военный совет между Верховным Командованием белой расы и ее величайшими учеными. Встреча состоялась, чтобы решить, как еще использовать научные достижения в военных целях.

Хью Фаррелл, президент Соединенных Штатов и председатель совета, сидел в центре. Над головами слышался гул патрульных стратосферных самолетов. Воздух дрожал из-за энергетической стены, защищающей Чикаго так же, как и Токио.

Но атмосферу заставляла дрожать не только повышенная ионизация. Желтая раса побеждала в войне, и белая знала это. Белая раса была близка к вымиранию.

Фаррелл высказал вслух этот факт.

— Жители Запада, вы слышали, в какой ситуации мы находимся. Нам нужно найти новое оружие, иначе мы погибнем. Поэтому мы спрашиваем ученых, если у них какие-нибудь идеи. Что-нибудь... что может быть использовано в военных целях!

ПОВИСЛО молчание, затем поднялся галдеж, словно ученых охватило военное безумие. Кто-то вскочил на ноги.

— Герр доктор Бруниг, — объявил Фаррелл.

— Предлагаю мою последнюю разработку, — прокричал вскочивший. — Хромированная сталь с такой молекулярной структурой, что ее не сможет пробить ни один снаряд.

Громогласные аплодисменты. Бруниг сел, а два других, чуть менее известных металлурга встали и раскрыли секреты десятилетий тяжелого труда.

Крупный человек с бочкообразной грудью, густой рыжей бородой и ледяными голубыми глазами поднялся со своего места.

– Профессор Райдер Шторм.

– Представляю Верховному Командованию мой, до недавнего времени секретный вирус, также известный, как паралич Райдера, и противоядие против него. Как вы знаете, если распылить тридцатиграммовый флакон вируса в воздухе, на площади в четыре квадратных километра люди превратятся в слабоумных, дрожащих тварей.

Один за другим вставали ученые Запада. Наконец, поднялся француз.

– Я, как вы знаете, ботаник, – объявил он холодным, резким голосом. – Предлагаю использовать мой последний гибрид – ядовитый цветок, который очень быстро укореняется и растет, его семена можно сбросить за вражеские линии обороны. Но мне кажется, что мой вклад должен быть несоизмеримо маленьким в сравнении с тем, что может подарить нам величайший среди нас ботаник – профессор Л. Х. Харт, которая по какой-то необъяснимой причине... – голос француза стал язвительным, – ...решила ничего не говорить.

Воцарилось молчание. Фаррелл долго переводил взгляд с одного лица на другое.

– Профессор Харт, – наконец, сказал он.

Ответа не последовало. Белые губы Фаррела сжались.

– Ее нет? Какой ученый смеет не отвечать, когда речь идет о выживании его расы?

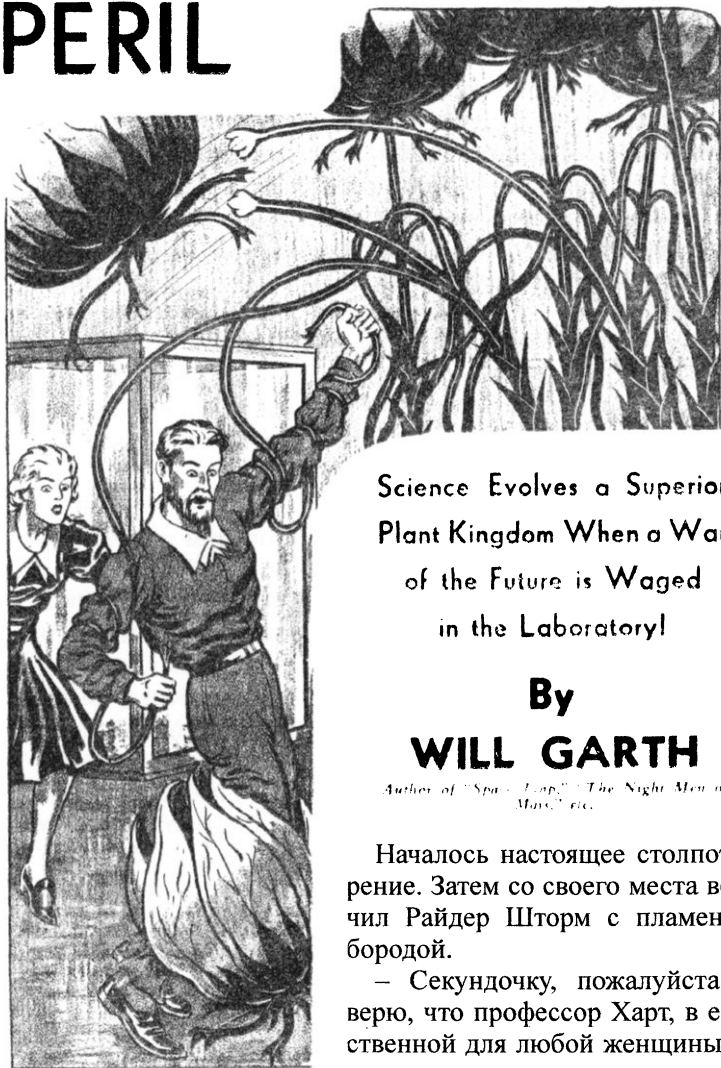
– Профессор Харт здесь, – раздался спокойный, приятный голос. – Но профессор Харт не желает принимать участие в разработке военных планов.

Почти физическое потрясение пошатнуло здание. Глаза всех присутствующих повернулись к человеку, который являлся выдающимся ученым и одновременно красивой женщиной.

Она медленно встала, высокая, стройная, привлекательная даже в простой белой блузке.

– Я приехала сегодня, – сказала она, – надеясь найти таких же, как и я: ученых, отказывающихся использовать свой интеллект для массового убийства. Но не нашла ни одного. Все жаждут войны. Значит, я так и останусь одна. Президент Фаррелл и другие члены Верховного Командования, я отказываюсь предоставлять свои достижения с целью разрушения.

THE BLOODLESS PERIL

Green tentacles coiled around him

Science Evolves a Superior
Plant Kingdom When a War
of the Future is Waged
in the Laboratory!

By
WILL GARTH

Author of "Space Jump," "The Night Men of Mars," etc.

Началось настоящее столпотворение. Затем со своего места вскочил Райдер Шторм с пламенной бородой.

— Секундочку, пожалуйста! Я верю, что профессор Харт, в естественной для любой женщины ненависти к кровопролитию, говорит не совсем то, что хочет сказать...

Тихий голос женщины бесстрастно оборвал речь рыжебородого. — Благодарю вас, профессор Шторм, за защиту. Но мое решение окончательно. Я отказываюсь действовать с позиции насилия. С разрешения президента Фаррелла, я покину заседание.

С девичьей грацией, она спокойно пошла к ближайшему выходу. Ей вслед полетели слова, которые не должен знать ни один ученый, но она не подала виду, что хоть что-то расслышала. Двери закрылись за ней, и десятки человек вскочили на ноги.

– Остановите ее!

– Арестуйте, как вражеского шпиона!

– Заставьте сотрудничать!

– Мы боремся за наши жизни, а она отказывается помогать!

Фаррелл поднялся, и сдержанным жестом восстановил тишину.

– Мы не заставляем женщин, даже величайших ученых, делать то, чего они не хотят. В любом случае, вам бы не удалось ни к чему принудить профессора Харт. Я знаю ее. Даже дыба и огонь не сломят ее волю.

Усталый взгляд президента остановился на ярко сияющих голубых глазах Шторма. Фаррелл жестом поманил его к себе. Шторм, рыжебородый, с буйным нравом, настоящая горилла с мозгами гения, поднялся на платформу, и президент о чем-то быстро переговорил с ним...

ТЕМНОЙ ночью, над затемненным городом пронесся на запад маленький стратосферный самолет с Лорой Харт за штурвалом. За ней мчался быстрый корабль Шторма. Первая небесная вошь, как называли такие маленькие, быстрые летательные аппараты, включила огни, затем послала секретный код, открывший проход в электронном ограждении. Первый самолет, преследуемый второй вошью вылетел из невидимого купола и пересек Миссисипи на скорости 1300 километров в час.

Он рассекал темноту так же, как и его преследователь, пока в ночи блекло не засветилась длинная цепь Скалистых Гор. Затем самолет рванулся к узкому плоскому участку у края обрыва.

Это место походило на гигантский естественный стол, и скала за ним казалась сплошной. Вообще-то, это был небольшой аэродром, а в склоне скалы был хитроумно скрытан проход, достаточно широкий для маленького самолета.

Лора Харт оценила место внизу измерителем Гейгена, который отбросил вниз темный свет и выдал положительный результат. Харт идеально посадила самолет и выпрыгнула из него. Шторм был уже внизу. Он подошел к проходу в скале раньше нее.

Женщина посмотрела на него холодным, спокойным взглядом.

– Дайте мне пройти, – тихо сказала она.

Райдер Шторм отошел в сторону, но последовал за ней через медленно открывающуюся дверь в скале. В саду, таком пышном,

словно они оказались в тропиках, а не в пещере, куда никогда не попадает солнечный свет, он схватил Лору за руку и заставил ее смотреть на него. Рядом с ними цвел огромный куст с голубыми розами.

— Лора! Прислушайтесь к голосу разума. То, что вы сказали на совете, непростительно. Если бы не ваше прославленное имя, толпа разорвала бы вас.

Она лишь посмотрела на него, безмятежно и холодно, как северные снега. Шторм раздраженно встряхнул ее.

— Вы, кажется, не понимаете, что такое эта война. Останется либо белая раса, либо желтая! Одна неизбежно погибнет. Возможно, погибнут обе, и тогда Земля превратится в безжизненный каменный шар, если война не закончится достаточно быстро! Единственный способ сделать это — добиться быстрой победы. И, ради Бога, пусть это будем мы!

— Я стану участвовать в войне, — сказал Лора Харт.

— Но это ваш долг! Белой расе нужен ваш ум.

— Нет.

— Ради нашей расы... ради всего мира...

— Нет!

— А вас не пугает, что умрут миллионы людей, в то время как ваше великое открытие может закончить войну за неделю? Вы хотите, чтобы Земля вернулась к первобытному варварству?

— Да.

— Вы это серьезно? — хрипло спросил Райдер.

— Да, серьезно. Мне неважно, что случится с человечеством.

Шторм сделал глубокий вдох. И отпустил ее руку.

— Я вижу, что мое присутствие тут бесполезно. Надеялся, что наше долгое сотрудничество что-то да значит. Прощайте.

Он развернулся. Лора посмотрела на него с непривычным для нее румянцем на щеках.

— Райдер...

Крупный человек резко обернулся.

— Что?

— Обычно я не объясняю свои решения, — сказала Лора. — Но я не хочу, чтобы вы думали про меня... вот так. Так что я все объясню, но только вам.

— Думаю, — бросил Шторм, — что в первую очередь вы все же женщина, а не ученый. Вы безвольный пацифист. Лучше будете прятаться тут, — пока восточная авиация не разнесет вашу гору на мелкие кусочки, — и играть с дурацкими цветочками, чем помогите человечеству.

ЖЕНЩИНА покачала головой.

— Не в этом дело. Меня не волнует человечество, Шторм, потому, что недавно я обнаружила, что человек стоит на пороге гибели. Его царствование почти закончено. Он все равно умрет. И это знание делает меня безразличной к тому, что случится с человечеством в ближайшем будущем.

— Откуда вы знаете? Вы можете видеть будущее?

— Да, в этом конкретном случае могу, — спокойно ответила Лора.

— Я знаю, что дни человека сочтены, и знаю, какая форма жизни займет его место. Хотите, я расскажу вам, Райдер? Жизнь, которая вытеснит нас, — та, которую вы только что обсмеяли. Скоро миром будут править дурацкие цветочки!

Шторм открыл рот и выпучил глаза.

— Вы сошли с ума!

— Разве? Вы увидите то, что еще никто не видел. Увидите мирную, спокойную, доброжелательную форму жизни, которая займет место человечества. Не будет больше никаких войн, Райдер. Никакого дурацкого кровопролития. Мир станет лучше, когда человечество, наконец-то, уничтожит себя. Мирное, тихое сосуществование без страсти к разрушению.

— Безумная, — прошептал Шторм, а его большое тело, казалось, уменьшилось в размерах.

Но женщина лишь улыбнулась.

— Сейчас вы все увидите сами.

Она подозвала человека в униформе механика.

— Пожалуйста, закатите наши самолеты внутрь. А затем проинструктируйте остальных, чтобы в течение следующего часа меня не беспокоили.

Харт провела Шторма через удивительный подземный сад к огромной металлической двери, которую открыла комбинацией цифр.

— Ни одни глаза, кроме ваших, не видели мои секретные лаборатории, Райдер. И не увидят.

— Если только вы не решите сотрудничать с Верховным Командованием в борьбе против армии желтокожих, — сказал Райдер.

Лора Харт дернула плечом.

— Крайне маловероятно! Грубым людям я предпочитаю мирные бивые цветы.

Первым впечатлением Шторма об огромном помещении за металлической дверью были цвета. В основном зеленый, но местами присутствовали и все остальные.

Вторым впечатлением оказалось то, что он стоял посреди зеленого, волнующегося моря, которое окружало, но не окутывало его.

А в третью очередь, он понял, что стоит под каким-то невиданным ранее типом освещения, и у него возникло чувство, словно он находится на дне какого-то колодца.

Затем Шторм начал замечать детали. У стен этого помещения стояли большие прозрачные баки. Каждый мигал своим цветом и волновался, так что у него возникло чувство, словно он находился в многокрасочном океане.

Шторм подошел к ближайшему баку, в котором был лишь зеленый цвет.

Он увидел, что поверхность чего-то, находящегося в баке, неустанно волнуется. Она равномерно двигалась то вверх, то вниз, тратя секунды по три на каждый подъем или падение. Вверх ярко-зеленый, вниз более темный и тусклый, затем снова вверх. Как маленький, покачивающийся пруд.

В голубоватом сиянии запертой лаборатории Райдер ощутил, что его начинает пробирать дрожь. Прибой в баке никак не угрожал ему, к тому же, между ними было толстое стекло. Тем не менее, он почувствовал едва заметное присутствие опасности.

ОДНАКО ЛОРА, казалось, вела себя совершенно спокойно. Шторм посмотрел на нее и подошел к следующему баку.

В нем был другой цвет, фиолетовый, регулярно вспыхивающий идвигающийся вверх-вниз, как зеленая субстанция, но тут цикл занимал лишь пару секунд.

Затем Шторм вздрогнул, поскольку в этом баке природа перемещающейся субстанции была грубее, и он мог различить широкие плоские частицы. Эти частицы были листьями. Листьями растения!

Двигаясь вверх, они набухали. Фиолетовый сгусток – идеальный цветок – украшал каждый лист. Затем, как лопающийся пузырь, цветок опускался и сморщивался. Вверх и вниз, как океанский прибой. Как волны. Только вместо воды были растущие и умирающие растения!

– Боже правый...

– Эволюция, – сухо сказала Лора Харт. – Рост и увядание за три секунды вместо целого лета.

– Да, выглядит именно так. Но этого не может быть!

– Может, Райдер, может. Несколько лет назад я научилась ускорять жизненные процессы. Я сделала это с растительной жизнью при помощи облучения пласта торфа и окружающего воздуха ультрафиолетовыми лампами, висящими на потолке, и постоянного

добавления в почву смеси азота, кислорода и фосфатов, которая является моей секретной формулой. Это заставляет рост ускоряться все быстрее и быстрее, достигая максимума в этих баках, где целое поколение растений проживает целую жизнь чуть меньше, чем за три секунды.

– Три секунды – от прорастания семян до разложения?

– Все верно. Почти миллион поколений в год. Вы понимаете, какие это дает перспективы? За год растения эволюционируют на несколько сот тысяч лет. Я знаю, как будут выглядеть растения через полмиллиона лет. И есть одно растение... – Голос Лоры Харт стал мечтательным, ее голубые глаза затуманились, как у пророка. – Есть растение, эволюционировавшее под моим принудительным питанием быстрее и лучше других. Растение, которое будет править миром! Я прекратила его облучать в период, когда оно достигло расцвета своей эволюции, так что сейчас его образцы растут естественным образом, как и будет в ближайшем будущем. Пойдемте, сами на них посмотрите.

Харт провела Шторма через лабораторию ко второй двери. Он вертел головой во все стороны. За дверью стоял бак, в котором неизвестное ботанике растение каждые три секунды выращивало красный цветок размерами с тыкву. Там было нечто, похожее на бочку. Оно открывало испещренную прожилками крышку, напоминающую ловушку, закрывало ее мощным ударом, опадало до торфяного пласта, затем снова становилось высоким и зеленым. Там были и многолетники – растения, растущие дольше одного года. Они вырастали трехсекундными рывками, превращаясь в высокие деревья, выбрасывая фантастические цветы, и затем снова умирали. – Растения в качестве правителей Земли, – отперев внутреннюю дверь, тихо сказала Лора Харт. – Цветы, как цари природы. Когда люди исчезнут, настанет мир и покой. Растения не жаждут власти, не обладают инстинктом убийства. Они не убивают, как это делают люди.

Шторм уже боялся этой женщины, погрязшей в ботанике так же глубоко, как он в бактериологии. Но он не мог позволить этому произойти.

– Мир кабачков! – фыркнул Шторм. – Мир? Да, это будет мир репы! Уж лучше пусть нами правят кровожадные деспоты, чем молочай! – Он с любопытством посмотрел на Лору Харт. – Знаете, – сказал он другим тоном, – а вы уверены, что этот ваш добрый мир будущего окажется именно таким спокойным, как вы думаете? Может быть так, что какой-нибудь закон выживания сильнее

останется справедлив и тогда. Как вы знаете, существуют хищные растения. И все они будут воевать за место под солнцем.

ЛОРА УЛЫБНУЛАСЬ. Эта улыбка заставила Райдера сжать кулаки. Она была такой равнодушной и безразличной. Если бы только он мог достучаться до этой женщины, – тронуть ее сердце, – сделать что-нибудь, чтобы она стала человеком вместо миротворческой думающей машины!

– Я всю свою жизнь работала с растениями, Райдер. Я знаю их. Животные, включая и людей, жестокие и кровожадные. Растения спокойные и безмятежные. Но скоро вы сами все увидите.

Шторм прошел за ней во внутреннюю лабораторию, дважды огражденную толстыми металлическими дверями.

Вторая лаборатория была примерно десять метров в высоту и площадью с футбольное поле. Освещение там было иным. Подняв голову, Шторм понял, что включена только половина светильников. Баков он не увидел, не считая одного маленького рядом, который оказался пустым, видимо, какой-то временный питательный резервуар, больше не используемый, но еще не убранный из огромного помещения. Растительная жизнь тут росла из торфа, лежащего прямо на полу, открытая и ничем не ограниченная.

И какая растительная жизнь!

Каждое растение было от пяти до шести метров в высоту и толщиной с человеческое бедро. Их верхняя половина представляла собой голые стебли, коронованные сияющими оранжевыми цветками размерами с кабанью голову.

Лес этих растений протягивался от двери до дальней стены секретной лаборатории. И, хотя там не было ветра, они немного покачивались, словно одушевленные существа.

– Обычный лилейник, – пояснила Лора Харт. – По крайней мере, он был обычным миллион поколений назад. Теперь, как видите – возможный будущий правитель Земли.

– Великий цветочный король, да? – проворчал Райдер. – Но я не верю в это. Это же всего лишь желтые цветы-переростки. Любое животное может съесть его. Насекомые тоже могут его убить. Или человек – ученый будущего – сумеет найти способ уничтожить разом весь вид.

– Насекомые? – улыбнулась Лора Харт. – Эти растения имеют ядовитый, жгучий сок. Человек? Если люди не уничтожат себя в войне, они откажутся работать сообща – как всегда было в истории, – пока не станет слишком поздно. Животные? Они не смогут

навредить этим растениям, пока не разовьют в себе разум, более высокий, чем тот, которым обладают растения.

Шторм пристально посмотрел на женщину.

— Вы хотите сказать — эти растения способны мыслить?

— Да. Способны. Они обладают разумом, Райдер. Не буду рассказывать, каким именно, и какой вид нервной системы поддерживает его. Но эти растения разумные. И эксперименты могут доказать, что они периодически передвигаются: переходят с места на место, как животные. Это значит, мой лилейник может перемещаться с сухих мест на более влажные, с безжизненной земли на плодородную. — Харт остановилась и нахмурилась. — Странно, — посмотрев между рядами гигантских, переплетающихся цветочных стеблей, заметила она. — Тут был участок с огромными пионами. Сейчас я их не вижу.

— Может быть, они так эволюционировали, что вымерли? — буркнул Шторм.

Лора восприняла его предположение всерьез.

— Нет. Я остановила быстрый цикл роста этих растений, когда они достигли максимального развития. В почве все еще остались химикаты, но без ультрафиолетового света они не оказывают влияния. — Женщина указала вверх. — Видите, трубки ультрафиолетовых ламп выключены. Только обычные лампы солнечного света. Так что пионы не могли завершить эволюционный цикл в мое отсутствие...

ОНА СНОВА остановилась. Ее глаза расширились.

— Райдер... тут что-то не так! Я чувствую это...

— Да уж, это точно! — воскликнул Шторм. — И, думаю, я знаю, где ваши пионы! Смотрите!

Он указал на огромное растение. Большой желтый цветок был закрыт, но из его стиснутой пасти безвольно свисал зеленый стебель. Он походил на виноградную лозу, выходящую из туго закрученного мешка. Или на хвост маленькой ящерицы, попавшей в челюсти большой, хищной змеи!

— Ваши милые цветочки, — мрачно сказал Шторм, — ваши прекрасные растения, которые однажды сделают этот мир лучше, кажется, не такие уже и мирные. Вон ваш последний пион. Лилейники сожрали его!

Лора прикрыла ладонью рот. Ее лицо стало белым, как полотно, когда она увидела обмякшие корни меньшего растения, медленно и неумолимо заглатывающиеся красивым цветком большого.

Для Лоры это была величайшая трагедия. Полжизни она ставила в основу своих трудов идею, что когда-нибудь миром будут править мирные создания — разумные растения, которые не будут знать, что такое войны и разрушение, практикуемые людьми. Она мечтала о лучшем, более светлом мире, и, мечтая, совсем не интересовалась тем, что случится с человечеством, включая ее саму.

И вот теперь один вид ее сверх развитых растений объявил войну другому! Объявил войну и победил, поглотив поверженных!

Шторм понял, что чувствует Лора, и взял ее руку.

— Не расстраивайтесь, — мягко сказал он. — Вы великий ученый, но допустили ошибку, как и многие пацифисты до вас. А все потому, что нельзя игнорировать то, что жизнь — это борьба. Всему живому есть за что бороться. В вашем будущем, которое, оказывается, будет не таким уж умиротворенным, лилейники окружали пионы, поэтому между ними пошла война, и закончиться она может только гибелью одной рас. В нашем настоящем времени желтая раса, почувствовав себя окруженной белой расой, развязала войну, которая закончится...

Шторм остановился. Его рука стиснула ладонь Лоры.

— Что такое? — безучастно спросила Лора.

— Дверь. Взгляните на дверь!

Лора повернулась. Отчаянное разочарование в ее глазах медленно сменилось эмоцией, не имеющей ничего общего с осознанием провала, — сильнейшим страхом.

Между ними и дверью, где раньше был широкий, свободный проход, теперь стоял тройной ряд переплетающихся гигантских лилейников!

— Райдер! Что это значит?

Шторм инстинктивно приобнял Лору за плечи.

— Существа окружили нас... чтобы сделать с нами тоже самое, что и с пионами! Это значит, что они такие воинственные, что станут нападать на все живое в радиусе досягаемости!

— Но этого не может быть! Я была тут много раз, одна, и они никогда себя так не вели.

— Возможно, из-за того, что были ослаблены и одурманены слишком быстрым ростом. Теперь вы замедлили их рост до обычной скорости, и они обрели настоящую силу... и подвижность!

Шторм пристально посмотрел на ближайшую лилию, и по его спине поползли мурашки.

Корни существа медленно вытягивались из торфа, выползали, как бесцветные черви, и, когда они оказались вне почвы, растение, словно на цыпочках, стало двигаться к ним.

РЯДОМ С ДВЕРЬЮ все растения встали на свои корни. Они объединились в медленном марше к Лоре и Шторму.

Разум? Да, они, действительно, обладали каким-то видом интеллекта. Иначе быть не могло! Только разум мог заставить их встать между людьми и единственным выходом.

– Они приближаются... – с первобытным страхом в глазах прошептала Лора. – Что нам делать?

– Тут где-нибудь есть топор? – спросил Шторм, пытаясь сохранить спокойствие в голосе.

– Под рукой нет. В общих жилых помещениях, наверняка, есть, но, чтобы до них добраться, нужно пройти через две запертые металлические двери. Из-за лилий мы не сможем этого сделать. А помощь не придет к нам из-за замков...

Уже все огромные цветки вытащили корни из почвы. И приближались, ряд за рядом, надвигаясь на двоих людей.

– Я попытаюсь добраться до двери, – объявил Шторм с притворным спокойствием. – Эти существа не должны быть способны передвигаться быстро.

Он подошел к переднему ряду разумных растений, находящихся между ним и выходом. И ринулся вперед, выставив руки, чтобы прорваться через толпу цветов.

Ближайшие растения с быстротой молнии взмахнули стеблями. Зеленые щупальца обвились вокруг рук и тела человека.

– Райдер! – закричала женщина.

Но Шторм только сейчас начал с отчаянием понимать, что происходит. Быстрыми движениями растения сбросили большие цветы со стеблей. словно гигантские жабы, цветки с отвратительными шлепками упали на покрытый мхом пол пещеры. Но не остались там лежать.

Едва успев приземлиться, они побежали, словно многоножки, на извивающейся бахромке к крупному рыжебородому человеку.

– Райдер...

Один из отделившихся цветков захватил его ноги до самых колен. Шевелящаяся, красивая чаша крепко присосалась к ним. С определенных участков ее краев стала сочиться пищеварительная кислота.

На лбу Шторма выступил пот. Мышцы его рук и бочкообразной груди напряглись, пока он пытался высвободиться. Смерть казалась уже совсем близкой. Затем, чуть не порвав сухожилия плеч, он вырвал руки из зеленых колец, упал на цветок, сковавший ноги, и откатился в сторону.

Лора подбежала к нему. Острыми ногтями она вцепилась в свирепую чашу цветка. Стенки ее были тонкими, но прочными, как оранжевая блестящая кожа. Цветок не обращал внимания на ее руки. Но некоторые части его края потянулись к Лоре, и этого хватило, чтобы Шторм смог вырваться из смертельной хватки.

Он взглядом поблагодарил за помощь – возможно, первое насильственное действие, которое сделала Лора в своей жизни.

– Бак! Бежим, пока они не отрезали нас и от него! – отрывисто прокричал Шторм вместо благодарности.

Позади стоял стеклянный бак для экспериментов, давно им забытый. Пустой, неиспользуемый, он казался потерянным раем.

Стебель взметнулся перед ними еще до того, как они рванулись к баку. Со стебля свалился цветок, шлепнулся о мох и ринулся вперед. Шторм схватил толстый стебель и дернул его. Разорвать его пополам не получилось, но все растение содрогнулось и отшатнулось, на пару секунд освободив проход.

БАК ИМЕЛ не только стеклянные стенки, но и такой же верх. Стеклянная крышка держалась на петлях. Шторм поднял ее.

– Лора, внутрь!

Женщина залезла в бак. Шторм втиснулся следом. Крышка захлопнулась.

Оба уставились друг на друга глазами, страх в которых лишь чуть-чуть уменьшился. На мгновение бак мог показаться раем. Но через несколько секунд мог превратиться в гроб!

С удивительной быстротой передвигаясь на червеобразных корнях, гигантские растения окружили бак. Со всех сторон к стеклу, отделившись от стеблей, ползли большие оранжевые цветки. Они окружили сосуд, присасываясь к нему выделяющей кислоту бахромой, пытаясь добраться до двух людей. А затем снова доказали, что каким-то образом способны понимать и мыслить.

Два цветка влезли на стеклянный сосуд, – толстые стебли быстро ощупали верх бака и тоже полезли к нему!

Тупой конец одного из потерявших цветок растений нашел выступ крышки и начал поднимать ее.

– Ну, это-то мы исправим, – хрипло сказал Шторм.

Он подозвал Лору к стенке, над которой была петля крышки, потом с силой навалился на стекло, а Лора добавила свой вес к его. Бак наклонился и упал на бок. Зеленое кольцо, уже влезавшее внутрь, было выдернуто движением сосуда. Еще раз – и стеклянный бак встал вверх тормашками, запечатав крышку собственным весом.

– Теперь растения не сумеют забраться внутрь.

Да, это так. Но люди не смогут и выбраться!

Внезапно Шторм вскрикнул. Его брюки задымились. Ноги словно опустили в жидкое пламя.

Пищеварительная кислота, выделенная первой цветочной чашей, начала вгрызаться в плоть.

Шторм сорвал с себя брюки, затем быстро снял рубашку и стер ею смертоносное вещество с ног. Он встал, его крупное тело было оголено до пояса, а вдыхаемый воздух со свистом проходил через зубы.

Чаши цветков облепили стеклянный бак, как пчелы разлитый мед. С каждого капала тягучая субстанция, которую они выделяли при поглощении своих жертв. И под медленным действием этого вещества, ударопрочное стекло становилось молочного цвета... и начало покрываться маленькими выбоинами!

— Они могут растворять даже стекло! — воскликнул Шторм. — Видишь эти ямки! Они пробьются к нам через час или меньше того!

Лора Харт полубессознательно кивнула. Ее глаза наполнились отчаянием.

— Мы умрем в этом баке. Нас убьют и съедят... создания, которые, как я думала, отличаются миролюбивостью... которые во всем лучше людей.

Она начала дрожать чуть ли не в ритм. Шторм прижал ее к себе.

— Мы еще не умерли.

Затем он оттолкнул ее. И хрипло выругал себя самого, ругательством, больше напоминающим молитву.

— Вот же я идиот! Есть ведь способ... — Шторм схватил Лору за плечо. — Где выключатель ультрафиолетовых трубок?

— Ультрафиолетовых трубок? — повторила Лора.

— Да. Послушай... Ты сказала, что замедлила эволюцию этих чертовых существ, выключив ультрафиолетовые лампы на потолке.

Лора кивнула, а в ее глазах было непонимание.

— Отлично. Думаю, мы сможем включить их снова. Быстрый рост растений ведь можно и возобновить, да? Они снова начнут резко эволюционировать, растения станут умирать и замещаться новыми каждые три секунды?

— Да. Но...

— У людей, — быстро сказал Шторм, — есть такая штука, как расовая память. Воспоминания, передающиеся из поколения в поколение. Но со временем эти воспоминания теряются в тумане времени. Так вот, эти создания нападают на нас и хотят сожрать. Но, если ускорить цикл их роста, то нападающие будут умирать в течение считанных секунд, а следующее поколение уже не будет так хорошо

знать, что мы загнанный враг, которого легко победить — и каждое последующее поколение будет забывать об этом все сильнее, расовая память потеряется, и знание об этом пропадет. Ты понимаешь?

В глазах женщины вспыхнуло пламя.

— Вы хотите сказать, они забудут, за что сражаются?

— Именно так. Так же, как через тысячу лет люди могут, наконец, забыть, кто сделал первый выстрел, и почему. Кроме того, быстрый эволюционный процесс не может не ослабить растения. Лора, где этот выключатель?

В ее глазах цвета морской волны снова заблестела надежда.

— Вон за той панелью. — Она указала на стену подземной лаборатории в пятнадцати метрах от них. — Нам не добраться туда. Между нами и выключателем десятки злобных растений.

— Я знаю один способ! Можем просто продолжать перекачивать бак. Мы поставили его вверх ногами, чтобы заблокировать крышку, не так ли? Тогда почему у нас не получится прокатить его дальше... и достичь цели?

— Райдер... — Пальцы Лоры вцепились в его руку. — Я, правда, думаю, что это сработает. Но, если мы можем сделать это, то почему бы не докатиться до двери и выбраться отсюда?

— Потому, что дверь открывается внутрь, — объяснил Штурм. — Нам придется остановиться раньше, чтобы оставить место для створок, и эти адские растения опять смогут встать между нами и выходом. Сюда, Лора. Помогите мне.

Они прислонились к стеклянной стенке, глядящей на дальний пульт управления. Бак замер на ребре и упал на бок, придавив несколько зеленых извивающихся стеблей и расплющив пару отделившихся цветков.

— Следите за крышкой!

Маневр повторился, и люди оказались на четыре метра ближе к своей цели. Два огромных растительных щупальца яростно лезли вверх, к незащищенной теперь стеклянной крышке бака.

— Еще раз!

БАК перекатился на бок, растолкав окружившие его растения.

— У нас получится, — задыхаясь, сказала Лора.

Никто, кто хоть раз видел ее, как холодного, бесстрастного, независимого ученого или равнодушного, упертого пацифиста, не узнал бы ее сейчас. Блузка Лоры была порвана. В глазах пылало первобытное желание выжить и победить чужих любыми способами.

— Да, сегодня они нас не сожрут! — проворчал Штурм, собираясь еще раз опрокинуть бак.

Люди добрались до панели. Но крышка оказалась внизу, а не наверху!

– Райдер... Мы все-таки не сможем дотянуться до выключателя...

– Нет, – прогремел Шторм, – сможем! Но помоги нам Бог, если расовая память этих существ сохранится даже через тысячу поколений, и они продолжают нападать на нас. Потому что единственный способ до выключателя – это пробить дыру, через которую существа смогут проникнуть внутрь!

Шторм наклонился и подобрал лохмотья сорванной рубашки, потемневшие и сгоревшие от кислоты, стертой с его ног. Он небрежно намотал их на большой кулак правой руки и повернулся к стеклянной стенке, выходящей к пульту управления.

Стекло уже было сильно разъедено. Оно стало матовым от каплюющей кислоты смертоносных цветков. Шторм размахнулся и со всей силы ударил туда, где стекло казалось наиболее слабым.

Будь это стекло нетронутым, его нельзя было бы разбить даже кувалдой. Но вязкая субстанция, вытекающая из цветков, нанесла невероятный урон молекулам стекла. От первого удара Шторма оно покрылось трещинами, а после второго, нанесенного со всей мощью крупного тела, его рука прошла насквозь.

Как бешеные змеи, зеленые кольца стеблей растений рванулись к дыре, чтобы обмотать руку Шторма, просунувшуюся через дыру. Но он успел дотянуться до панели, передвинул рычаг, отвечающий за ультрафиолетовые трубки на потолке, и заметил небольшое изменение в освещении над головой.

Буквально затаив дыхание, двое людей пристально смотрели через участки стекла, которые еще сохранили прозрачность после воздействия кислоты.

И тут чудо внешней лаборатории повторилось.

Повсюду цикл роста растений сжался до нескольких секунд. Со всех сторон от бака гигантские лилейники засохли, упали на землю, разложились, в то время как вырос новый урожай, который, в свою очередь, тоже умер и разложился.

Но каждое появляющееся поколение растений продолжало яростно бросаться на стеклянный бак! Едва успев достигнуть зрелости, длинные стебли всей толпой рвались к отверстию, которое пробил кулак Шторма, а смертоносные цветки присасывались к стеклянным стенкам и выделяли разъедающую кислоту.

– Нам конец, – сказал Шторм.

Они с Лорой прижались к противоположной стенке бака, подальше от постоянно протискивающихся в дыру щупалец. Но затем

с губ бородача сорвался крик, от которого в замкнутом пространстве бака чуть не лопнули барабанные перепонки.

— Нет, не конец! Смотрите!

СНАРУЖИ, поднимающиеся растения больше не старались так яростно пробиться через стекло. С каждым новым быстрорастущим поколением зеленые растения двигались более нерешительно, а их корни все более прочно укреплялись в торфяной почве. Тем временем, цветки почти прекратили двигаться к тонким стенкам, защищающим мужчину и женщину.

— Какой бы метод они не использовали для передачи памяти своим потомкам, он не работает! — прокричала Лора. — Прошла сотня поколений. Теперь новые поколения теряют расовую память и забывают, что нужно сражаться с нами!

Шторм прижал женщину к себе и смотрел на происходящее сияющими глазами, а рыжая борода пылала странным светом, спасшим их.

И наступило время, когда ни один стебель уже не полз к отверстию в баке, и ни один опавший цветок не пытался проплавить стеклянные стенки. Осталось лишь фантастическое море растений — то прижимающееся к земле, то вздымающееся зеленой волной, взрывающееся ярко-оранжевыми цветками, которое затем снова погружалось в землю и умирало.

Побледневшие Лора и Шторм решили рискнуть. Они откатили бак назад и вылезли через открывшуюся крышку.

Ближайшие растения как бы нехотя нагнулись к ним, будто протягивая руки, а затем отклонились обратно, когда достигли зрелости и вскоре скукожились, умирая. Но это движение не походило на попытку закончить борьбу, почти выигранную далекими предками, а лишь имело некоторые черты врожденной свирепости существ, выращенных Лорой Харт из обычных цветочных растений путем многократно ускоренной эволюции.

Они добрались до двери, пробежали во внешнюю лабораторию и заперли ужас, царивший во внутреннем помещении за толстыми металлическими дверями.

Шторм убрал руку с талии Лоры. Потом взглянул ей в глаза, спокойно, вопрошающе.

— Ну? — тихо спросил он.

Лора нашла в себе силы улыбнуться, хотя у нее лишь слегка дрогнули бледные губы.

— Мы, вероятно, сумеем использовать эти ужасные существа в войне против Востока, — сказал Шторм. — Разбросаем семена рас-

тений-людоедов в их самом свирепом периоде эволюции. Они вырастают до полного размера примерно за пять недель, и мы рассеем мой парализующий вирус, чтобы солдаты не порубили их прежде, чем они заполнят вражескую территорию. Через полтора месяца мы добьемся победы, если ты согласишься работать со мной.

Лора вернулась в объятия Шторма.

– Да, Райдер. С тобой... Рядом с тобой... Я согласна передать мой эволюционный продукт Верховному командованию, поскольку ни один человек не может быть хуже, чем эти цветы! – Она вздохнула. – Кажется, нам придется принять мир в таком виде, в каком он есть, и стараться сохранить то, что мы считаем в нем лучшим.

The Bloodless Peril, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

15c

TALES OF
THE UNCANNY

STRANGE STORIES

AUG. 1939

Strange STORIES

15c

AUG.

13
COMPLETE
STORIES
IN THIS
ISSUE!

THE
CITADEL
OF
DARKNESS
By HENRY
KUTTNER

FEATURING
SNAKE GODDESS

A Novelet of a
Mystery Python

By E.
HOFFMANN PRICE

ALSO

ROBERT BLOCH

JOHN CLEMONS

HEYDORN SCHLEH

BERTRAM W. WILLIAMS

AUGUST W. DERLETH

TARLETON FISKE

CARL JACOBI

AND OTHERS

A THRILLING
PUBLICATION

ПРОКЛЯТИЕ КРОКОДИЛА

– **ЧЕРТОВА** черная свинья! – проворчал Коринг. – Если бы я мог, то начинал бы каждый день с того, что порол бы всех аборигенов на сафари кнутом, просто чтобы показать им, как нужно вести себя.

– Им это может не понравиться, – сухо заметил Камминс, а на его узком, загорелом лице появилась лукавая улыбка. – Могут даже взбунтоваться.

Все больше и больше Камминс убеждался, что управляющему шахтами Акасси не стоило нанимать Коринга вслепую, основываясь лишь на паре хороших рекомендаций. Но защищать горных инженеров, норовящих углубиться в буш Акасси, было не так-то просто, и босс, очевидно, был очень доволен, когда приказал Камминсу – проводнику, охотнику и местному умельцу на все руки – привести Коринга обратно по его возвращении с двухнедельного отпуска на побережье. Теперь коренастый, с суровым лицом инженер яростно пинал камень, лежащий на тропе в джунглях.

– Взбунтоваться? – проворчал он. – Да ни в коем случае. Они могут сбежать – некоторые уже сделали это. Вот почему я позволяю тебе всем заправлять. Я никогда не смогу пресмыкаться перед ними.

– Не совершай ошибку, думая, что африканцы все безропотно сносят, – возразил Камминс.

– Да. Я уже слышал болтовню о том, что пора бы пристрелить босса, и все такое. Но я не боюсь ни одного чертова аборигена.

– Ну, мы же не хотим, чтобы во время этого путешествия что-нибудь случилось, – раздраженный самоуверенностью своего спутника, отрезал Камминс. – У нас и так все идет не столь гладко, как я рассчитывал. Ты взял с собой слишком много... роскоши, а у нас мало носильщиков.

– Я – белый человек, – упрямо ответил Коринг.

Вывод был очевиден. Камминс покраснел, вспомнив, что «роскошь», в основном, состояла из виски, который Коринг потреблял в больших количествах.

В ВЫРАЖЕНИИ, что если вы прошли по африканскому бушу хотя бы километр, то видели весь материк, есть определенная правда. Полоса, тянущаяся вдоль берега на триста двадцать километров, невероятно однообразна. Узкие тропы проходят через густой лес, в большинстве мест непроходимый, как кирпичная стена. Изредка путник выходит на небольшие поляны, где, как правило,

оказывается деревня. И всегда, недалеке, в самом густом участке леса, стоит дом шамана.

Это может быть, пышно оформленное здание со стариком, называющим себя верховным жрецом, или просто крошечная полянка, расчищенная от кустов и не имеющая ничего, что могло бы указывать на ее священность, кроме пары жалких подношений: чаши с маниоком, разбитой бутылки из-под джина, или мертвой птицы.

О фетишизме практически ничего не известно. Вся эта языческая чепуха, суеверия и тайные религиозные обряды обычно объединяют словом джу-джу.

– Какого дьявола парни обходят это место стороной? – потребовал Коринг, когда экспедиция прошла мимо небольшой хижины, рядом с которой сидел старый африканец. – Только не говори мне, что они боятся этого сморчка!

Камминс просто кивнул. Он устал, час был уже поздний, и у него не было настроения для бесцельных бесед. Жилища джу-джу встречались довольно часто, и этот ничем не отличался от сотни других, которых он видел раньше.

В эту ночь экспедиция остановилась в соседней деревне, расположенной на берегу реки, и после ужина Коринг что-то пробормотал о том, чтобы прогуляться по окрестностям и поискать всякие диковинки.

– Может быть, взгляну на хижину джу-джу. Я слышал, лучшие вещи они хранят именно там.

– Только будь поосторожнее, – внезапно встревожившись, сказал Камминс.

– А что такое? Боишься, что эти бушмены рискнут что-нибудь предпринять?

– Не они, – нахмурившись, ответил Камминс, – а наши парни. Ты заметил, как они глядели, проходя мимо этой хижины – испуганно, настороженно. Нам не надо, чтобы кто-нибудь из них удрал от нас ночью.

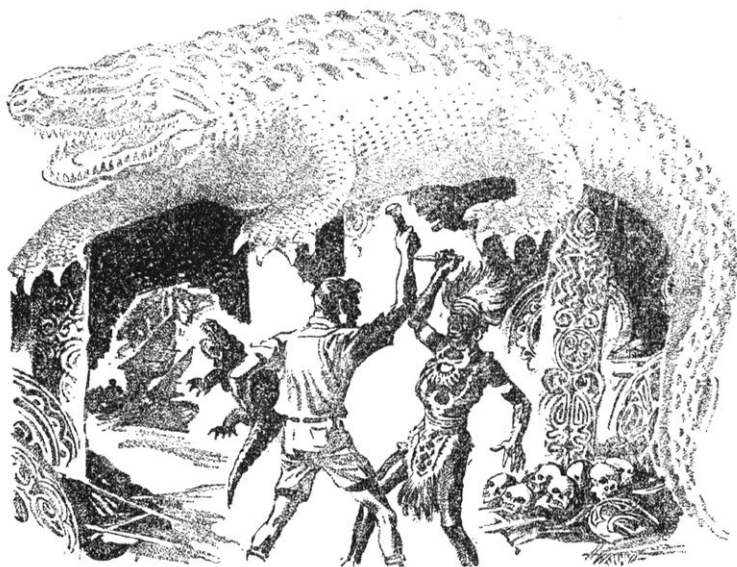
– Да к черту их! Они все равно ничего не узнают.

Коринг ухмыльнулся Камминсу, хлебнул изрядную дозу виски и через какое-то время ушел.

Это была одна из тех влажных, знойных ночей, которые так часто встречаются в Африке, когда белый человек спит лишь урывками. Постоянный шум, доносящийся из буша, действует на нервы. Жабы, квакающие в близлежащих прудах, и невероятно громкий хор насекомых. Летучие лисицы, вразнобой кричащие с манговых деревьев, и все живые существа, молчащие в течение дня, казалось, оживают по ночам, чтобы объявить о своем присутствии.

Камминс очнулся от дремоты и увидел на светящихся стрелках своих часов, что уже почти десять. Койка Коринга на другой сто-

The Curse of the Crocodile

The native rushed at Koring with some kind of dagger in his hand

*The Man Who Violates the Banga Ju-Ju Returns to the
Saurian Ooze from Whence He Sprang!*

By **BERTRAM W. WILLIAMS**

Author of "Strange Waters," "The Treasure of Ah Loo," etc.

роне палатки была все еще пуста. Неужели этот дурак не понимает, что в таком климате совершенно необходимо выходить в дорогу как можно раньше? Не понимает, что аборигены в этом регионе, мирные во всех остальных отношениях, не терпят никакого вмешательства в свои религиозные обряды?

В ЭТОТ МОМЕНТ в палатку ворвался Коринг, бросил на свою койку мешок и зажег керосиновую лампу. Он налил себе полстакана виски, и Камминс заметил, что руки у Коринга дрожат.

– Ты бы не налегал так, старина, – посоветовал он. – Это не мое дело, но...

– Да ладно, заткнись! – прорычал Коринг. – Ты бы тоже захотел выпить, если бы прошел через то же, через что и я этой ночью.

– Грабил местный банк? – спросил Камминс.

Коринг поставил стакан и стал расшнуровывать ботинки.

– Хуже. Наверное, ты бы назвал это святотатством, но... гм... ну, всякое случается.

Последнюю фразу он сказал совсем тихо.

Камминс встревоженно сел.

– Что ты хочешь сказать, Коринг? Что у тебя на постели?

Вместо ответа, Коринг пополнил стакан, зажег трубку и после секундного промедления открыл мешок и достал находку.

Сначала Камминс подумал, что это просто обычная западно-африканская статуэтка, одно из нелепых изображений животных или рептилий, которые так любят вырезать дикари. Но, поднеся ее ближе к свету, он увидел, что это была не игрушка или и вообще не расхожий товар.

Это была практически идеальная фигурка крокодила, сделанная из какой-то твердой древесины и выкрашенная краской с таким же зеленоватым оттенком, какой имеют эти рептилии, достигшие зрелости. Статуэтка была длиной почти в метр, очень тяжелой и такой похожей на настоящего крокодила, что Камминс не смог не содрогнуться от отвращения.

Кто бы ни сделал ее, он знал крокодилов. Не было упущено ни одной детали: чешуйки, зубы во много рядов – рот фигурки был открыт – короткие, похожие на руки, лапы, все совпадало.

– Просто пощупай его, – предложил Коринг. – Если это не подлинное искусство, я... я его съем.

Возможно, это было воображение, но Камминсу, действительно, показалось, что рука липла к светлому брюху. А из открытой пасти явно шел отчетливый мускусный запах.

– Вот чего я ждал с тех пор, как попал на Побережье, – продолжал Коринг. – Чего-то большего, чем просто какая-то старая безделушка. У парнишки может не оказаться большой суммы наличных...

– Где ты достал этого крокодила? – прервал Камминс. – Местным тут не нужны деньги, а я знаю, что ты не брал с собой ничего ценного.

– Утром я все тебе расскажу, – пробормотал Коринг.

– Ты расскажешь сейчас, – отрезал Камминс.

Если его спутник украл вещь, то есть шанс вернуть ее на место еще до того, как пропажу обнаружат.

Коринг налил себе третий стакан, и на этот раз Камминс не стал протестовать.

— Чутье мне подсказывало, — объяснил Коринг заплетающимся языком, — что в этой хижине джу-джу, мимо которой мы прошли, есть что-то необычное, во всяком случае, стоило заглянуть. Было темно, когда я забрался туда, но я достал фонарик и прополз через входное отверстие. Я впервые оказался в подобном месте. Там было много мусора — черепа животных, кости и какие-то мумии. Старикашка сидел на полу посреди комнаты, полностью голый, и что-то бормотал себе под нос — ну, вы знаете, как они себя ведут, когда занимаются резьбой. Самое смешное то, что он даже не взглянул на меня и вообще не заметил. Кажется, он глухой и слепой. Но, если он не увидел то меня, то что-то другое сделало это за него. Говорю тебе, я подпрыгнул, когда я понял, что лежало в метре от того места, где я затаился. Ты это увидел?

Камминс кивнул. Станным образом он тоже испугался бледных глаз статуэтки рептилии. Смертельный, бесстрастный блеск во взгляде ужасного натурщика был воспроизведен слишком уж добросовестно.

— Вот что я называю искусством, — заметил Коринг и ухмыльнулся, увидев, как Камминс невольно поморщился.

— Какой ценой ты заполучил ее?

— Небеса видят, что, когда я вошел в хижину, мои намерения были вполне благородны, — ушел от прямого ответа Коринг.

— Что ты хочешь сказать? — Камминс все больше и больше тревожил тон Коринга, из которого пропало привычное хвастовство.

— Я подобрал эту... эту штуку, и, как только сделал это, старик подал признаки жизни. Он закричал на меня, и скажу тебе, его горящие красным глаза здорово меня напугали. «Сколько хочешь, дедушка?» — спросил я, но он, пошатываясь, встал на ноги и продолжал ругаться. В этом я не ошибся. Он рассердился потому, что я сделал ему честное деловое предложение. Я держал фонарь, то включая, то выключая его. Если даже такая магия не заинтересует, тогда ничего не поможет. Так и случилось. Он бросился на меня с каким-то ножом в руке. Естественно я ударил его. Факелом. Не сильно, но... знаешь, факел — штука тяжелая, а... а черепа туземцев гораздо тоньше, чем черепа белых людей.

ВОЗНИКЛА МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ пауза.

— Ты... дурак, Коринг! — прошептал Камминс.

— Это была самозащита. И он все равно уже лет двадцать как должен был умереть.

Камминс молчал, напряженно думая.

– Нам лучше встать пораньше. Я попытаюсь все уладить, но ты натворил черт знает что.

Вместо ответа Коринг повернулся на бок и через пять минут захрапел.

После завтрака, старший носильщик Твало вошел в палатку.

– Хозяин, – начал он без предисловий. – Все парни ушли в буш.

Рот Камминса напрягся. Это было серьезно. Это значило, что все носильщики убежали одновременно. А африканцы не отказываются понапрасну от честно заработанных денег.

– Почему они убежали? – коротко спросил Камминс.

Твало помялся и посмотрел туда, где спал Коринг.

– Умер старик джу-джу, – пробормотал африканец. – Но это еще не все. Белый человек ограбил джу-джу, это...

Слова подвели его, он разрывался между верностью хозяину и ужасом перед отвратительным преступлением прошлой ночи. Камминс знал, что бесполезно пытаться выяснить, откуда Твало и его люди пронюхали о случившемся. Это одна из загадок Африки: местные узнают о событии еще до того, как оно произойдет.

– Как насчет того, чтобы нанять людей из деревни? – предложил Камминс.

Твало покачал головой.

– Этих людей не интересуют пешие экспедиции, они плавают на каноэ. Кроме того... – он со страхом оглянулся, – ...они не любят, когда кто-то входит в дом джу-джу.

Камминс понял, что это значит. Безобидные и, по своей природе, совершенно не агрессивные, западные африканцы способны быть невероятно злобными, когда на поверхность выходят их религиозные страхи. И чем дальше от цивилизации находится племя, тем сильнее в нем равнодушие к власти белого человека.

Коринг вышел из палатки, протирая глаза. Камминс объяснил, в чем проблема, и предложил ему снова проникнуть в храм и вернуть статуэтку на место.

– Черта с два я это сделаю! – проворчал Коринг. – Найду я тебе новых носильщиков.

Он схватил кнут из кожи бегемота и направился было к деревне.

Камминс схватил его руку.

– Ты дурак... ты и так создал кучу проблем! Нам повезет, если мы вообще выберемся отсюда живыми.

Он затолкал Коринга в палатку, и впервые Коринг не стал возражать. Возможно, он начал понимать, что ситуация становится очень серьезной. Камминс же не мог решить, что ему предпринять. Он хотел бы спросить Твало, но белый человек не спрашивает совета у аборигенов. Их место назначения, Акасси, располагалось в семи

днях пешего пути. Но можно было взять каноэ и поплыть длинным окружным путем. Камминс решил двигаться по воде, хотя знал, что гребцов будет раздобыть сложно.

Так и случилось. В деревне не было видно ни одного жителя, все хижины опустели.

– Да ну их к черту! – воскликнул Коринг после бесплодных поисков. – Только зря потратили время. Сами справимся.

Он подошел к небольшому челноку, вытасченному на берег реки, и начал складывать туда их вещи.

Твало что-то пробормотал в качестве согласия. Другого выхода никто не видел. Тащить столько багажа на себе было невозможно, он едва поместился в узкую лодку, которая даже в лучшие времена не была устойчивой. Камминс настоял на том, чтобы палатку и большую часть провизии оставить в деревне в качестве платы за каноэ, и подчеркнул, что плыть налегке, – жизненно важно. Но на то, чтобы убедить Коринга, что виски тоже нужно оставить за бортом, как и различное снаряжение, все равно ушло довольно много времени. Однако Камминс был непреклонен.

– Если хочешь взять эту штуку с собой, – он указал на деревянного крокодила, которого его спутник завернул в одеяло, – лучше сделай так, чтобы Твало ничего не увидел.

– А что такого? Почему я должен обсуждать свой багаж со слугой?

– Послушай, Коринг, – сказал Камминс, – Твало довольно умный парень, не такой суеверный, как большинство африканцев, но и не агностик. Понимаешь, к чему я веду? Сейчас мы зависим от него.

Камминс вряд ли когда-нибудь забудет это путешествие по реке Огван. Каждый день они гребли, потев от непривычной работы даже в прохладе раннего утра. Их руки покрылись мозолями, все конечности невыносимо болели из-за неудобного положения, в котором приходилось сидеть. Дневная жара была почти невыносимой. Казалось, она давит, как невидимая тяжесть. Тем не менее, они гребли от заката до рассвета.

Коринг, несмотря на то, что любил выпить и был весьма толст, видимо страдал меньше всех. Он постепенно снимал одежду, предмет за предметом, пока не остался практически голым. Прекратил бриться и даже мыться. Вечерами, на привалах, он мало говорил, да и в целом он угрюмо молчал, открывая рот только тогда, когда к нему обращались напрямую.

Пока Камминс обдумывал более серьезные вещи, чем внешний вид его спутника, его волновало то, как Твало изредка посматривает на Коринга. Почти голый белый человек с длинными спутанными волосами и налитыми кровью глазами вряд ли мог поднять дух африканца.

КАК-ТО ВЕЧЕРОМ Камминс велел Твало проверить ловушки для рыбы, которые он расставил, и, когда африканец ушел, обратился к Корингу.

– Завтра мы доберемся до деревень, расположенных выше по течению. Может, тебе немного привести себя в порядок? – Не получив ответа, Камминс продолжал: – Тебе лучше сесть поближе к костру, старина, а не то какой-нибудь крокодил утащит тебя. Здесь их полно, сам знаешь.

– Ну и пусть, – не шевельнувшись, проворчал Коринг. – Я не боюсь их.

– Ну, а как насчет помыться и побриться? – поинтересовался Камминс.

– Зачем?

– Послушай, Коринг. Так не пойдет – только не в Африке. Мы, белые, должны выглядеть определенным образом ради нашей же безопасности.

В качестве ответа Коринг отвернулся.

Вскоре Твало вернулся с парой пойманных рыб. Он начал чистить ее, собираясь поджарить ее на костре. Коринга это словно разозлило. Он неуклюже поднялся на ноги, выхватил рыбу из рук африканца и, пока двое других замороженного смотрели на него, сожрал ее сырой, прямо с костями. Камминс взглянул в глаза Твало и тут же отвернулся.

Камминс проснулся посреди ночи и посмотрел туда, где должен был лежать Коринг. Кроме Твало, стоящего поодаль, у костра никого больше не было.

– Где он? – тихо спросил Камминс.

– Хозяину Корингу нужна вода, – буркнул Твало. – Он ушел плавать.

– Плавать?

– Да. Возможно, еще и ловить рыбу.

Странно, подумал Камминс. По его позвоночнику пробежала дрожь нехорошего предчувствия. Белые люди, как правило, не встают посреди ночи, чтобы искупаться в кишасей крокодилами африканской реке. Он посмотрел на сверток, который его спутник использовал, как подушку. Деревянный идол пропал.

– Если он вошел в реку, то, значит, уже умер, – сказал Камминс Твало. – В этой реке очень много джамбука.

– Он не умереть, он взял джамбука джу-джу с собой.

КАММИНС МОЛЧА размышлял. Он не собирался вступать посреди ночи в религиозный спор с Твало. Вместо этого, он заполз

назад под мелкозернистую сеть, больше раздраженный роем комаров, чем внезапной тягой Коринга к полуночным заплывам.

Часом позже Коринг вернулся, но так тихо, что Камминс не заметил его присутствия, пока не услышал под ухом специфический звук. Выглянув из-под сети, Камминс увидел, как Коринг, усевшись на песке, ел большую рыбу – живьем. Его глаза блестели в свете звезд, а взгляд был устремлен куда-то мимо двух других людей, словно их вовсе не существовало.

То же самое происходило и в две последующие ночи. Днем Коринг греб, сгорбившись на носу лодки, угрюмый и молчаливый, а в темноте ходил на «рыбалку». И всегда держал при себе деревянного крокодила. Камминс пытался верить, что это всего лишь сильное желание рыбной диеты, а резная статуэтка каким-то образом приманивает рыбу так, что ее можно ловить руками.

Хорошо, но откуда тогда брался непреодолимый мускусный запах, который уже давно начал исходить от Коринга. Камминс один раз спросил об этом и получил в ответ лишь злобный оскал.

Твало держался как можно дальше от Коринга и, если бы его интересы не совпадали с интересами белых хозяев, давно бы сбежал.

Ситуация подошла к пику на третью ночь, когда Камминс проснулся и увидел, что Твало дрожит в тусклом лунном свете.

– Хозяин, вы должны это увидеть.

Камминс молча последовал за африканцем на берег реки. Укрывшись в камышах, через просвет в мангровых зарослях, они увидели поток цвета кофе, лениво текущий через джунгли. В прибрежной грязи ползали несколько объектов, напоминающих заблудившиеся бревна.

– Джамбука, – прошептал Твало. – Крокодилы!

Камминс не ответил, он уставился на Коринга, который был в чем мать родила и держал в руках что-то серебристое – свежепойманную рыбу. Он сидел на грязи, и на него, находясь не больше, чем в трех метрах, смотрел крокодил.

Крокодил был не очень большим – возможно, пару метров длиной – но и такие особи уже считаются весьма опасными. Камминс открыл было рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, когда Коринг кинул остатки рыбы этой твари и скрылся в воде.

Твало схватил Камминса за руку.

– Смотрите, хозяин, он взял его с собой.

Камминс предположил, что африканец говорит про деревянного идола, которого Коринг всегда носил с собой, но в тот момент Твало имел в виду живую рептилию. Она расправилась с объедами и тоже пошла к воде.

Камминс не знал, что делать. Оружия у него с собой не было, а бежать туда, где они оставили каноэ, и грести в темноте, смысла

не имело. Он также сомневался, что Твало согласится на такую рискованную затею. Неуверенно попялившись в темноту в течение нескольких минут, наблюдатели, не сказав друг другу ни слова, поднялись на ноги и вернулись в лагерь.

Твало подбросил дров в костер и украдкой посмотрел на хозяина.

– У тебя есть идеи, что за чертовщина тут происходит? – спросил Камминс.

Оказалось, что есть, или, по крайней мере, Твало так считал. Старик в Банге, деревне, где от них сбежали носильщики, был шаманом, причем весьма известным в этих краях. Он специализировался на поклонении рептилиям: змеям, крокодилам и ящерицам.

– Думаю, он не любил людей, делал для них джу-джу – джамбука джу-джу.

– Ну, – начал Камминс, когда африканец замешкался. – Что случится дальше – белый человек умрет?

– Будет хуже, намного хуже, – покачал головой Твало.

Камминс не стал ничего говорить. В мире, действительно, было много чего хуже смерти, даже суеверные черные могли понять это.

Когда Камминс открыл глаза на следующее утро, Коринг уже спал. Ничто, кроме мускусного запаха, который стал еще сильнее, не указывало на то, что он отсутствовал всю ночь.

– Днем мы покинем реку, Коринг, – заметил за завтраком Камминс. – Дальше пойдем пешком. Еще три дня пути.

Коринг безрадостно улыбнулся.

– Я останусь тут. Мне больше нравится у реки.

Слова вышли так хрипло, словно речь причиняла ему боль, тем не менее, они уже не походили на слова пьяного. Камминс пристально посмотрел на него, затем покорно пожал плечами. В Агвассе, через которое они пройдут, был местный врач, которому он доложит о состоянии Коринга. Очевидно, тут требовалось вмешательство специалиста.

Прежде, чем уйти, возможно, стоило украсть деревянного крокодила. Камминс начал верить, что эта вещь была каким-то образом связана с безопасностью Коринга в реке, кишящей опасными хищниками, и, при первой же возможности, рассказал Твало о своем плане.

– Хозяин, умоляю вас, не надо, – воскликнул африканец. – Посмотрите... – Он махнул рукой туда, где сидел Коринг, тупо водя глазами по реке.

– О, чепуха! Ты просто боишься, Твало. Человек джу-джу пахнет, как эта деревяшка, поэтому джамбука не кусают хозяина Ко.

Тем не менее, Камминс обрадовался, когда узнал, что в трех километрах от их лагеря на реке есть деревня. Там он спросит у мест-

ных, могут ли они помочь *ибо* — белому человеку — едой и пригладеть за ним, поскольку «он слишком болен».

КОГДА КАММИНС и Твало добрались до Агвассе, оказалось, что доктор куда-то ушел, а молодой районный уполномоченный, казалось, воспринял их историю не очень серьезно.

— Может быть, ваш спутник решил на время слиться с природой, — предположил он. — Я читал о белых в Индии, ставших аборигенами, но тут все еще интереснее — он сдружился с крокодилами. Интересно, а он может попросить одного из своих приятелей подойти поближе так, чтобы я прибил его?

Но уполномоченный перестал шутить, когда они вернулись к реке. Толпа аборигенов встретила их с новостями о том, что убит маленький ребенок, который накануне вечером пошел с горшком за водой. По крайней мере, они считали, что его съели крокодилы, хотя не осталось никаких следов. Старейшины деревни пустили туманные слухи о злом духе в человеческом обличье, которого видели неподалеку. Что касается больного *ибо* — о нем никто ничего не знал.

Единственным свидетелем исчезновения ребенка был маленький черный мальчик по имени Йомба. Да, он знал, куда ушел его друг, и, если белый человек даст ему проволоочный браслет, он отведет их туда на место происшествия и расскажет все обстоятельства трагедии.

Районный уполномоченный пожал плечами.

— Мне придется остаться тут и успокоить толпу. Ребенка, наверное, утащил крокодил, но невозможно заставить этих дурней поверить в то, что черная магия тут не причем.

Йомба с Камминсом, идущим следом, привел их к берегу реки и указал на следы в грязи, которые, якобы, были сделаны белым человеком.

Поняв, что этого недостаточно, чтобы заслужить награду, мальчик указал на узкий проход в мангровых зарослях. Там он остановился и наотрез отказался идти дальше. Без знакомых людей вокруг, его мальчишеская храбрость испарилась. Оказалось, что следы вели к джу-джу и...

Камминс шепотом выругался. Везде он наткнулся на толстую стену местных суеверий. Дальше он пошел один.

В СОТНЕ метров от воды тропинка вышла на поляну, посреди которой стояло большое манговое дерево. Рядом был водоем, соединявшийся с рекой мелким каналом, и на его чернильной поверхности плавала статуэтка крокодила. На берегу в ряд лежало несколько рыббин.

Камминс искал отпечатки ног — тщетно. Наконец, он спихнул ногой рыбу обратно в воду, собрал все сухое дерево, которое только смог найти, и, сидя у костра, сжег статуэтку крокодила дотла.

— Больше никакой чертовщины, — пробормотал он. — Если это будет продолжаться и дальше, я сам начну поклоняться резным идолам.

Придется обыскать все деревни, подумал Камминс, и прочесать весь буш, чтобы найти Коринга. После этого, инженера отправят назад, в цивилизованные места. Что же касается пропавшего ребенка... Камминс быстро отбросил ужасную мысль, пришедшую ему в голову. В конце концов, в африканских джунглях можно было погибнуть сотнями разных способов.

Но никто в деревне не желал иметь дело с больным *ибо*. Деньги, которые предлагал Камминс, были встречены тупыми взглядами. Он пожалел, что рядом не оказалось районного уполномоченного, но молодой человек, казалось, считал, что пропавший белый гражданин — не его ума дело.

— Извини, старина, — сказал он. — У меня больше нет времени. Надо писать чертовы отчеты. Согласно вашему старшему носильщику, в последнее время белый человек только и делал, что плавал в реке и ловил рыбу.

Законом это не запрещено. Вы, наверное, и сами уже подхватили лихорадку, мистер Камминс. Лучше примите хинин.

Камминса так рассердило отношение уполномоченного, что он совершенно забыл потребовать, чтобы жители деревни оказывали ему содействие.

— Мы пойдем искать белого хозяина — только ты и я, — сказал он Твало.

Твало решительно отказался, чему Камминс сильно удивился.

— Лучше не будем делать этого, хозяин Камми. Я боюсь искать.

Спорить было бесполезно. Камминс понял, что придется заниматься этим ему одному. В конце концов, невозможно было сказать, как еще опустится Коринг, подрывая престиж белого человека, и чем меньше людей это увидит, тем лучше. Как же Камминс сгруппировал, не взяв у уполномоченного винтовку! Сидеть на болоте со смертоносными рептилиями не очень-то весело.

Взяв только сетку от комаров и бутылку виски, он пошел на поляну. Коринг обязательно вернется сюда, чтобы забрать свою деревянную игрушку! Какова будет его реакция, когда он узнает, что статуэтка сгорела, Камминс не мог предположить — возможно, он надеялся, что его спутник придет в себя. В любом случае, Коринг практически, наверняка, должен был выпить алкоголь, который Камминс намеренно оставил под деревом — виски с большой дозой снотворного.

Во время долгого дежурства со временем всегда перестаешь замечать, что происходит вокруг тебя. Камминс уже был в том состоянии, когда тихий всплеск в водоеме заставил его настороженно поднять голову. На берег выполз крокодил. За ним еще один и еще, пока их не стало штук десять. Последний оказался просто огромный, не меньше четырех метров в длину. Он вышел из воды чуть дальше остальных.

Противный, мускусный запах наполнил воздух, но Камминс едва заметил его. Поскольку вместо привычного сонного поведения пресмыкающихся на суше, эти твари, казалось, чего-то напряженно ждали. Они держали головы поднятыми, и изредка подергивали хвостами.

Вскоре в кустах что-то зашуршало. Показалась расплывчатая фигура, остановившаяся под манговым деревом. Ждущие рептилии, тесня друг друга, подошли ближе. Главарь стаи открыл челюсти, а потом захлопнул их с громким щелчком, напугавшим Камминса. Размытое пятно в тени разделилось на две части. Ближайшая выпрямилась и сделала пару шагов вперед.

Это был Коринг – Коринг, покрытый темным речным илом и больше не похожий на белого человека, или даже на человека вообще. Было слишком темно, чтобы разглядеть детали, но наблюдателю казалось, что Коринг что-то ищет. Он бродил вокруг, сгорбив плечи, и не обращал внимания на бутылку виски, хорошо видимую в лунном свете. Дойдя до места, где Камминс сжег деревянного крокодила, Коринг опустился на колени и начал копать в золе.

Это был критический момент. *Восстановится ли человек-зверь после странной болезни, освободится ли от злого влияния таинственной статуэтки? Или он...* Камминс затаил дыхание.

Но Коринг выразил эмоций не больше, чем рептилии вокруг него. Он просто сидел на земле несколько минут. Большой крокодил взмахнул хвостом, и, словно по сигналу, остальные подошли ближе, а их короткие ноги двигались в каком-то странном ритме.

Коринг опустил голову так, что она оказалась почти на уровне пасть крокодилов. Затем, по-видимому, что-то вспомнив, он перебрался по спине гигантской рептилии и на четвереньках вернулся к манговому дереву.

Камминс напряг глаза, готовясь увидеть то, что произойдет дальше. К несчастью, было невозможно проследить за движениями Коринга, не изменив позицию, но Камминс не хотел спугнуть его своими перемещениями. Он просто ждал.

Коринг снова появился в лунном свете. На этот раз он стоял вертикально и что-то нес в руках, нечто, которое слабо пыталось вырваться. Камминс, позабыв о собственной безопасности, встал и вышел из мангровых зарослей.

Но ни один крокодил не заметил его. Их мутные, тупые глаза пристально смотрели на то, что нес Коринг – на тщетно сопротивляющегося ребенка аборигенов.

Слишком перепуганный, чтобы кричать, мальчик – очевидно, тот самый, который пропал из деревни – мог выражать страх только всхлипываниями. Коринг высоко поднял его и заголосил гортанной животной тарабарщиной, раскачивая мальчика из стороны в сторону и увеличивая темп с каждым новым движением.

ПРОИСХОДЯЩЕЕ заставило Камминса вскочить на ноги, забыв о лежащих рядом чудовищах. В спешке он запнулся за огромный хвост ближайшей рептилии и упал. Секунду лежал, ослепнув от липкой жижи и чуть не задохнувшись от тошнотворного запаха, витающего у самой земли. Вокруг Камминса шелкали челюсти, тяжелые тела хлюпали в грязи. Когда он протер глаза и с трудом поднялся на ноги, то увидел, что Коринг пропал.

Крокодилы столпились у подножия берега, который был чуть больше метра высотой. На краю склона лежал африканский мальчишка, замерев от ужаса и выпучив глаза. Рядом с ним ползало нечто, что Камминс узнал не сразу. Затем его прошиб холодный пот, и он остановился в грязи, тупо уставившись вперед.

Существо было не животным и не человеком. Его тупой взгляд, будто ничего не видя, скользнул по наблюдающему человеку и ужасным крокодилом, ждущим внизу. Был ли это плод воображения или фантастический эффект лунного света и теней, созданный нависающими джунглями, Камминс так и не понял, но ему показалось, что существо, лежащее животом вниз напротив него, изменилось ужасным образом. Пятна грязи на когда-то белом теле стали словно чешуей, а наклоненная голова, скрытая в тени, – уродливой и нечеловеческой. Руки сильно искривились, локти выгнулись внутрь, как конечности у чудовищ рядом с водоемом.

– К-Коринг! – хрипло прокричал Камминс, с трудом выдавливая слова пересохшими губами.

Ответа не последовало, не донеслось ни единого звука, кроме шуршания крокодилов, пока они двигались взад-вперед в беспокойном ожидании.

КАММИНС ПОМЧАЛСЯ по грязи и добрался до берега. Он схватил ребенка и побежал вглубь суши. Но не согласовал этот маневр с человеком-зверем.

Коринг – если это был еще Коринг – яростно зарычал и ударил Камминса. Неустойчивая земля на берегу поехала под ногами.

Возможно, это и спасло Камминса. Коринг на секунду отвлекся. Сползшая земля образовала склон, по которому крокодилы вполне

могли забраться, и они тут же ринулись вперед. Пытаясь удержать ребенка, Камминс чуть не потерял равновесие и отчаянно бросился от быстро приближающихся рептилий. Уголкем глаза он заметил, как вокруг него смыкается смертельное кольцо. В пышных ветвях над головой что-то зашевелилось, и верху появилась голая рука.

– Хозяин, ловлю!

Твало! Камминс не промешкал ни секунды. Он подкинул маленькое черное тельце, и с облегчением что-то буркнул, когда Твало поймал ребенка.

– Хозяин, я же говорил, чтобы вы забыть об этом.

Хороший совет, но ему не так-то просто было последовать. Со всех сторон вокруг Камминса были извивающиеся и толкающиеся бронированные тела, огромные морды тыкались в его ноги, пока ужасные создания беспокойно скользили туда-сюда. Нечто, которое когда-то было Корингом, отступило к краю мангровых зарослей. Камминс содрогнулся, увидев его мутные глаза, ставшие стеклянными и нечеловеческими. Какой бы тонкий слой цивилизованности не покрывал Коринга до сего момента, сейчас он полностью исчез. Белый человек канул в глубокое прошлое – прошлое, уходившее в эпоху, царившую задолго до того, как первый предок человека слез с деревьев, чтобы начать сражаться с более слабыми животными, завоевывая господство на земле.

Обильно потев и хрипло дыша, Камминс невольно отшатнулся назад. Его нога проскребла по бронированной шкуре, что-то раскололо воздух, и он полетел головой вперед в кусты. Темнота поглотила его...

– Хозяин, идти сможете?

Над ним нагнулся Твало. Луна исчезла, над рекой появилась серая дымка – верный предвестник рассвета. Камминс поднял одеревеневшее тело, простилав от ослепляющей боли, пронзившей голову.

– Что с ребенком и... с Корингом? – прохрипел он.

Твало указал на ближайший куст.

– Ребенок спит, – ответил он и замялся. – Хозяин Коринг уже давно умер в Банге.

– В Банге? В деревне, где он нашел статуэтку – что за чушь ты несешь, Твало? Разве ты не видишь его под деревом?

Абориген упрямо покачал головой.

– Не видеть хозяина Коринга, только крокодилы. Я не врать. Сходите посмотрите сами.

Камминс так и сделал. Поляна опустела. Рептилии и человек исчезли. Кроме разбитой бутылки и следов десятка крокодилов, там ничего не было. Ничего... не считая двух узких борозд, идущих рядом друг с другом по берегу и исчезающих в водоеме. Камминс с

побелевшим под загаром лицом быстро поднял голову и встретился взглядом с Твалю.

— Его схватили крокодилы, — они всегда утаскивают мясо под воду, — сказал тот. — Крокодил ест крокодила.

The Curse of the Crocodile, (Strange Stories, 1939 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

THRILLING WONDER STORIES

15¢
AUG.

The
**DEADLY
DUST**
By WILLIAM
FITZGERALD

IN THE
CARDS
By GEORGE
O. SMITH

A THRILLING
PUBLICATION

ТЕМНЫЙ РАССВЕТ

«АЛЬБАКОР» находился в тысяче трехстах километрах от Сувы, проделывая путь через Тихий океан к месту назначения, отмеченному лишь на морских картах. Это был военный крейсер, переоборудованный под плавучую лабораторию, с экипажем из военных моряков, но также несущий на борту десяток специальных экспертов в качестве пассажиров.

Много дней корабль ждал возле опасной зоны, пока патрульные самолеты не передали по радиации, что последствия экспериментального атомного взрыва, по-видимому, ослабели. Потом на «Альбакоре» начались поспешные приготовления. Чудо, что дозор заметил Грэшема в резиновой лодке, и еще большее чудо – что он оказался жив.

Он сидел на палубе с повязкой на глазах, а невролог Блэк оперся на перила рядом с ним и смотрел в сторону кормы. Вскоре Блэк достал пачку сигарет, машинально протянул их Грэшему, но тут же вспомнил, что человек слеп.

– Сигарету? – спросил невролог.

– Да, спасибо. Это вы, доктор Блэк? – Голос Грэшема был очень тихим.

– Ага. Он самый. Я наблюдал за акулой. Она следует за нами от самой Сувы.

– Здоровая такая?

– Одна из самых больших, что я когда-либо видел, – ответил Блэк. – Та малышка, что хотела откусить от тебя кусочек, пока мы вытаскивали тебя. Она продолжает кусать наши весла!

– Жаль, что акула не сожрала меня, – заметил Грэшем и выбросил сигарету. – Все без толку. Если я не вижу дым, то не могу наслаждаться курением.

Невролог посмотрел на пациента.

– В конце концов, мы не знаем, навсегда ли вы ослепли. Мы впервые сталкиваемся с подобным.

– Я смотрел прямо на вспышку, – горько сказал Грэшем. – До нее было много километров, но я почувствовал, как она в одно мгновение выжгла мне глаза. Так что не рассказывайте мне басен!

– Ладно. Не буду. Но это абсолютно новый тип атомного взрыва. Не урановый. Это контролируемая цепная реакция, основанная на искусственном элементе – наверняка тут замешаны новые виды радиации.

– Отлично. Когда будет следующая война, мы сможем всех ослепить, – мрачно засмеялся Грэшем. – Я, наверное, буду жалеть себя еще пару месяцев. Затем возьму собаку-поводыря и снова стану полезным членом общества. Вот! – Он замолк и, когда заговорил снова, его голос стал другим, сомневающимся, словно Грэшем не совсем понимал, что его слышит кто-то еще. – А, может, и нет, – продолжал он. – Может быть, я уже не буду... полезным... никогда. Может быть, я не только мое воображение...

– Воображение? – с интересом повторил Блэк. – Что еще за воображение?

Грэшем дернул перемотанной головой.

– Ничего! – резко выкрикнул он. – Забудьте!

Блэк пожал плечами.

– Расскажите мне о себе, Грэшем, – предложил он. – У нас не было времени познакомиться, как следует. Как получилось, что вы очутились тут именно сейчас?

ГРЭШЕМ РАЗДРАЖЕННО покачал головой.

– Просто я оказался не в то время не в том месте. Может быть, так и должно было случиться. Судьба... откуда мне знать? О, после войны я многое пережил. Скитался по островам. Мне... мне нравится море. – Он вдруг понизил голос. – Не просто нравится. Я люблю море. Я не могу находиться вдали от него. Непреодолимое очарование – я просто нанимаюсь обычным матросом, портовым грузчиком... без разницы кем. Главное, чтобы быть рядом с морем. Солнце, море и небо, вот что мне нужно. Ну, я все еще могу ощущать тепло солнца, дуновение ветра и слышать воду. Но больше не могу видеть ее.

Трудно было понять, что именно хотел сказать Грэшем последним предложением. Он повернул голову чуть влево, и его лицо напруглось, словно он всматривался во что-то вдалеке.

– Вы же знаете, что существуют акустические радары, да? – спросил невролог.

– О, конечно. Я научусь распространять вокруг себя звуковые волны и с их помощью обходить препятствия. Но...

Голос Грэшема стих. Казалось, он пристально глядел на что-то в море через повязки, не обращая внимания на слепоту. Неожиданно для себя самого, Блэк повернулся, чтобы посмотреть туда же, куда и уставился слепой взгляд. И на огромном расстоянии в блеске солнца, играющего на водной глади, он заметил, или ему показалось, что заметил, как нечто расплескивает воду и ныряет...

This was the city of the underseas

DARK DAWN

By KEITH HAMMOND

Blinded by an atomic blast, Dan Gresham joins forces with the radiant Swimmers to preserve an undersea civilization!

– Доктор Блэк, – обратился Грэшем напряженным, неуверенным голосом. – Доктор Блэк, как хорошо вы разбираетесь в психиатрии?

– Что? А, ну довольно прилично. – Блэку пришлось приложить усилия, чтобы убрать из своего голоса удивление. – Почему вы спрашиваете?

– Вы заметили у меня какие-нибудь симптомы... помрачения рассудка?

– Ничего необычного. Разве что нервный шок, но это нормально. Атомный взрыв, застигнувший вас, определенно мог его вызвать.

– После того, как прогремел взрыв, я плыл, не знаю, сколько времени, прежде вы подобрали меня. Я... начал воображать всякое.

Можно сказать, бредить. Но не знаю. Я... забуду это, правда же? Может быть, позже я захочу еще поговорить об этом. Просто забудьте, что я сейчас сказал, доктор Блэк.

В конце концов, трудно было сказать что-то внятное, когда речь заходила об ядерных взрывах. Поскольку произошло необъяснимое. Это было частью неизведанного, открытого ключом атомной энергии.

Даже Дэниел Грэшем, годами скитавшийся по тропическим островам, не мог не слышать о последних экспериментах с атомной энергией. Он перестал вести счет времени еще в 1946-ом, потому что рядом с архипелагом время меняло свой ход, и часы могли пролетать за секунды, или наоборот, тянуться месяцами, в зависимости от того, находились ли вы на фестивале кава-кава с золотокожими меланезийцами или просто лежали на теплой палубе, растянувшись под хлопающими парусами и слушая, как тихо плещут волны.

Но радио не умолкало. Оно рассказывало об урановых шахтах, построенных ради экспериментов, о новом методе с использованием гидрида лития и об ученых, которые постоянно что-то чертили, проверяли, изучали... и регулярно натывались на новые загадки. И последний эксперимент – совершенно новый вид атомного взрыва, никогда прежде не происходившего на Земле, возможно, за исключением того времени, когда планета была раскаленной, расплавленной массой.

Гибельный огонь вспыхнул и через мгновение погас. Но оставил следы в приборах, расставленных на его пути, и в сложном, чувствительном инструменте внутри черепа Дэниела Грэшема.

Мысли можно измерить, – это электрические импульсы. Машина, которая передает их, может быть функционально изменена. И, качаясь на волнах в лодке, Грэшем обнаружил очень странную замену потерянному зрению...

Шлюпка с «Альбакора» вернулась с регистратором, установленным на бую, и Блэк медленно расхаживал взад-вперед по палубе, рассматривая катушку бумаги и пытаясь игнорировать крики птиц, хлопающих крыльями над головой, и напряженное внимание на лице Грэшема. Его не должно там быть, на лице слепца. Грэшем сидел, как и вчера, завязанными глазами уставившись куда-то в море, словно он видел то, что не могли видеть обычные глаза.

– Доктор, а что там такое? – внезапно спросил он.

Испугавшись, Блэк посмотрел в направлении вытянутого пальца.

— А? Кажется, морская свинья*. Она... нет, теперь ее там уже нет.
— Он в изумлении посмотрел на пациента. — Грэшем, а вы все еще слепы?

— На моих глазах повязка, разве вы не видите? — тихонько рассмеялся Грэшем. — Конечно, я слепой.

— Тогда как вы узнали о морской свинье?

— Это не морская свинья.

БЛЭК СДЕЛАЛ глубокий вдох.

— Что за черт с вами творится, Грэшем? — спросил он.

— Я бы тоже хотел знать. Я... — Грэшем замялся и затем выпалил: — Можете называть это галлюцинациями. Я могу видеть. Но не глазами.

— Да? — очень тихо и осторожно спросил Блэк, потому что жутко боялся сбить настроение собеседника пообщаться. — Продолжайте.

— Вот сейчас, например, — тихо начал Грэшем. — Я вижу в восьмистах метрах отсюда корабль. Вижу дым и маленьких человечков на борту. Вижу себя и вас. Со стороны. Периодически волны загораживают обзор. Вы держите что-то белое.

Блэк уставился в голубую даль, где то, что казалось морской свиньей, подняло брызги и исчезло в глубине. Но не увидел ничего, кроме океана.

— Я сказал вам, что начал воображать всякое еще в лодке, — продолжал Грэшем. — Я постоянно вижу все с разных точек. Да, я знаю, что ослеп, но эти вспышки... зеленая вода... голубое небо и белые облака...

— Память. Воображение.

— Это не морская свинья, — сказал Грэшем.

Блэк приложил усилия и собрался с мыслями.

— Послушайте, — сказал он. — Ладно. Вы оказались на пути какого-то нового вида радиации. Эти расчеты... — Он пошуршал листками бумаги в руках. — Они не совсем совпадают. После атомного взрыва эту зону накрыла неизвестная форма радиации. Но... — Доктор отошел в сторону. — Это точно не морская свинья? Тогда что это?

— Не знаю. Но оно разумное. Оно пыталось общаться со мной.

— Боже правый! — по-настоящему испугавшись, воскликнул Блэк. Потом с сомнением посмотрел на Грэшема.

* Морская свинья (*Phocoena phocoena*) — семейство морских млекопитающих подотряда зубатых китов (прим. перев.)

— Знаю, знаю. — Грэшем, видимо, почувствовал в тишине этот сомневающийся взгляд. — Может быть, я все выдумываю. Может, я, действительно, заметил морскую свинью — но, возможно, слышал то, чего не было. Остальное... ну, у меня нет никаких доказательств, кроме того, что я видел... и чувствовал. Говорю вам, там было что-то разумное. Оно попыталось общаться, но не смогло. — Грэшем почесал лоб над повязками, и его лицо снова напряглось. — Я тоже не вижу в этом смысла. Это слишком... чуждое. Но нужно постараться... — Он вдруг рассмеялся. — Могу представить, как вы смотрите на меня. Хотите что-нибудь проверить, доктор Блэк? Может быть, коленный рефлекс?

— Пойдемте со мной, — коротко сказал Блэк.

Грэшем снова засмеялся и встал на ноги...

Через час они вернулись на палубу. Блэк выглядел встревоженным.

— Послушайте, Грэшем, — горячо сказал он. — Я не знаю, что с вами случилось. Признаю это. Энцефалограмма была... озадачивающей. Ваш мозг испускает волны, которые раньше никто не регистрировал. Теоретически, возможны некоторые удивительные вещи. Например, радио не должно принимать переданные волны, но оно принимает их. И телепатия теоретически возможна. Думаю, ваш мозг немного изменился вследствие того, что оказался слишком близко к эпицентру атомного взрыва. В человеческом мозгу есть скрытые способности, новые чувства, о которых мы мало что знаем.

— Кажется, для этого вам нужно придумать новые слова, — сказал Грэшем, когда Блэк запнулся и прервался. — Мне без разницы, как называется то, что со мной произошло. Я снова вижу. Не глазами. Но вижу.

На секунду Грэшем затих, и Блэку показалось, что на лице слепца появилось восхищение, словно он смотрел на нечто более прекрасное, чем когда-либо видели глаза человека. Когда Грэшем заговорил, его голос тоже оказался полным восхищения.

— Я вижу! — повторил он будто самому себе. — Неважно, что случится дальше. Нечто живое, разумное и... и полное отчаяния рядом со мной. Я вижу его глазами. Его мысли слишком иначе, чтобы их можно было понять. Оно пытается мне что-то сказать, но не может. И мне без разницы. Мне важно лишь то, что я могу видеть, и что именно я вижу. — Грэшем замаялся. — Как красиво, — пробормотал он. — Всю свою жизнь я любил красивые вещи. Вот почему вы нашли меня здесь, в тропиках, подальше от городов и противной мне цивилизации. А теперь! — Он тихо засмеялся, и его голос изменился. — Если бы я видел ваше лицо, то не говорил все это, — сказал

Грэшем. — Но я не вижу его, поэтому говорю, что чувствую. Красота — единственное, что имеет значение, и в каком-то смысле я рад, что так случилось, если я и дальше смогу видеть... подобное.

— Подобное чему? — Блэк напряженно подался вперед. — Расскажите мне.

Грэшем покачал головой.

— Не могу. Не существует слов, чтобы описать это.

Некоторое время они сидели молча, Блэк хмурился и глядел на восхищенное, слепое лицо перед ним, Грэшем смотрел сквозь повязки, с помощью глаз другого существа на то, о чем он не мог рассказать.

Вдалеке, что-то сверкнуло на поверхности воды, перевернулось в воздухе и исчезло снова.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро, Грэшем не проснулся. Блэк подумал, что это каталепсия. Пациент лежал неподвижно, его сердце билось слабо, а дыхание почти остановилось. Пару раз по его лицу пробежало какое-то движение, и он вздрогнул. Но это и все. Долго лежал он в таком полуживом состоянии.

Но Грэшем был двукратно, троекратно — стократно — жив в каком-то другом месте.

Это начало происходить с ним незадолго до рассвета, как показалось ему после. Вначале он почувствовал, как что-то тянется к нему. Его внутреннее зрение продолжало видеть проблески, а затем резко захлопнулось, как створка камеры. Появилась мысль, бьющаяся о преграду, пытающаяся достучаться до него. Но она была слишком чуждой, и не могла пробиться внутрь. Полусонный мозг Грэшема ничего не понимал. Он тянулся к другим разумах вокруг него, ища контакт. Птичьи разумы — искорки жизни, поднимающиеся и опускающиеся на ветру, тусклые, бесформенные клочки облаков. И разумы других животных в воде, смутные, рассекающие зеленую бездну. Но в конце он всегда возвращался к Пловцу.

И наконец, Пловец, наверное, понял, что не может общаться с человеком, понял, что остался лишь один выход. Нужно было показать, что он хотел сказать. И сделать это можно было только одним способом.

Так что он поплыл вниз, к жемчужному свету заката, где море и небо это огромные пустоты, а «Альбакор» — маленький темный силуэт вдали, где было спрятано тело Грэшема, спящее, пока его разум опускался на дно вместе с Пловцом, в непостижимые глубины.

Вниз и вниз, в огромные бездны под атоллами, где под водой может скрыться даже Эверест. Пловец может измерить их глубину, по-

сколько он не человек. Разумный – да, но совершенно не похожий. Жизнь под водой следует иному курсу, нежели наземная жизнь. И подводные города тоже должны быть совершенно другими.

Грэшем никогда не знал, что такое свобода от телесной оболочки. Он разделял с Пловцом физические ощущения движения в поддерживающей среде, в которой мог двигаться в любом направлении. Это было так странно, мощное тело на время приютило его разум, но он понятия не имел, как оно выглядит.

Также были ощущения неопишуемого различия с этим существом – гладкой, плывущей, взрывающейся резкими толчками мышечной тяги, пока он двигался вниз. И вместе с погружением постепенно пропадал ноющий, надоедливый дискомфорт. Раса Пловца жила на больших глубинах, и давление постепенно стало для него комфортным. Снова тело Пловца начало ощущаться, как его собственное, и это глубокое, чувственное удовольствие заставило его поплыть вниз сложным путем, как птица играет в своей стихии, или дельфин резвится в волнах.

Начала сгущаться темнота. Но Грэшем стал замечать новый, странный свет, идущий снизу, неземная заря, свет, который не может увидеть ни один человек, разве что только таким невероятным способом. Грэшем никогда бы не смог описать цвет рассвета бездны, нереально медленное прояснение тусклого дня, пронизывающее безграничное подводное пространство.

Мимо проплывали тени глубинных вод, существа ужасной, загадочной и фантастической красоты. Один раз мимо проплыла машина огромного кита, а другой – дьявольский пикник крошечных разноцветных фонариков – рыбы со светящимися пятнами, беспечно плывущими перед тенью барракуды, преследующей их, как смерть.

Но дно моря было темным. Возможно, лишь в некоторых местах можно было найти эту страну затаившихся теней. Невероятное свечение подводного рассвета угасало и осталось лишь на маленьких участках, пока разум Грэшема опускался в глубину вместе с Пловцом. А потом впереди показалась колоссальная стена, не имеющая ни верха, ни низа, ни конца.

Угол зрения медленно изменился, и Грэшем понял, что это была не бесконечная стена, а дно моря. Из него торчали скалы. Атоллы и холмы, уходящие в слабые проблески света, облепленные ковром подводных растений. Но великие равнины и долины были в тени.

С мерцающих веревок, исчезающих в глубине внизу, свисали решетчатые сферы света. Их было много десятков, похожих на яркие воздушные шарики, увеличивающиеся в размере по мере того, как

Пловец приближался ко дну. По решеткам пробегала дрожь, сотрясая вихри темноты, заставлявшие сферы тускнеть, потом загораются, как фонари, и тут же снова терять яркость.

Головокружительный путь Пловца, похожий на полет по зеленому воздуху, нес Грэшема прямо на ближайший шар. Между решетками появился проход, похожий на поднимающийся ставень, который, достигнув верхней точки, опустился.

И они оказались в подводном городе.

Пять дней тело Грэшема неподвижно лежало на койке в «Альбакоре», пока корабль плыл над непостижимыми безднами, где разум Грэшема двигался среди сплошных тайн. Доктор Блэк проводил с каталептическим пациентом как можно больше времени, наблюдая за размытыми тенями выражений, то и дело, появляющихся на его лице: удивление, иногда отторжение, тревога и страх. Но все это были лишь призраки настоящих чувств, которые разум Грэшема испытывал вдали отсюда.

На пятый день он очнулся.

БЛЭК УВИДЕЛ, как руки Грэшема быстро поднялись к завязанным глазам, и тот резко сел, издав нечленораздельный звук. На секунду на его лице появилось уныние и страх.

— Все в порядке, — тихо сказал Блэк. — Все в порядке, Грэшем. Вы спали, и вам снились сны, но сейчас вы в безопасности. Просыпайтесь!

— В безопасности! — горько воскликнул Грэшем. — Хотите сказать, снова слепой. И... — Его лицо сморщилось в гримасе отвращения, затем он вернул контроль над собой, и его руки, которые до этого тщетно пытались сорвать повязку, словно могли вместе с ней убрать слепоту, мягко упали на одеяло.

— Что вам снилось? — спросил Блэк. — Вы проспали пять дней. Расскажите мне?

Все выяснилось не сразу. Грэшем излагал содержание снов обрывками в течение многих дней, но, в конце концов, закончил.

— Найдите диагноз, который подходит для меня, — сказал он Блэку. — Вам надо решить, шизофреник ли я, — если это правильное слово — и есть ли у меня галлюцинации. Мне это неважно. Я знаю, что произошло. Там внизу существуют города...

Грэшем не знал, что такое настоящая красота, пока не проплыл с Пловцом через невероятные подводные города. Наша раса, прикованная узами гравитации к земле, никогда не познает таких чудес. Наши тела деформировались, безуспешно пытаясь приспособиться к воде, с тех пор, как мы научились ходить на двух ногах. Но виды,

не зависящие от гравитации, достигли невероятной красоты и полной свободы, идеально адаптировавшись к зеленому водному миру, существующему под водой.

— Они могут строить, как хотят, — тихо сказал Грэшем. — Гравитация на них не действует. Там были дома — если их можно так называть — сделанные из спиралей, колец и сфер. Они могут свободно плавать внутри шаров, если надо. Одни строения движутся по орбите. А другие — ох, я даже не в состоянии объяснить. Я прожил с подводным народом некоторое время, но не могу рассказать, как они выглядят. Таких слов просто не существует. Ему пришлось показать мне все, чтобы я понял, что о чем он хочет мне сообщить. Могу лишь сказать, что это было прекрасно, такая красота, какую я любил всю свою жизнь и пытался найти долгие годы. Я возвращаюсь туда, Блэк.

— Почему? — У Блэка на коленях лежала записная книжка, и его ручка плавнo скользила по бумаге, пока Грэшем тихо говорил. — Расскажите об этом месте, Грэшем.

— Это все атомный взрыв, — сказал слепой. — Радиация нарушила некий баланс, там далеко внизу, и их машины больше не работают так, как нужно. Вот, что вызывает водовороты темноты в свете и заставляет трястись решетки по всему городу. И им нужны эти решетки. У них есть враг — другая раса, или ответвление их собственной расы. Так странно, что в подводном мире войны идут так же, как и тут, и одна раса поработает другую, как сделал народ Пловца. Сначала я подумал, что они... ну, скажем, злые. Я видел, как они правят. «Злые» — глупое слово. Народ Пловца такой красивый, сильный и дикий, что мы не можем примерять наши правила к их жизни. Я жил среди них. Видел во тьме океанского дна другую расу, изгнанную из этого чудесного мира удивительного света, который люди даже не могут увидеть. Сначала я подумал, что это жестокое порабощение... других. А потом я увидел одного из них. — Голос Грэшема надломился, а на перемотанное лицо упала тень отвращения. — Я увидел, что случилось после небольшого восстания, увидел, как Другие убивают, и как они выглядят. После этого я все понял. Если бы решал я, то уничтожил бы их всех. Я не могу побороть это желание. Это инстинкт. Существует то, что не должно жить. Это все происходит в подводном мире неизвестно сколько веков, неизвестно сколько тысячелетий. Только подумайте об этом, Блэк! Империи строятся и умирают, расы правят и поработают другие, наука развивается в направлениях, которые мы никогда не поймем и не сможем даже представить, пока Пловец не выйдет на поверхность. Его раса разумна. Они, наверное, поняли, что новая

радиация и взрыв – дело рук другой разумной расы. Они видели затонувшие корабли и утонувших людей. Они знают, что мы живем на поверхности. Но они так сильно отличаются от нас ... Между нашими расами невозможно никакое общение. Если бы случайность не сделала – то, что сделала – с моим мозгом, ни один человек так бы ничего и не узнал. Ну, так вот, я возвращаюсь. В подводном мире беда. Им нужна помощь. – Грэшем прервался и резко засмеялся. – Почему я постоянно думаю, что могу помочь им? Ведь я даже не могу понять, чего они хотят. Только могу ждать, пока кто-нибудь из них согласится забрать меня с собой в глубины, чтобы я мог видеть его глазами. Если не сумею помочь, то буду хотя бы смотреть. Снова пронесусь через чудесные подводные города и увижу народ Пловца. – Голос Грэшема стих, и он мысленно вновь очутился среди морского народа, увидел его красоту, его дикость и странное, чуждое очарование. – Самому Пловцу пришлось остаться, – продолжал после долгой паузы Грэшем. – Машины – вы бы никогда догадались, что это машины, если бы увидели их, – перестали работать, как надо. Все, кто мог, должны были помогать машинам, помогать удерживать темную расу – Других – подальше от городов. Так что Пловец отпустил меня, и мне пришлось вернуться.

– Что вы будете делать? – спросил Блэк. – Есть ли какой-нибудь способ снова связаться с ними?

ГРЭШЕМ ОБРАТИЛ слепые глаза к океану. Помолчал еще секунду.

– Эта акула, – сказал он. – Здоровенная. Она все еще преследует нас.

Блэку пришлось встать и перегнуться через перила, чтобы убедиться.

– Да, я вижу ее. Она совсем рядом.

– Хорошо, – уверенно сказал Грэшем. – Разумное существо может на некоторое время взять под контроль неразумное. Я завладею телом акулы и вернусь туда.

– Вы устали, Грэшем, – сказал Блэк. – Мы можем поговорить об этом позже. Дам вам успокоительное, я хочу, чтобы вы отдохнули.

Грэшем вдруг засмеялся.

– Видите эту чайку наверху? Что бы вы сказали, если бы она сделала три круга и села на перила рядом с вами?

Блэк поднял голову. Сделав один, два, три круга, чайка спланировала на поручень. Ее желтые лапки обхватили металл, и она уселась, вертя головой из стороны в сторону и глядя на Блэка глазами, которые на секунду ему показались фантастически похожими на

глаза Грэшема, словно слепец в разуме птицы выглянул и посмотрел на него.

Грэшем снова засмеялся.

— На коленях у вас лежит записная книжка, — сказал он. — Вы и понятия не имеете, как странно выглядите глазами птицы, Блэк. Все размытое и непривычное.

— Отпустите ее, — сказал Блэк сдавленным голосом.

Чайка наклонилась вперед, раскрыла крылья, ее глаза снова опустились, а мозг заполнился непонятными птичьими мыслями.

— Да, — сказал Грэшем. — Акула пойдет...

Блэк сидел рядом с койкой и смотрел на спящее лицо слепого, а его собственный разум пребывал в смятении. Он одновременно верил и не верил рассказам Грэшема, но, вне зависимости от своих желаний, обнаружил, что в его разум просачиваются какие-то образы, пока смотрел, как на каталептическом лице меняются эмоции. Блэк увидел, как скользит в зеленой глубине, увидел, как в этой глубине расцветает небывалый подводный рассвет, который невозможно описать, почувствовал, как огромное тело акулы напругает тянущиеся по всей длине существа мышцы и движется к городу плавающих сфер, освещающих темноту, как фонари, зажженные нечеловеческими руками.

Внезапно Грэшем сел на кровати. Кровь прилила к его лицу.

— Ого! — воскликнул он сдавленным, невнятным голосом.

— Грэшем? — положив руку ему на плечо, спросил Блэк. — Вы очнулись? В чем дело?

Но нет, он еще спал. Он не повернул головы, не почувствовал руки и не услышал голоса доктора. Весь его разум был сосредоточен на чем-то очень далеком, находящемся в бездне под кораблем. Грэшем походил на человека, которому приснился кошмарный сон. Его дыхание, свистящее через оскаленные зубы, участилось, а лицо перекошилось, как у человека, борющегося за свою жизнь.

— Темнота! — хрипло сказал Грэшем. — Темнота! Куда делись решетки? Почему все изменилось? О, что тут происходит?

И это было последнее, что можно было разобрать, и последние слова, которые у Блэка было время слушать, поскольку Грэшем вдруг начал яростно сражаться с одеялами, пытаясь сбросить их с себя и взмахивая кулаками всякий раз, когда Блэк пытался удержать его.

В конце концов, Грэшема пришлось привязать к койке, чтобы не дать ему поранить себя и окружающих. Он все еще неистово боролся, отдыхал, восстанавливая дыхание, и затем снова старался вырваться из-под натянутых веревок. Его лицо обуяла ярость, от

которой у Блэка побежали мурашки по спине, — нечеловеческая ярость.

И в том, как извивалось тело Грэшема, как оно сгибалось и прямлялось, как странно оно боролось, Блэк увидел движения тела акулы, сражающейся в глубине с незнакомым врагом.

— Кровь! — пробормотал Грэшем гортанным голосом. — Кровь... столько крови... ничего не вижу, но... вот и еще один... убивать, убивать! Убить всех!

И Блэку показалось, что маленькая комнатка стала темной как подводная тьма, и кровь придавала особый оттенок тусклой воде, кипящей от ужасной борьбы с неизвестным противником.

Блэк сразу понял, когда акула умерла. Он понял это по последней судороге тела Грэшема, лежащего на кровати, двойного рывка и внезапной тишины. Блэк даже на секунду подумал, что увидел, как на лице Грэшема промелькнула пустота самой смерти, коснувшись разума, контролировавшего акулу.

После этого наступила тишина и сон от сильной усталости...

— Было уже слишком поздно, — сказал Грэшем.

Он прошептал эти слова, хрипло после криков во время кошмарного сна. Его тело покрылось синяками из-за борьбы с веревками, а разум устал и измучился.

— Наверное, было поздно уже с того момента, как раздался взрыв, но никто об этом не знал. Они продолжали надеяться. Они послали Пловца на поверхность и притащили меня, до последнего надеясь, что я смогу им помочь. — Грэшем засмеялся, издавая какие-то крякающие звуки. — Я должен был понять, что такое чудо долго не проживет. Города и подводный народ — их не должен был видеть ни один человек. Мне очень повезло, что я успел побывать там, пусть даже не в своем теле. Может, оно и к лучшему. Две наши культуры никогда бы не нашли общий язык. Если бы у человека существовал способ связаться с подводным народом, мы бы только разрушили их культуру, как разрушаем любое другое творение прекрасного. Когда придет время, мы уничтожим и себя. Мы действительно их уничтожили, Блэк. Это сделал взрыв. И, может быть, это был наилучший способ, ведь, в конце концов, быстрая смерть лучше медленной.

— Но что это было? Что случилось?

ЛИЦО С ПОВЯЗКОЙ помрачнело.

— Я опустил на дно в теле акулы. Еще издавека я понял, что что-то не так. Только пара городов была освещена, и один из них погас, пока я еще приближался. В подводном рассвете я видел мед-

ленно движущиеся черные фигуры. Если бы не темный народ, не рабы, думаю, они могли бы еще победить. Они уже почти вернули машины под свой контроль. В последнем городе механизмы могли бы сдержать Других, если бы те уже не вошли в город. Я заставил акулу подплыть ближе, попасть в один из темных городов, где я был вместе с Пловцом. Тогда он был полон света, спиралевидных жилищ и красивых, гибких существ, скользящих между плавающими сферами своих домов. Теперь тут стало темно. Я мало что видел... слава Богу. Но... черные... фигуры, плавающие в этих опустошенных городах среди тел красивых мертвых Пловцов, пугали меня. — Грэшем закусил губу и замолчал. — За последнее освещенное место все еще шла борьба, — продолжал он через некоторое время. — Я заставил акулу заплыть туда. По крайней мере, тут я еще мог помочь. Пловцы воевали изогнутыми сверкающими лезвиями, разрезающими все, чего они касались. Они были удивительными бойцами — ужасными, но одновременно удивительными. Я никогда не видел такую ярость и такую красоту. Но Других было слишком много. — Голос Грэшема прервался, затем продолжал: — Другие являлись злыми, вырождающимися, темными существами, — невнятно произнес он последние слова.

— Вот, выпейте, — поднеся стакан ко рту Грэшема, приказал Блэк. Грэшем сделал глоток и какое-то время молчал.

— Это был конец, — сказал он, наконец, гораздо более спокойным голосом. — Я все видел. Я сделал все, что мог. — Он слабо улыбнулся. — Акулу, в конце концов, убил один из Пловцов. Они, разумеется, не поняли, что это был я. Наверное, подумали, что рыба просто приплыла на запах крови. Изогнутое световое лезвие прошло через ее тело, как сталь — или огонь — подводный огонь... и акула умерла. Ну, мне в любом случае было пора подниматься на поверхность. Я сделал все, что мог. Но это еще не конец.

— Что вы хотите сказать? — потребовал Блэк и быстро добавил: — Неважно. Вам надо отдохнуть. Вы все обдумаете и расскажете мне потом.

— Не надо мне ничего обдумывать. Помните, что я сказал, когда впервые увидел Других? Какую ненависть они вызывают даже при первом взгляде? Инстинкт, Блэк, инстинкт ясно велит убивать их. Я... я не знаю, почему, но это то, что я буду делать дальше. — Грэшем сжал кулаки и слабо ударил по одеялу. — Истребление! — сказал он хриплым, натянутым шепотом. — Истребление!

Неделю спустя «Альбакор» прошел мимо группы крошечных островов, разбросанных, как цветы на воде. Показались шлюпки аборигенов, чтобы, как обычно, предложить фрукты и новости.

Грэшем, казалось, знал их. Он бегло заговорил на канакском языке, Блэк увидел, как закивали и что-то быстро забормотали аборигены. Когда шлюпки собрались плыть обратно, Грэшем сел в одну из них.

— Я знаю, что хочу, — сказал он Блэку, когда тот помог ему перебраться через поручни. — Физически, я в порядке. Или, по крайней мере, чувствую себя лучше, чем когда-либо. Всю ответственность я беру на себя — вы можете перестать беспокоиться обо мне. У меня даже есть деньги на то небольшое, что мне теперь будет нужно. Забудьте обо мне, доктор. И спасибо... большое спасибо.

С сомнением и странной, нелогичной завистью Блэк смотрел, как Грэшем уплывает.

Шары, когда-то сиявшие, вися в бездне на тросах, теперь были темными, как ночь. Под ними ночная страна морского дна уходила далеко в вечный свет, свет, который никогда не увидит ни один человек. Внутри городов, ставшими братскими могилами, плавали красивые тела местных жителей, голые скелеты из полых костей, очищенные от мяса более примитивными обитателями моря. Мертвая раса навечно упокоится в мертвых городах.

Но другая раса все еще живет в этих городах. Темная, чужая раса, уничтожившая своих хозяев и теперь бродящая среди развалин разрушенных ими строений. Вместе с этой расой живет смерть.

Из необъятного океанского рассвета наверху, одна за другой, безмолвно опускаются рыщущие акулы, чтобы убивать... и умирать. А на острове неподалеку, в свете солнца, которого он не видит, на пляже сидит человек с необычным зрением, направленным на другой мир. Мир воды, тьмы и смерти.

Он не так слеп, как другие слепцы. У него тысяча глаз. И месть, которую нужно свершить. Когда-нибудь его жажда будет утолена, когда умрет последнее темное создание. После этого, Грэшем обретет покой. Тогда он перестанет смотреть на мир странными глазами других созданий, больше не будет вспоминать мельком увиденную красоту в час ее крушения и потеряет зрение навечно.

В сравнении с памятью о той красоте, все остальные люди все равно были слепы.

Dark dawn, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

СОДЕРЖАНИЕ

Генри Каттнер

КОГДА ЗЕМЛЯ ОЖИВАЛА	7
When the Earth lived, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 10), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
ОТРЯД САМОУБИЙЦ	27
Suicide squad, (Thrilling Wonder Stories, 1939 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР	55
No man's world, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 8), пер. Андрей Бурцев	
ОБРАТНЫЙ АТОМ	73
Reverse atom, (Thrilling Wonder Stories, 1940 № 11), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
ХРУСТАЛЬНАЯ ЦИРЦЕЯ	91
The Crystal Circe, (Astonishing, 1942 № 6), пер. Андрей Бурцев	
Я – ЭДЕМ	121
I am Eden, (Thrilling Wonder Stories, 1946 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

Уилл Гарт

БЕСКРОВНАЯ ОПАСНОСТЬ	167
The Bloodless Peril, (Thrilling Wonder Stories, 1937 № 12), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

Бертрам В. Уильямс

ПРОКЛЯТИЕ КРОКОДИЛА	187
The Curse of the Crocodile, (Strange Stories, 1939 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

Кит Хаммонд

ТЕМНЫЙ РАССВЕТ	205
Dark dawn, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 8), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

[illegible]

by LAWRENCE O'DONNELL

The ancient legends of rejuvenation, though they called it magic, tell something of its price. The trouble was, it was, for many ancient formulas and bits of knowledge, called . . .

Through the park's windows Bill Westerfield could see the village street, with larch branches hanging low above the blue-shadowed snow. The double tracks of snow furnished in the distance. From Morgan's sleek sedan was parked by the curb and Norman Bennett on a sporty 1911, scowling into his coffee cup.

Morgan moved his heavy shoulders impatiently and threw his heavy black brows closer together. "Vine?"

by Henry Kuttner

Johnny Drake's radio was a bit odd. It picked up the following day's broadcasts.

JIMMYE ESKAPE had his back to the wall. He always fought barehanded. He was fast, but his hands, the odds were heavily against him. In his grip he could hold a knife, but he didn't like to use it. There was no way out of the flooded subway, of course, and his opponents—well, there were six of them, including a mad killer, several foreign giants, two moon-faced gnomes, and a cowboy. Oriental girls who might be Fu Manchu himself. Most of the attackers had guns, but there was also a sword in evidence, and Fu Manchu had a flame-thrower. "They run," said Johnny Rocco. "You asked for it."

However, he did not run. One of the moon-faced gnomes had become far more confident than the others. In fact, the others dimmed back to the dream world where they had come. Fu Manchu and his Butang were not up to protect Needham North. Nothing remained.

MURKIN HATE CHAIRS

By HENRY KUTNER

Tosses Up a Hardcore in Sky City, the Planet of Pleasure

It was Bill's job to make certain that the "deft" and "dumb" were never allowed to take advantage of the city's reputation. He had been born a few years before the marriage and had brought up to be, he said, "a good boy." He was a "wonderful" boy, he said, and he was "a good boy."

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Нечеловеческий мир